СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ЗАКОНЫ
БЕЗУМИЯ
Мария Высоцкая

Мария Высоцкая

Законы безумия

Серия «Законы безумия», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42005740
SelfPub; 2021

Аннотация

Детдомовец и мажорка. Они из разных миров, у них нет ничего общего, ничего, кроме обоюдной неприязни, граничащей с обожанием. Богдан – вырос в детском доме, его усыновили, когда ему стукнуло семнадцать. Теперь он вынужден учиться в элитной школе. Он дерзкий, бесстрашный, справедливый, и никогда не делит людей на богатых и бедных. Герда – всегда считала себя лучше других. Хотела доказать отцу, что он может ей гордиться. Она королева элитной гимназии. Местная звезда, а ещё, просто несчастная девочка. Смелая снаружи, и робкая внутри. Их судьбы сплетены настолько тесно, что другим там никогда не хватит воздуха.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 6
Глава 1 12
Глава 2 25
Глава 3 39
Глава 4 55
Глава 5 71
Глава 6 83
Глава 7 95
Глава 8 107
Глава 9 117
Глава 10 128
Глава 11 144
Глава 12 157
Глава 13 169
Глава 14 184
Глава 15 197
Глава 16 205
Глава 17 217
Глава 18 228
Глава 19 236
Глава 20 243
Глава 21 256
Глава 22 268

Глава 23 289
Глава 24 305
Глава 25 326

Мария Высоцкая
Законы безумия

В оформлении обложки использована фотография с https://unsplash.com/ по лицензии CC0.

Пролог

Отрывки непоследовательны во времени, а вырваны из разных глав. Ибо так веселее!

« – Богдан? Это что такое? Она пьяная?

– Мама Марина, выключай училку, мы же дома. Мне ее бросить надо было, что ли?

– Ладно, в комнату давайте.

Чтобы Гера ничего не сбила своим пьянющим тельцем, поднимаю ее на руки и тащу в комнату.

– Я себе тогда на полу постелю, – уже на лестнице.

– Богдан, – слегка протянуто, – ты спишь в гостиной сегодня, – мама качает головой, растягивая губы в красивой, но ехидной улыбке.

– Че эт?

– В гостиной, Богдан!

– Ладно, ладно.

Уже в комнате кидаю Гольштейн на кровать. Она что-то мямлит, корчит рожицы. Я лишь со стороны наблюдаю, опираясь плечом о дверной косяк. А Гера тем временем упорно пытается встать с кровати. Пошатываясь, выпрямляется, начиная расстегивать рубашку.

А вот это уже становится интересным. Плюхаюсь на кро-

вать в полулежачее положение, ноги же остаются на полу. Закинув руки за голову, с насмешкой смотрю на это шоу.

Гера стягивает юбку.

– Гера, ты зачем трусы-то напялила? Что в них, что без, – комментирую, смотря на прозрачный белый материал и тонкую полоску сзади.

– Я Герда, – впивается в меня колюченьким, но таким забавным взглядом, а потом падает рядом, – Шелест, давай поцелуемся, – закидывает на меня свои ноги.

– Не, – задумчиво, – я с алкоголичками не целуюсь, – ржу над ее вытянувшейся мордашкой.

– Вот за это я тебя и люблю, – улыбается.

– За то, что с алкоголичками не целуюсь? – сжимаю ее протянутую ладонь.

– За то, что в трусы ко мне не лезешь, – вытягивает ноги, и теперь мы оба находимся в полулежачем состоянии, тесно прижимаясь друг к другу боками.

– Гера, ты только скажи, я двумя руками «за», – делаю серьезное лицо. Гера же хохочет, толкая меня локтем в бок.

– Я Герда, Шелест!

– Ты Герда Шелест? Звучит.

– Что? – зависает, а потом хитро улыбается. – Не дождешься».

«– Ты че здесь делаешь? – это первое, что я слышу, проходя по душному коридору новой обители знаний. Тоска зеле-

ная. А когда поворачиваюсь, радости моей нет предела. Павлик Сомов – собственной персоной.

Мажорик, думающий, что выиграть можно, только когда у тебя есть бабки. Соперничек. Этот слизняк с самого первого дня тянет одеяло на себя, в сотый раз бросая мне вызов и публично проигрывая. Боец из него – дно.

К моей дикой скорби, это создание тренируется со мной в одном клубе. Не так давно, последние пару месяцев. Но и за это время он успел всем стать поперек глотки.

– Да вот зашел и здесь тебя отделать, – смеюсь в лицо этому придурку, – расслабься, – хлопаю по плечу, – учусь я теперь здесь.

– Ты? Ты ж ср*ный детдомовец, кто тебя сюда пустил?

– Так тебе морду начистил, вот они и решили, как они здесь без меня будут. Считай, за заслуги перед родиной, – наблюдаю, как багровеет лицо этого недоноска, – я же тебе говорю, расслабься, не напрягай оставшуюся извилину, а то и эта порвется».

«Его голос приводит меня в чувство, и я отхожу в сторону.

– Да, – киваю.

– Ты чего красная?

– Что? – трогаю щеки и, кажется, краснею еще больше, – жарко, – пожимаю плечами, – спасибо, – аккуратно забираю протягиваемую им тетрадь, стараясь не коснуться его пальцев.

– Обращайся, – улыбаюсь, но моя улыбка быстро гаснет, – только смотри, чтоб рыцарь твой не расплакался, как узнает, что я тебе задачки решаю.

– Пошел ты, Шелест! Я тебя не просила, – с остервенением заталкиваю все в сумку, собираясь уйти, а лучше – убежать. Но кто-то в этом мире, кажется, против. Ручка сумки рвется, и та с шумом падает на пол.

Богдан так и сидит на подоконнике. На лице красуется улыбочка, его сильно забавляет вся эта ситуация, а я ползаю по полу, пытаясь подобрать все, что разлетелось из открытой сумки.

– Наверное, пойду я, – слезает с подоконника, а я замираю, поднимая на него глаза, – а то ты так себе тут шею свернешь, пока от меня убегаешь.

Он уходит. Вальяжная походка, руки в карманах брюк, как всегда, выправленная рубашка, расстегнутый пиджак, не затянутый до конца галстук… Он один так носит школьную форму, чем сильно выделяется, но ему, кажется, до этого совершенно нет дела».

«– Что тебе надо? – шиплю где-то на десятом круге, понимая, что он так и будет волочиться за мной надоедливой тенью.

– Что? – удивленно так.

– Отстань от меня, – вновь ускоряюсь, но прекрасно понимаю, что еще круг в таком темпе – и я труп. А ему хоть

бы что, бежит, лыбится.

– Я к тебе не приставал, – резко останавливается, хватая меня за руку, – а вот сейчас, – притягивает ближе, заставляя почти что влететь в его грудь носом, – пристаю.

– Не трогай меня, – вырываю руку, отскакивая на метр, – офигел? – ору, привлекая к нам внимание. Боковым зрением сразу улавливаю Павлика, который даже не чешется подойти ближе.

– Ага, – спокойненько пожимает плечами, – побежали, – толкает меня вперед, – Альбина смотрит.

И я бегу. Как полная идиотка, бегу, спиной чувствуя его прожигающий взгляд. Пробегая мимо Сомова, хмурюсь, кидая ему вызов одним взглядом, он делает шаг в мою сторону, а после замирает. Оборачиваясь, замечаю лишь, как опускается рука Шелеста. Что за фигня здесь происходит?»

«– Богдан, драка в первый же день. Ты недельку хотя бы не мог подождать?

– Я случайно.

– Случайно?

– Ты же в курсе, кто получил по тыкве?

– Еще бы, его отец в директорской час орал.

– Прости, – убираю руки в карманы, представляя, сколько маме Марине пришлось вытерпеть за этот час.

– Ладно, у тебя сколько уроков осталось?

– Один.

– Тебя подождать?

– Не, сам доеду».

«– Что, довольна, Гольштейн? – шипит Соколова, нависающая над Сомовым.

– Более чем, – откидываю волосы назад, смотря на нее с вызовом, но она лишь отворачивается.

Школу сотрясает звонок, и я понимаю, что в класс вот-вот придет учитель. Хватаю учебник и уже на ходу засовываю тот в сумку.

– Богдан, – ору, пытаясь его догнать.

Шелест же идет, словно не слышит моих воплей.

– Богдан, – хватаю за руку, пытаясь остановить эту машину.

– Что?

– Спасибо. Я хотела сказать тебе спасибо, – облизываю губы, краснея от его злобного взгляда.

– Знаешь, Герда, ты права, нам не стоит общаться».

Глава 1

Богдан.

…длинный серый коридор с обшарпанными стенами и отстающей на потолке побелкой я не забуду никогда. Он казался нескончаемым. Высокая рыжеволосая тетка в темной кофте и очках с острыми и, кажется, такими колкими оправами, ее лицо не выражало ни малейшей эмоции. Впалые скулы, безэмоциональный взгляд, незаинтересованно блуждающий по стенам коридора, она с каждой секундой ускоряла шаг. А я, будучи маленьким шестилетним ребенком, просто не успевал за ней, а оттого часто спотыкался. Но женщина лишь невозмутимо сильнее тянула меня за руку.

Мимо пробегали дети и, завидев новенького, разглядывали меня во все глаза. Старшие лишь смеялись над моим запуганным взглядом, я же ускорял шаг, все крепче прижимая к себе серого зайца.

Наконец Гестапо остановилась, широко распахнув дверь большой комнаты, где стояло много кроватей. Все они были одинаково заправлены, некогда белое белье посерело от частых стирок, а шторы только нагоняли тоску. Все в этой комнате создавало угнетающую атмосферу. По телу пробежал холодок.

– Вот твоя кровать, – громко скомандовала она и выпустила мою руку из своей, – днем сюда заходить нельзя, толь-

ко в специально отведенное время. Идем.

На выходе из комнаты уже собралась толпа детей, слухи здесь распространялись быстро. Их глаза пылали интересом вперемешку со злобой. Стоило только женщине уйти, как толпа стала сгущаться надо мной, словно стая серых волков.

– Эй, новенький! – воскликнул паренек, по виду он был на пару лет старше. – Чего замер? Что это у тебя? – отобрал игрушку. – Ох, посмотрите-ка, что это у него? Заяц, – расхохотался, – ты что, девчонка?

Толпа начала ехидно хихикать, их глаза горели какой-то необъяснимой злобой.

– Отдай! – я шагнул в его сторону, пытаясь вернуть свое.

– А ты отбери, – он еще громче смеялся надо мной и моими нелепыми попытками отобрать игрушку.

– Верни, это мое, мое! – я кричал что было сил, ведь это единственное, что осталось от родителей, зайца мне подарили на прошлый день рождения. Я никогда в него не играл, он всегда мирно лежал на полке, но стал той вещью, которую я успел прихватить с собой, когда в дом моей старой бабули нагрянули органы опеки.

– Смотрите, он сейчас расплачется, как девчонка! – все громче глумилась толпа.

– Я не девчонка! – кричу что есть сил, сжимаю руки в кулаки, но в глазах предательски застывают слезы. Все произошло слишком быстро и неожиданно. Я ринулся вперед и ударил задиру по лицу, тот заорал и выронил игрушку, но

поднять ее я уже не смог. Еще несколько мальчишек проворно схватили меня за плечи и оттащили к стенке.

Задира быстро пришел в себя.

Удары приходились по всему телу, кроме лица. Когда они закончили, все, что я мог, это отшатнуться от стены и упасть на пол, свернувшись в клубок. Сил не было. Тело болело, из глаз текли соленые слезы, и так хотелось домой. К маме, отцу… Но их больше нет. Их никогда больше не будет. Бабушка говорит, что они уехали в далекую командировку, но я знаю, что они умерли. Я слышал разговоры соседей по лестничной клетке, слышал, как они жалели меня, потому что в пять лет я остался практически сиротой. Слышал, и от этого становилось еще больнее.

Тогда я еще не знал, что мне придется испытать и пережить в этом месте, не знал, как жестоки бывают обделенные вниманием дети, не знал и то, насколько скоро мне предстоит узнавать это изо дня в день, медленно превращаясь в куклу для битья.

Прошло больше месяца, за окном был совершенно незнакомый город. Все было серым. Тело ноет от очередной потасовки, я сижу в углу первого этажа, под лестницей. Это место я облюбовал сразу, после той первой драки. Единственное желание в тот момент – скрыться от чужих глаз. Поджав ноги под себя, вспоминаю, как мы с отцом ходили на рыбалку, катались на роликах, как кормили с мамой птиц в парке недалеко от дома, зимой ездили кататься на ватрушках. Ко-

гда я вырос, то часто задавался вопросом, как я мог все это помнить, помнить те моменты, когда мне было три, четыре года, ведь большинство помнит лишь мимолетные картинки, а я четко видел целые фильмы прошлой жизни. Помнил лица родителей, мамин смех, папин серьезный, но в то же время насмешливый взгляд, когда я впервые пытался надеть червяка на крючок, помнил все до малейшей детали. Но за всеми этими мыслями всегда приходила одна и та же концовка, мое сознание каждый раз изощренно воспроизводило утро в день гибели родителей. В голове вновь раздавался горький бабушкин плач, разговоры соседей, черные закрытые гробы. Мои родители попали в аварию. На трассе в беспроглядный ливень в их маленькую тойоту влетела огромная груженая фура, это я, конечно, узнал позже, как и то, что от них остались лишь разорванные на куски части. Хоронить, по сути, было нечего, изуродованные тела положили в закрытые гробы, пряча глубоко под землю. По спине побежали мурашки, плечи невольно сжались.

– Вот ты где! – зло вскрикнула Инна Геннадьевна, воспитатель. – Нашкодил и смылся. Ты зачем Егорова побил, а?

– Он первый начал!

– Первый, – она орет, а я даже не реагирую, – у него синяк на все лицо. Паскудник! Привезли проблему на мою голову. Быстро пошли к директору. Пусть она с тобой разбирается! – она бесцеремонно вытаскивает меня из-под лестницы за ухо.

Полная и отвратительно манерная женщина гордо выша-

гивает по коридору, иногда оборачивается, чтобы побуравить меня своим яростным взглядом, словно желая показать, какой я никчемный. Дойдя до кабинета директрисы, она ухмыляется и толкает вперед.

– Иди, иди!

Заглянув в кабинет, я вижу огромный письменный стол, за этим самым столом сидит худая женщина с черными как уголь волосами. Из кабинета тянет сигаретным дымом. Завидев меня, она нехотя тушит окурок, поднимаясь с кресла и распахивая окно. Деревянные рамы скрипят от такого напора.

– Стучать надо! – недовольно. – Шелест, – ее цепкие, серые, как лед, глаза впиваются в мое лицо, губы недовольно сжимаются, – зачем Егорова побил, гаденыш?

– Он первый начал, он у меня…

Фурия несется ко мне со скоростью света и хватает за ворот зеленой рубашки в мелкую белую клеточку.

– Значит, так, я ябед терпеть не могу. Попался, отвечай! Мне тут проблемы с тобой не нужны, – отпускает воротник. – Еще раз повторится, будем говорить по-другому. Ясно тебе? – киваю. – Молодец, а теперь пошел вон отсюда, – мегера толкает в спину по направлению к двери.

Вылетев из кабинета, я спотыкаюсь и падаю возле порога на колени. Утерев слезы рукавом, встаю – отряхиваю штаны.

– Пойдем, – слышится откуда-то сбоку. Обернувшись на голос, невысокую темноволосую девчонку, она стоит непо-

далеку, теребя пальчиками толстенную косу, – не бойся. Я Таня, – Таня растягивает губы в миленькой улыбке, – вот, – отдает мне зайца, отобранного еще в первый день моего приезда сюда.

– Спасибо.

– Это Сережке спасибо, он Егорова и всю его шайку отлупил, но они будут молчать, – робко смотрит на дверь директрисы. – Как тебя зовут?

– Богдан. Богдан Шелест.

– А я Таня, Таня Мелкова, – из-за лестницы к нам подходит худощавый и длинный мальчик, – а это Сережка, мой брат.

– Ну привет, – протягивает мне руку.

– Спасибо, – смотрю на своего зайца.

– Больше не теряй. Орала?

– Да.

– Обвиняла, что ты Егорова побил?

– Ага, – вздыхаю.

– Этот Егоров – стукач еще тот. Запомни вот что: никогда не бей по лицу. По крайней мере здесь! Нет синяков, нет доказательств! Иначе…

– Понял.

– Тебя за что сюда?

– Родители на машине… – не смог договорить, из глаз выступили слезы.

– Не реви! – одернул Сережка. – Нормально все будет. Те-

бе сколько лет?

– Шесть.

– И мне. Не боись, теперь мы тебя никому в обиду не дадим, – подмигивает, – кстати, хорошо ты Егорова! Такой мелкий, а вон сколько силы. Танюха, что встала? Пошли.

Девочка бежит за нами вприпрыжку, а каблучки ее сандалий отбивают гулкую мелодию в стенах этого треклятого места.

***

Одиннадцать лет спустя…

– Шелест, ну сколько можно? – бурчит директриса, буравя меня взглядом. – Ты, Мелков и вся ваша шайка скоро доиграетесь!

– Лариса Викторовна! Ну как мы можем, о чем вы вообще?!

– Я знаю, что ты, Мелков, Крашевич, Смирнов и Воеводин вчера сбегали в город.

– Не понимаю, о чем вы, – засовываю руки в карманы и непонимающе смотрю на грымзу.

– Пошел вон, сопляк! – срывается женщина, на что я лишь ухмыляюсь.

Третий раз за этот месяц я выхожу из ее кабинета под эти крики. Шаркая ногами по бетонному полу, медленно вышагиваю по коридору, направляясь на улицу. У самых дверей наталкиваюсь на задирающуюся малышню. Оценив ситуацию, приближаюсь к дерущимся малявкам, которые виз-

жат как сумасшедшие.

– А ну – тихо! – громкий крик распугивает детей, и они, словно мышки, разбегаются по углам. За толпой не следует только один. Маленький сероглазый мальчик.

– Спасибо, – раздается тихо.

– Как тебя зовут?

– Витя, – робко шепчет малыш.

– Я Богдан, – подаю ребенку руку, – обижали? – кивок. – В следующий раз скажи, что, если тронут, мне расскажешь.

Паренек снова кивает и, срываясь, убегает из зала. Я же направляюсь на улицу. Мелок уже ждет меня под старым дубом во дворе. Мы с ним не разлей вода, вот уже десять лет, с того самого разговора в коридоре. Мы быстро стартанули и собрали вокруг себя круг детдомовской элиты, которая силой выгрызла себе место под солнцем. Как только ушли одни старшаки, им на смену пришли другие, то есть мы.

И мы не беспределим. Нет, мы лишь поддерживаем порядок: не даем задирать слабых, ставим на место борзых. Здесь наше слово увесисто, а решение – неоспоримо. Эта, казалось бы, на первый взгляд игра – далеко не детская безобидная забава, нет. Наш интернат на окраине города, недалеко от промзоны, мы видели многое, сбегая туда ночами, а потому знаем цену человеческой жизни, при нас людей не раз закатывали в бетон, чему мы были лишь сторонними наблюдателями. Именно поэтому мы не понаслышке знаем, как сурова может быть жизнь, в которой мы лишь инструмент по-

рядка в одной небольшой, созданной человеком системе, и да, тот человек, который создал эту ср*ную систему, однозначно был го*нюк.

Хлопаю Мелка по плечу, облокачиваясь на дерево.

– Мы сегодня в город, ты с нами?

– Нет, у меня тренировка.

– Ты задрал всех со своими тренировками. Спортсмен х*ров.

– Иди в ж*пу, Мелок. У меня соревнования скоро.

– Зачем тебе это надо? – закуривает сигарету. – Не понимаю…

– Значит, надо, – отмахиваюсь, зная, что Мелок все равно не поймет моих стремлений. Заниматься борьбой я начал в шесть лет, сразу же как в интернате открыли секцию по самбо. Какой-то меценат решил сделать детишкам подарок, и мне он оказалось кстати. Я упорно тренировался. У меня всегда был большой энтузиазм на этом поприще, в восемь я поехал на свои первые соревнования, где взял золото. Тренер в тот же день положил на меня глаз, и не слезает и по сей день. Сплошные тренировки, режим, соревнования…

– Ребята, – кричит Танюха, она подходит к нам быстрым шагом, – там, – заводит руку за спину, – там, в общем, у нас новая директриса, к себе вас зовет, – убирает руки в карманы легкой курточки, осень в этом году теплая.

***

Мы, как стадо на выгуле, стоим в коридоре. Ждем. Чего, собственно, загадка. Минут через пятнадцать к нам выходит невысокая, стройная брюнетка. На вид ей лет тридцать пять. Если она наш новый Царь и Бог, то я готов кончить прямо здесь.

Оборачиваюсь, зная, что такие мысли не у меня одного.

– Ребята, всем добрый день! Меня зовут Баженова Марина Юрьевна, я новая заведующая, – сцепляет пальцы в замок, держа руки перед собой. Улыбается.

И откуда столько веселья и доброты? Очередная показуха. Посмотрим, что она скажет через пару-тройку дней. Как и все предыдущие, натырит бабла, отпишет себе под шумок несколько квартир и свалит в закат. А, еще до*бется до всех с новыми порядками.

– Я рада со всеми вами познакомиться. Надеюсь, мы найдем общий язык.

– А нам оно надо? – ржет Мелок.

Марина хлопает глазами, теснее сплетая пальцы.

– Как тебя зовут, скажи, пожалуйста? – опять улыбочка.

– Ну Мел…Серега.

– Сережа, значит. Хорошо. Ребята, как я понимаю, у всех вас есть какие-то вопросы, а может быть, даже претензии. Предлагаю сделать вот что… сейчас Ольга Павловна раздаст всем листочки, и вы напишете все, что вам не нравится, и все, чего бы хотелось.

– И что будет с теми, чьи претензии вам не зайдут? – не могу промолчать. Знаю я, как эта х*йня работает. – Сначала записки пишем, а потом палкой по хребту получаем или на голом кафеле всю ночь спим. – С*ки. Цепляю ее взглядом, читая там явное недоумение. Она либо напрочь отбитая, что так невинность корчит, либо реально не в теме.

– Палкой… на кафеле… – хмурится, полностью гася улыбку. – Как тебя…?

– Богдан. Богдан Шелест, – продолжаю смотреть ей прямо в глаза. Если думает, что я дебил и поверил в этот цирк, – ошибается. А если думает, что срулю – хрен там.

– Ребята, напишите, пожалуйста, ваши пожелания, – явно нервничая, – а ты, Богдан, зайди в мой кабинет.

Ну вот. Все как и всегда. Спектакль длился недолго. Только теперь мне не десять лет, и отх*рачить меня поленом не прокатит. Убираю руки в карманы, беззаботно двигаясь в ее кабинет. Демонстративно прикрываю дверь, чувствуя предвкушение скандала. Эмоции. Эмоции – это самая кайфовая вещь в мире. Негативные эмоции могут стать самой лучшей подпиткой. Когда тебе плевать, когда ты так долго жрал лишь их, к тебе приходит ма-а-а-ленькое осознание – они прекрасны. Ты не просто жрешь их, ты манипулируешь, насыщаешься болью и злобой этих людишек. Они все, все эмоционируют, даже не понимая, какое наслаждение доставляют.

– Присаживайся, пожалуйста, – указывает на стул.

Я расслабленно падаю на него, закидывая ногу на ногу.

Один. Два. Три. Поехали…

Марина садится напротив, складывая руки на стол. Она внимательно на меня смотрит, но по-другому. В ней нет того, чего я жду. Она не зла. Она подавлена. Растеряна. Печальна. Но она не в ярости. Что с ней не так?

– Вас правда здесь били? – слабым голосом.

– Че?

Она серьезно? Что за бред?

– Хватит строить из себя хорошую. Можешь сбросить маску.

– Почему вы никому не говорили? Это же уголовное дело.

Она говорит так тихо, что я еле разбираю ее шепот.

– Господи, – касается пальцами лба, – какой ужас. Я даже подумать не могла… – поднимается из-за стола, а потом копается в своей сумке.

Я все это время сижу в немом ступоре, потому что пока вся эта ситуэйшен за гранью моего понимания.

– Папа, – улыбается, прикладывая айфончик к уху, – привет, у меня будет к тебе дело, я заеду вечером. Хорошо. Целую.

Кладет телефон на стол, поворачиваясь ко мне, вздрагивает, будто забыла, что я вообще здесь.

– Богдан, – протягивает лист, – напиши все, что с вами здесь происходило, и распишись внизу.

– Зачем?

– Ты же хочешь, чтобы виновники были наказаны?

– Да тут у всех рыльце в пушку. Вас сожрут с такими замашками.

– Не сожрут, – голос становится жестче, и со мной будто уже говорит кто-то другой, – если работники сменятся, жрать будет некому. Пиши. Имена и фамилии тоже. А потом пусть ко мне зайдут все ребята. По очереди, конечно.

Голос вновь становится мягким. Марина вытаскивает из стакана ручку, обходит стол, замирая за моей спиной.

– Ручка, – кладет поверх листка.

– Как, вы там сказали, вас зовут? – оборачиваюсь, встречаясь взглядом с ее ярко-голубыми глазами. Они очень выразительные. Синяя радужка с мелкими крапинками, я ни у кого не видел таких.

– Марина Юрьевна, – ее лицо светлеет, а все вокруг словно озаряется ее улыбкой.

Я долго смотрю на белый лист, мысленно решая задачку. Все это странно. Такого здесь точно не происходило. Никто и никогда ничего не хотел менять. Все ломались под натиском коллектива, подыхая в этом болоте. А что, если это шанс на нормальное существование? Или же это путы, они вроде и излучают добро, но не факт, что не таят в себе тьму и злобу. Хотя… к го*ну нам не привыкать, а вот если это реальный шанс что-то поменять, то рискнуть стоит.

Сжимаю ручку, вписывая первую фамилию.

Глава 2

Богдан.

Сентябрь проносится быстро. Я не успеваю размотать нескольких соперников по рингу, как на дворе властвует декабрь, и все кутаются в теплые шарфы и шапки. Жизнь переходит в другой ритм, все вокруг меняется.

Впрочем, как и наша жизнь в детдоме. С приходом Марины все реально изменилось. Большинство воспиталок уволили, на бывшую директрису завели дело, а нас даже свозили на экскурсию в Питер. И вроде как жизнь даже пошла в гору.

Кстати, за оперативность мы все сказали спасибо Марининому отцу. Он лично ездил с нами в Питер к «Авроре». Седой старичок, вице-адмирал, бывший первый зам. главнокомандующего ВМФ. Встретил бы я его на улице, никогда б не сказал, что он был важной шишкой. Но от бывалого величия остались только награды и звезды на погонах висящего в шкафу кителя. Ну и связи, конечно.

Он рассказал столько забавных и интересных военно-морских историй и баек, что хватит на всю жизнь. Марина тоже тогда ездила с нами. Мы просидели с ней полночи на балконе, разговаривая обо всем на свете. Именно в ту ночь я узнал, что два года назад она похоронила сына. Что он был миротворцем и их завалило в горах. Что ей даже не дали посмотреть на тело. Честно, я ожидал от нее чего угодно, но

только не такой истории. Она никак не ассоциируется с человеком, у которого произошла подобная трагедия. Она всегда улыбается, приходит на помощь. Или это я дурак и не понимаю того, что так она лишь старается заглушить свою боль. Избавиться от нее, делая добрые поступки.

«Помогая другим, Богдан, я помогаю себе. Я искренне верю, что, когда там мой мальчик нуждался в помощи, ему хотя бы пытались помочь».

Так она тогда сказала. Она сказала, а у меня кровь в лед превратилась.

Это было странно, но с той поездки я все больше начал к ней привыкать. Каждое утро на автомате заходил в ее кабинет. Не знаю зачем, но мне было важно удостовериться, что она здесь. Что пришла. Что не бросила нас. Не исчезла…

Если бы не беда, случившаяся в моей семье, что бы было в моей жизни? Что бы я из себя представлял? Возможно, был бы избалованным богатеньким подростком. Не знаю. Я часто задумываюсь над различными исходами своей жизни, но одно решил точно – я выберусь.

Накидываю капюшон, облокачиваясь на ларечную стенку возле остановки. Еще неделю назад потерял перчатки, а новых так и не приобрел. Пальцы краснеют на морозе. Засунув руки поглубже в карманы, верчу головой, но автобус еще не появился на горизонте. В горле жжет. Неужели заболел?

Еще вчера чувствовал себя «не райски», но не поехать сегодня на кладбище не мог. Восемь лет со дня смерти бабули.

Ссутулившись и сжавшись, подобно кокону, продолжаю свое ожидание. Все тело ноет. И непонятно, болезнь это или последствие крайнего боя.

Мимо пробегает толпа школьников, они кричат, и от их присутствия на улице становится еще более шумно. Я лишь ухмыляюсь и отворачиваюсь в сторону от пищащих детей.

Когда поворачиваю голову, внимание привлекает огромный рекламный баннер боя UFS. Залипаю на баннере, а сознание быстро рисует там мое фото. Наверное, это единственное, чего я хочу от жизни. Стать чемпионом. Убраться из этой страны. Мне необходима моя слава и деньги. И все это обязательно будет. Дайте мне время. Немного времени – и порву их всех.

Во всей веренице мыслей еле успеваю заметить уже почти отъезжающий автобус, но, вовремя сориентировавшись, резво запрыгиваю внутрь. Чувствую, как кто-то дышит мне в спину. Девчонка. Словно долбаный хвостик, забегает следом, врезаясь в меня со всей дури. Я разворачиваюсь, а малая отскакивает в сторону. Двери закрываются, и автобус окончательно трогается с места.

Схватившись за поручень, пячусь назад, сегодня совершенно не хочется нарываться на скандал.

Сев на дальнее сидение, прижимаюсь щекой к стеклу. За окном проплывают городские ландшафты, но сил смотреть в окно нет. Глаза медленно закрываются. Все-таки это простуда. Прикрыв глаза, чувствую облегчение. Спустя пару минут

сидение рядом проминается. Кто-то подсаживается, но мне это неинтересно.

И я уже начинаю засыпать, когда в нос ударяет приторно-сладкий запах духов. Нехотя оборачиваюсь, уже точно зная, кто сидит рядом. Малая, которая впрыгнула следом. Вся скукожилась, пальцы перебирают тесемки тонкого шарфика. Поднимаю глаза выше, только сейчас замечая, что ее трясет.

– У тебя все нормально? – мне мало интересно, но не хочется, чтобы эта странная девица что-нибудь выкинула.

– Что? – поднимает зашуганный взгляд.

– Нормально все, говорю?

– Да, – а сама отрицательно мотает головой. Вот он и Фрейд, мать вашу.

Автобус тормозит, и до меня доходит, что я чуть не проехал остановку. Вылезаю у Полянки, уже собираясь прыгнуть в метро, когда боковым зрением улавливаю подъехавший крузак. Тачка заезжает на тротуар, и из нее картинно вываливается парочка амбалов. Останавливаюсь, заинтересованно наблюдая за происходящим. Гориллы тормозят автобус, и что-то мне подсказывает, что я знаю, для чего. Девчонка.

Малая вылетает через дальний выход, но почти сразу шлепается на землю. Не знаю, какого меня тянет играть в рыцаря, но я на автомате подбегаю к ней, подхватывая под мышки.

– Вставай, – подтягиваю на себя, пытаясь в кратчайший срок поставить ее на ноги. Оборачиваюсь, понимая, что еще минута, и бежать уже будет нечем. Эти твари все ноги переломают. – Пошли, скорей же, – тащу ее за руку.

Мы пробегаем сквозь толпу, выигрывая для себя фору. Пока бежим, думаю только об одном: ноги мне еще пригодятся, а у гамадрилов не должно быть много мозгов. Главное, чтобы они подумали, что мы спустились в метро.

Забегаем в здание, ныкаясь в угол с терминалами.

Работники без умственной силы минуют турникеты, а мы под шумок выходим обратно. Теперь надо свалить отсюда, пока до уродов не дошло, что нас там нет. Быстро заворачиваем за угол и садимся в первую попавшуюся маршрутку на другой стороне улицы. Уехал домой, мать вашу.

Выходим остановок через десять. Хрен его знает, где мы, я не так хорошо ориентируюсь в этом районе, но это еще полбеды.

– Кто это? – дальше замолкаю. Это как бы финиш. У нее весь нос в крови. Не сразу соображаю, что к чему, а когда доходит, снимаю шарф, вкладывая в ее ладони. – Ты ударилась, когда упала?

Она вновь мотает головой.

– Это от волнения, – прижимает край шарфа к лицу, – у меня так всегда. Понервничаю – и кровь.

– Пойдем, там вон Макдак есть. Умоешься. Меня Богдан зовут, – говорю уже на ходу.

– Спасибо тебе, Богдан, – опускает глаза.

Она не говорит своего имени, а я и не спрашиваю. Мне это не нужно. Все, что мог, я сделал.

– Кто это был?

– Моя охрана, – говорит тихо, но я слышу.

Слышу и поэтому сразу топлю по тормозам.

– Кто, с*ка? Охрана? – убираю руки в карманы, чтобы не треснуть ей подзатыльник, да у нас за такие проделки… – Ты вообще отмороженная, что ли? – ору на всю улицу. – Я думал, тебе помощь нужна, а ты тупо развлекаешься.

Девчонка вскидывает голову, пронзая меня стальным, взбешенным взглядом.

– Это не твое дело. Я не просила мне помогать. Ты сам приперся, ясно? – орет мне в лицо, а я тихо офигеваю от происходящего.

Как втащил бы ей. Реально. Стискиваю зубы, отбирая свой шарф обратно.

– Да пошла ты, дура неадекватная.

– Сам пошел, – в спину.

Я демонстративно ухожу на другую сторону дороги, где ловлю маршрутку обратно к метро.

На подходе к детдому силы как-то резко заканчиваются. Приходится делать большое усилие, чтобы доползти до кровати.

Скинув куртку и ботинки, заваливаюсь на постель, наглухо заворачиваюсь одеялом. По телу проходит дрожь. Голо-

ва кажется очень тяжелой, а саднящее горло превращается в проблему века.

Подогнув ноги под себя и скомкав подушку, чувствую, как медленно отъезжаю в сон…

– Милый, как ты? – мама тянет ладонь ко лбу, проверяя температуру. – Сынок, да у тебя жар. Срочно нужно выпить таблетку! – Она выходит из комнаты, а по возвращении несет с собой целую гору лекарств. – Это необходимо, родной, – протягивает стакан воды и пару разноцветных таблеток.

Она внимательно наблюдает, как я принимаю лекарства, после нежно улыбается и треплет меня по голове. Я улыбаюсь в ответ, а она садится на край кровати. На ней длинное нежно-розовое платье. Ее лицо искрится добротой, от одного ее взгляда становится легче. Но это не длится долго, постепенно образ тает….

Перед глазами вновь возникают серые стены интерната.

– Богдан, – шепчет Танюха, – ты как?

– Нормально, Танюх, – растягиваю губы в улыбке, а самому так хреново, что говорить еле сил хватает.

– Там Марина Юрьевна приехала. Мы ей сказали, что ты приболел, так она вся побелела.

– Нафиг сказали? Вы Марину не знаете? Она же сейчас всех на уши поставит, – в горле начинает першить, и я перекатываюсь на бок, – пойду схожу к ней, – встаю с кровати и, шаркая ногами, плетусь в директорскую.

Захожу без стука, либо забываю, либо мне кажется, что я

постучал… не знаю. Но голова деревянная, соображаю мало.

– Марина Юрьевна, – подаю голос, прижимаясь спиной к стене.

– Богдан, – вскакивает со стула, почти подбегая ко мне, – да у тебя жар, – трогает мой лоб ладонью, – зачем ты встал, Господи!

– Да все нормально, не переживайте, пару дней – и приду в норму.

– Ох. Пойдем, тебе нужно лежать.

Мы выходим в коридор и медленно возвращаемся в комнату.

– Так, ложись. Танюша, присмотри тут пока, а я пойду в аптеку. Заодно куплю иммунные и противопростудные. Нужно ребятам всем дать.

– Хорошо, Марина Юрьевна.

Танюха с ногами забирается на соседнюю кровать.

– Ты как? – печально вздыхает.

– Да нормально со мной все. Вот все вы бабы такие, два раза покашлял, а вы апокалипсис устроили.

– Богдан, – протягивает мое имя, – я волнуюсь, – поджимает губы.

Знаю я. Прикрываю глаза. Танюха везде таскается за нами, и если ее братец, он же Мелок, думает, что это потому, что она его сестра, то я уже давно просек, что ни хрена не поэтому. Танюха ошивается везде, где есть я. Если меня нет, то сабантуй ей вовсе не интересен.

Танька нормальная. Красивая, не тупая. Только вот я не тот, кто сильно заботится о своем моральном облике, поэтому, будь мы вместе, я не особо заморочусь, что она сестра моего друга, и обязательно ее тра*ну. Мелок припрется выяснять отношения, будет драка, я сломаю ему нос, а может, руку или даже ногу. Поэтому – оно мне надо? Надо грызться с Мелком из-за его сеструхи, к которой я испытываю разве что минутный интерес?

– Как он? – этот голос прорывается сквозь дремоту.

– Спит.

– Так, я все принесла, собери ребят в зале пока.

– Хорошо.

– Богдан, – холодная рука касается моего лба, и я открываю глаза, – выпей вот это, – протягивает стакан воды и несколько таблеток.

Заглатываю все разом и почти сразу вырубаюсь.

***

В состоянии овоща я валяюсь почти две недели. Две недели просто вывернуты в мусорное ведро. Тренер кипишует и боится, что мы пролетим со спонсором, который очень желает посмотреть на лучшего бойца, то есть меня. Я парюсь из-за того, что, кажется, слетаю с соревнований, и того, что не знаю, что подарить маме Марине на день рождения. Кстати, ей будет сорок один. Это для меня стало явной новостью, притом что выглядит она точно лет на пять младше своего

возраста.

Допив чай, ухожу из столовки. В три часа я должен быть на тренировке. Замотавшись шарфом почти до глаз, пересекаю футбольное поле, забегая в корпус спортзала.

– Георгий Иванович, здрасьте.

Тренер пожимает мне руку.

– Пришел, наконец-то. Я уж грешным делом подумал, что все, – лыбится, демонстрируя отсутствие одного переднего зуба. Причем не вставляет он его намеренно.

– Да не дождетесь.

– Давай десять кругов, пятьдесят отжиманий, ну ты все и так знаешь.

– Ага. Слушай, Иваныч, что можно Баженовой на днюху подарить?

– А у нее день рождения?

– Ага, завтра, – запрыгиваю на турник, начиная подтягиваться.

– Так, а мне никто ничего не говорил.

– Иваныч, они еще с начала недели все скинулись. Мелкова собирала, сам видел, – перевожу вес на одну руку.

Тренер трет усы, слегка задумавшись, а потом грозно шикает в мою сторону.

– Подтягивайся давай, – бубнит, – обнаглел в край, – а сам семенит в свою каморку. Щас Мелковой звонить будет.

Он-то позвонит, а у меня на повестке дня так и остается нерешенный вопрос. Что дарить?

В зале я торчу почти до вечера. Сегодня Иваныч жестит, словно хочет выколотить из меня душу. Но и я не остаюсь в должниках. Убедившись, что сил во мне хоть отбавляй, он отправляет меня на рандеву с грушей, а сам постоянно куда-то звонит.

– Все, – радостно выдыхает, оттаскивая меня от груши.

– Че все-то?

– Цветы заказал на завтра.

– Их в любом ларьке купить можно.

– Не в любом. Это будет от всей нашей секции букет. И торт жена моя испечет именной. Баженова нам с инвентарем помогла, спонсора нашла, а эти курицы мне даже не сказали, что у нее праздник.

– Нормально тебя, Иваныч, зацепило.

– Иди давай отсюда. И сладкого не жрать, тебе подсушиться надо.

– Понял я, понял.

По дороге встречаю Мелка. Этот прохиндей уже успел где-то бухнуть пивка. Копперфильд, блин.

– Шелест, – закидывает свою граблю мне на плечо, – ты че такой убитый?

– Я б на тебя посмотрел, если б ты хотя бы одну третью моей тренировки выволок.

– Да ну тебя. Оно мне не надо.

– Эт я понял. Ты че такой красивый?

– С девочкой в городе познакомился.

– Ты в город лазил?

– Ага.

– Бл*, мы ж договаривались, что так не делаем больше.

– Я один раз.

– Мелок, – говорю тихо, но чувствую, что он и так все понял. Убирает лапу с моего плеча.

– Все, не разгоняй воздух. Больше не повторится. Если с нами, как с людьми, то и мы так же.

– Че за девка-то?

– Катюха, – лыбится, – у нее батя – владелец банка, ну этого, как его, у нас тут на углу точка есть.

– Да понял я. Мажорка? – кривлю губы. – А как же это твое коронное, с такими, как они, в одно поле ср…?

– Завались, Богдаша, – плюет в сторону. – Ты б ее видел.

– Видел я тут одну. Дура дурой, и нос холодный. Пошли уже. Ромео!

Мелок корчится, пытаясь отвесить мне леща. Но это бесполезно. Перехватываю его граблю, заламывая за спину. Не сильно. Не больно. Но чтоб неповадно.

– Отпусти. Лось.

– Не ной.

Мы почти вваливаемся в коридор, подкалывая друг друга. На ходу стаскиваем куртки, направляясь в столовку. Как раз к ужину.

***

Следующий день кажется каким-то торжественным. Все поздравляют Марину, жрут торты и по сто раз ходят пить чай. Столовка сегодня работает целый день.

Баженова улыбается, играет с малышней, а я стою в стороне и бешусь. Бешусь от всего, что здесь происходит. Меня раздражают все собравшиеся вокруг люди, меня тошнит от воплей и смеха малявок, которых она поднимает на руки. Она, с*ка, ведет себя до безумия непрофессионально, потому что не имеет права привязывать к себе детей, не имеет права проявлять к ним столько любви, заставлять зависеть от себя, ставить перед собой на колени.

Не имеет, но делает… Она относится ко всем одинаково, с любовью, больной радостью в глазах. А меня тошнит. Меня разъедает изнутри. Потому что я не хочу этого. Не хочу, чтобы ее внимание было всеобщим. Оно должно, оно просто обязано быть моим.

У нас с ней столько общего. А еще она до дури похожа на мою маму… или же мне просто хочется так думать.

– Ребята, – она поджимает губы, – вы все такие замечательные, вы устроили мне такой праздник. Спасибо вам огромное.

Все хлопают, а я тупо повторяю за окружением. Я даже не слышу, что она еще говорит, не слышу до тех пор, пока в помещении не становится подозрительно тихо. Моргаю, фокусируя взгляд.

– …ребята, я хочу пообещать вам, что ничего не поменяется. На мое место придет очень хороший человек – Алексей Витальевич. Это мой друг, мы вместе учились, он, кстати, многодетный отец.

Из-за двери выходит широкоплечий мужик, с едва виднеющейся сединой. На носу очки, на шее галстук. Ухахатываюсь внутри, но мне ни хрена не смешно, мне, с*ка, вообще не смешно. Только в этой ср*ной жизни появилось хоть что-то хорошее, как и это у меня выдирают с потрохами.

Резво выхожу из зала. Быстро пересекаю коридор, забирая из гардероба куртку. Меня потряхивает, злость плещется через край. И я с тоской вспоминаю времена, когда нам приходилось здесь выживать. Потому что лучше выживать. Чем находиться под мнимой опекой и любовью. Ей плевать, так же, как и всем. Она поманила нас костью, как глупую стаю голодных собак. Поманила, приласкала, а потом исчезла, оставляя нас один на один с нашей никчемной и никому не нужной любовью.

Глава 3

Богдан.

Я шатаюсь на улице больше суток. Мне не хочется возвращаться, но придется. Если я чего-то хочу добиться в этой жизни, то я должен вернуться и с утра до ночи пахать в зале. Это единственный выход. Один на миллион.

В наш сарай прихожу ближе к вечеру следующего дня. Все, конечно, стоят на ушах. А кто-то хочет мне эти самые уши открутить. Валяев, наш новый директор, смеряет меня рассерженным взглядом и просит пройти в его кабинет.

Я иду по коридору, наталкиваясь на непонимающие взгляды пацанов, и осознаю только одно – я единственный, кто так воспринял новость о Маринином уходе. Только я. Всех остальных совсем не смутила эта перемена. Все с первой минуты прониклись Валяевым, мысленно благодаря Марину за достойную себе смену.

Закрываю дверь директорского кабинета, морально настроившись выслушивать, какой я «плохой мальчик», а когда поворачиваюсь, вплотную прижимаюсь спиной к двери.

В кресле рядом с окном сидит Баженова. На лице каменная маска. Но даже сквозь нее я вижу, как она зла.

Валяев чмокает губами, а потом незаметно выходит в коридор.

– Где? Ты? Был? – голос отдает металлом.

– Гулял.

– Сутки?

– Забыл взять часы.

– Не хохми.

– Даже не пытаюсь. Вы зачем приехали вообще? Бросили, так имейте мужество признать.

Мама Марина вздыхает, одаривая меня нежной, понимающей улыбкой.

– Богдан, – говорит тихим, успокаивающим голосом, – я приехала, потому что хотела поговорить. Я увольняюсь, потому что мне предложили вакантное место завуча в элитном лицее. В другой ситуации я бы отказалась, но, как ты знаешь, мой отец болен, а лечение стоит немаленьких денег. Курс почти непрерывный, а вечно брать «подачки доброй воли» мы не можем, да и добра в них с каждым днем все меньше…

– Я понимаю, – пытаюсь выдавить улыбку, сожаление, хоть что-нибудь, но не могу. До одури не хочу, чтоб наша мама Марина подумала, что я ее не понимаю, что я за нее не рад. Конечно, я все понимаю, и на ее месте сто раз сделал бы так же, только вот без нее здесь опять начнется ад, для меня точно. – Я понимаю. Извините.

– Спасибо, Богдан. Ты замечательный, добрый, умный мальчик.

Она улыбается, а мне хочется удавиться.

– Вы к нам в гости только приезжайте, нам будет вас не хватать. Мне будет вас не хватать, – опускаю голову, крепче

стискивая зубы. Она не должна видеть моей почти что сопливой рожи.

– Мне тоже будет тебя не хватать, Богдан, – утирает выступившие слезы.

А я замираю. Я точно слышал то, что слышал? Ей будет не хватать именно меня? Не нас, не их, а меня…

– Богдан, когда мне сказали, что ты сутки не появлялся, я очень испугалась. Я много думала, не сегодня и не вчера, а вообще… не сочти мои слова пустыми…я бы хотела тебя усыновить. Я понимаю, что ты уже взрослый, что все это слишком поздно, но я и так уже потеряла достаточно близких для меня людей, поэтому потерять тебя я просто не имею права, – вытирает скатившуюся по щеке слезинку, делая шаг в мою сторону, – не беспокойся по поводу документов, школы, я все устрою, – тараторит, подходя все ближе, – у меня много друзей, которые помогут нам сделать все это без проблем, мне нужно лишь твое согласие.

Она замирает напротив меня, а я не могу сказать и слова. Все это кажется сном, или меня до сих пор штырит от антибиотиков?! Не знаю… Марину трясет, впрочем, как и меня. Я все еще стою в дурацком ступоре и не могу пошевелиться.

– Богдан, ты скажешь что-нибудь? – она волнуется, от этого ее голос подрагивает, а ладонь ложится на мое плечо. – Я понимаю, что ты взрослый парень и, возможно, я тебе совсем чужая…

– Я согласен, – перебиваю ее, кое-как пересилив сухость

во рту. Смотрю на нее сверху вниз, прижимая кулак к губам.

***

Я переехал к маме Марине за два дня до Нового года. Она настаивала сделать это раньше, но я не смог. Танюха совсем раскисла и ходила словно приведение, поэтому у меня просто не хватило совести бросить ее в таком состоянии. Хотя я и совесть – понятия довольно абстрактные. Мелковой нужно свыкнуться. Она должна понять, что нам придется расстаться, но также она должна понять и то, что я ее не бросаю. Мы также будем видеться, общаться, созваниваться…

Утром двадцать девятого декабря, когда мы с мамой Мариной навсегда покидали стены интерната, она предпочла не заходить внутрь. Сказала, что подождет снаружи у машины, потому что документы она передала Валяеву еще неделю назад, и лишний раз не хотела делать при детях акцент на том, что она меня усыновила. Как бы она ни отмахивалась глупыми ответами, я прекрасно понимал, что она чувствует свою вину перед остальными. Я ее тоже чувствую.

Меня вышли провожать мои ребята, ну и Таня, конечно.

– Давай, Мелок, – хлопаю друга по плечу.

– Давай, – Серега ухмыляется.

Танюха вытирает слезы, смотря на меня ненавидящим взглядом. Она смотрит, словно хочет прожечь во мне пару дырок, а потом резво срывается с места, забегает обратно в здание интерната. Хочу пойти за ней, но Серега перехваты-

вает мой локоть.

– Не надо. Только хуже будет. Пусть привыкает.

Киваю. Убираю руки в карманы, тоскливо смотря на парадную дверь. Вот и все. Я столько раз представлял себе, как покину эти стены, так желал этого, а теперь нет и намека на радость.

Нет, я, конечно, рад. Очень. Я до гробовой доски благодарен маме Марине, что она вытащила меня с этого дна, но ребята остались здесь. Мелок, Крош, Танюха, Макс – все они останутся здесь.

– Богдан, пора, – на плечо ложится женская рука. Значит, она все же вышла из машины.

– Иду, – киваю, а сам еще раз пожимаю парням руки.

Мы выезжаем уже ближе к обеду. Дорогу прилично занесло снегом, а городская техника даже не чешется разгребать эти завалы.

– Все хорошо?

Кажется, не один я чувствую неловкость. Марина ерзает на сидении, постоянно поворачивая голову в мою сторону.

– Отлично. Нам долго ехать?

– Около часа, если без пробок.

Киваю, натягивая на уши наушники. За окном валит снег, а я медленно погружаюсь в сон.

***

– Богдан, иди завтракать!

Крик мамы Марины невозможно сравнить ни с чем. Он проносится через весь дом, просто проникая сквозь стены. Открываю глаза. Семь утра. Первое утро перед новой школой. Черт бы его побрал. Честно, желания идти в школу, где учатся мажорики, у меня мало, и, если б не настояние мамы Марины, я бы с удовольствием доучился в интернате. К сожалению, это было невозможно не только из-за ее настояний. Но и из-за правил. Наверное, поэтому я за анархию!

Да и новогодние каникулы показались слишком короткими, но интересными. Мы катались по Европе. Были в Праге, Лондоне, Берлине, мама Марина сказала, что поездка – это подарок к Новому году.

Странно, но я вообще не помню, когда мне последний раз что-то дарили. А если и дарили, то это сто процентов была какая-нибудь чашка, ложка, ручка…

Зеваю, лениво взъерошивая волосы ладонью. Прическа готова.

Впрыгиваю в джинсы, уже на ходу понимая, что в этом лицейчике балом правит форма. Быстро переодеваюсь, зависая перед зеркалом на пару минут. Рубашка и галстук. Пробую завязать удавку, но становлюсь похож на клоуна. Расстегиваю верхние пуговицы и максимально ослабляю галстук, стягивая его немного вниз, чтобы ворот получился небрежно распахнутым. Идеально. Закатываю рукава, выходя из комнаты.

– Доброе утро.

– Доброе, – падаю на стул, придвигая тарелку с сырниками, – вкусно.

– Ты даже не попробовал.

– Я и так знаю, – отмахиваюсь.

Мама сегодня, как и всегда, на высоте. Черное узкое платье, белый удлиненный пиджак, убранные наверх волосы. Она красива. Странно только, что жила все это время одна. Даже когда был жив Саня. Они жили вдвоем, за редким случаем, когда в гости наведывался дед.

Дед говорит, что ее сглазили, поэтому она не может найти нормального мужика. А потом утверждает, что нормальные мужики вымерли. В общем, дело темное.

– Богдан, сегодня твой первый день в лицее, и я хочу пожелать тебе удачи.

– Бл-г-д-рю, – отвечаю с набитым ртом, делая глоток чая, – спасибо.

– Это хороший лицей.

– Я все равно не понимаю. Я мог бы учиться в обычной школе.

– Нет, Богдан. Знаю я тебя, ты там всю школу вверх ногами поставишь без меня. Поэтому, если ты будешь постоянно перед глазами, мне будет спокойнее.

– А может, я им не подойду?

– Ты круглый отличник, не придуривайся.

– А деньги?

– Для детей учителей у них есть небольшая материальная

поблажка. Если ребенок соответствует их уровню знаний. А ты соответствуешь. Кстати, послезавтра будет тест на проверку знаний, и только попробуй провали его.

– А если будут сложные вопросы?

– Богдан.

– Ладно, ладно, напишу я тебе этот тест. На-пи-шу.

– Вот и хорошо. У тебя сегодня есть тренировка?

– Ага, – продолжаю жевать, – слушай, а почему тест не в начале года?

– Он для большинства обучающихся. Для кого-то это шанс попасть под эту программу и не оплачивать это полугодие, а для тех, кто хочет поступать в заграничные университеты, возможность начать проявлять себя. Наш лицей сотрудничает с университетами Лондона, Берлина, Оттавы.

– Нормально так.

– Ты поел?

– Ага.

– Тогда поехали. Еще не хватало опоздать в первый день.

– Поехали.

Всю дорогу до школы она болтает без умолку. Думает, что я переживаю. Боюсь. Хотя на самом деле мне пофиг. И страха я не испытываю. Что там может быть такого, чего стоит бояться? Я в этой жизни уже и так многое пережил. Поэтому до закидонов золотой молодежи мне вряд ли будет дело.

На парковке Марина продолжает говорить. Улыбается. Несколько раз пытается поправить мой галстук, но я остаюсь

непреклонен. Как хотят, но мне нужна индивидуальность. Ходить в этом стаде клонов не для меня. А застегивать пуговицы до последней – тем более.

С парковки мы идем к длинному двухэтажному зданию песочного цвета. Здесь панорамные окна, через которые я замечаю бассейн.

– Ни пуха тебе, – целует в щеку, быстро стирая с нее свою помаду.

– К черту, – улыбаюсь.

– Я пошла. Тебе на второй этаж.

– Ага, – киваю, отворачиваясь. Мама Марина уходит, а я тру нос, рассматривая заснеженное футбольное поле с высокими трибунами.

Нормальная такая школа. Чего-то подобного я и ожидал. Закинув рюкзак на одно плечо, захожу внутрь. Народу немного. Все такие прилизанные, лоснящиеся. Аж тошно становится.

Взбегаю по лестнице в поисках кабинета.

– Ты че здесь делаешь? – это первое, что я слышу, проходя по душному коридору новой обители знаний. Тоска зеленая. А когда поворачиваюсь, радости моей нет предела. Павлик Сомов – собственной персоной.

Мажорик, думающий, что выиграть можно, только когда у тебя есть бабки. Соперничек. Этот слизняк с самого первого дня тянет одеяло на себя, в сотый раз бросая мне вызов и публично проигрывая. Боец из него – дно.

К моей дикой скорби, это создание тренируется со мной в одном клубе. Не так давно, последние пару месяцев, как у нас появился спонсор и мы смогли позволить себе хороший клуб. Но и за это время этот идиот успел всем стать поперек глотки.

– Да вот зашел и здесь тебя отделать, – смеюсь в лицо этому придурку, – расслабься, – хлопаю по плечу, – учусь я теперь тут.

– Ты? Ты ж ср*ный детдомовец, кто тебя сюда взял?

– Так тебе морду начистил, вот они и решили, как они здесь без меня будут. Считай, за заслуги перед родиной, – наблюдаю, как багровеет лицо этого недоноска, – я же тебе говорю, расслабься, не напрягай оставшуюся извилину, а то и эта порвется.

– С*ка, Шелест, – шипит, как ужик, – мы с тобой еще не договорили, – толкает меня в грудь, но собирается уйти, а кто ж ему даст? Знает, что огребет. Вот и зашевелил ножками.

– Стой, Сомов. Стой, – бросаю на него пренебрежительный взгляд.

– После уроков, за школой, я буду тебя ждать, – раскидывает руки в разные стороны и скалится мне в ответ.

Я киваю и только сейчас замечаю, как мелкая девчонка льнет к нему, смотря на меня, словно это я здесь страх потерял, а не ее недоносок. Стерва. И я ее знаю.

Блондинистая малявка с карими глазками. Бешеное соче-

тание. Она у меня из головы с декабря не выходит, а тут нате вам, какая неожиданная встреча.

Богатенькая деваха, сбежавшая от горстки охранников. Вот вам и каламбур. И если тогда у меня хватило ума ее спасти, то теперь моим желанием было скорей придушить эту пигалицу. И все, мать вашу, из-за Сомова. У нас с ним война, а она, оказывается, на его стороне. Обидно. Но это ненадолго.

Бегло прохожусь по ее фигуре, прекрасно понимая, что она знает, куда я смотрю. Девчонка хмурится и запахивает пиджак, скрещивая руки на груди. Забавная. Смотрю в ее широко распахнутые глаза, чувствуя, что что-то происходит. Что-то едва ощутимое, неземное. Оно похоже на тонкую вуаль или же чистый белый шелк. Едва осязаемое, невероятное…

Смотрю на нее как дурак и не могу отвести взгляд, как в кино, в долбаной замедленной съемке. Малая тушуется, прячет глаза, но мне плевать, с головой накрывает волной непреодолимого желания коснуться ее, но эта пелена рушится, стоит ей вновь поднять глаза. Холод, злоба, ненависть. В ее глазах плещется ярость с примешанным к ней отвращением.

Убираю руки в карманы и мгновенно капитулирую. Осознание того, что малая смотрит на меня волком, из-за кого-то вроде Сомика, жутко бесит.

– Паш, – тянет его за рукав, а этот увалень изо всех сил

делает вид, словно она его от меня оттаскивает. Ага. Мне ногой сейчас стоит только топнуть, и этого спортсмена ветром сдует. Конечно, какие свидетели? Не хочет позориться, школьный айдол, блин.

– Адьес, голубки, – машу им рукой и ухожу в другую сторону. Ничего, школа круглая, дойду до класса другим путем.

Но, когда прихожу, все оказывается еще смешнее, эти Бонни и Клайд восседают за первой партой. Да, весело будет.

Кидаю рюкзак на пол, усаживаясь на стул, выбираю, конечно, «камчатку». Тут и к выходу ближе, и от училки подальше.

Вхожу уже перед самым звонком, поэтому меня особо никто не замечает, да и дверь находится за пять парт от доски. Звенит звонок, и спустя минуту в класс заходит высокая женщина лет пятидесяти. На носу очки, в руках журнал. Она, словно цербер, идет вдоль проема, отпугивая от себя сидящих за партами, и это, конечно, не может оставаться без интереса.

– Шелест, – сканирует аудиторию, – встать.

Брови ползут вверх, на лице красуется усмешка, но я все же занимаю перпендикулярное полу положение.

– Итак, – сжимает в руках указку, – Богдан Шелест теперь учится в нашем классе. Меня зовут Александра Васильевна, я ваш классный руководитель. Садись.

За первыми партами начинается возня, и Васильна хлопает указкой по столу, щурит глаза, медленно поправляя сполз-

шие на нос очки.

– Если вы думаете, что учитесь здесь за деньги и поэтому можете делать что хотите, ошибаетесь, – строгий взгляд ползет по аудитории, словно желает проникнуть в душу каждого.

– Вот именно, мы-то за свое платим, а некоторые приживалки за наши бабки знания получают, – кидает камень в мой огород Сомов, лыбясь. Явно доволен собой, урод. А вот милашка тушуется, мне и с задней парты видно, как напрягаются ее плечи после его слов.

– Сомов, встань! – Васильна подходит ближе, останавливаясь почти нос к носу. – Еще раз я услышу что-то подобное, и ты пойдешь отсюда вон. И никакие деньги, папы, мамы не помогут тебе вернуться в этот класс, чтобы получить оценку по моему предмету в аттестат. Ты меня понял?

Павлик молчит. А хорошая она тетка, Васильна наша, хоть и класснуха.

– Меняйся с Шелестом местами, да побыстрее. А ты, – тыкает в меня указкой, – на первую парту, живо.

– Александра Васильевна, я не хочу с ним сидеть, – лопочет блонди, но на математичку это не производит никакого впечатления.

– Гольштейн, ты сюда учиться пришла или с Сомовым революции устраивать?

– Учиться.

– Вот и учись. Шелест, пошевеливайся. Мы и так уже де-

сять минут от урока потеряли.

Поднимаюсь со стула, чувствуя на себе взбешенный взгляд Павлика. Где-то в центре прохода мы толкаем друг друга плечами, расходясь, как в море корабли.

Бесшумно отодвигаю стул и кидаю рюкзак на пол. Тетрадь же летит на гладкую поверхность парты. Гольштейн отворачивается, стоит мне сесть рядом, а после и вовсе отодвигается чуть в сторону. Чудны дела твои, Господи. Ухмыляюсь, забираю у нее одну из трех ручек. Свою забыл, но вот зачем ей три, мне не понятно.

– Положи на место, – прорезается голосок.

Я же всем видом показываю, что слушаю Васильну и вникаю в каракули на доске.

– Не жадничай, – шепчу, поворачиваясь к ней. У нее очень красивые, выразительные глаза – крупные, миндалевидные. В них есть что-то особенное, но, если не всматриваться, первое что приходит на ум, это коварство. Хитрые, лисичкины глазки. У Гольштейн вообще очень притягательная и нештампованная внешность. Сердцевидное личико и, казалось бы, такое невинно-честное на первый взгляд, пухлые губы, с четкой, заостренной в треугольнички верхней.

Она кукольная, но не как Барби, нет, она из коллекции редких, тех, которые в одном экземпляре на весь мир.

– Тебя не учили, что чужое брать нельзя? У вас там вообще культуре не учат?

– У нас – это где?

– В вашем детдоме, – щурит глазки и смотрит волчонком. Именно волчонком, до гордого волка ей еще слишком далеко.

– Скажи мне, я сделал лично тебе что-то плохое?

– Что? – вытягивает мордашку.

– Не уподобляйся своему дружку с отморожением мозга, – прокатываю ручку по парте, так, чтобы она поймала. Сам же вжимаюсь спиной в спинку стула и, сложив руки на груди, залипаю на доску.

Сбоку слышится копошение, но мне уже не интересно. Своими тупыми вопросами и предположением она отбила у меня всякое желание хоть к каким-то действиям в ее сторону. Такая же богатенькая тварь, с раздутым эго и полным отсутствием хоть какого-то мозга.

Так проходит весь урок, следующая по расписанию физра. Хоть что-то интересное. Убираю тетрадь в рюкзак, слыша тихое «Прости», а когда оборачиваюсь, Гольштейн пулей вылетает из класса, все, что осталось от ее присутствия здесь, лежащая на моей стороне парты ручка.

***

Перед физрой медленно прогуливаюсь по школьному коридору. Подходя к столовой, слышу такой знакомый голос. Сомов. Усмехаюсь. Вот же везение, сегодня фортуна в ударе. Подхожу сзади и без колебаний хватаю этого козла за шиворот. Ждать Павлика до конца дня совершенно нет никакого

желания, поэтому то, что он подловился на большой перемене, мне только в плюс. Не надо будет тратить время на этот мусор после уроков.

Подцепив его за шкирку, утаскиваю на задний двор, хорошо, что, пока я искал класс с утра, узнал, где он находится. Мажорики только пялятся. Ни один не делает и шага. Вот и вся дружба.

Ухмыляюсь, кидая блондинчика в мелкий сугроб, и убираю руки в карманы. Его безмозглая свита бежит к нам, но останавливается в нескольких метрах, не решаясь подойти, нет, «счастливчик» огрести быстрее Сомова, конечно, находится. Коротконогий крепыш, с раскачанной трапецией, только выглядит он от этого еще более нелепо, почти сразу кидается в бой, но, перелетев через колено, сводит свой пыл на минимум.

– Слушаем меня, зайчики и соболята, – выкручиваю руку Павлика, но, знаю, знаю, лежачих не бьют, – услышу из ваших говорилок еще хоть одно слово в мою сторону, в снежный ком заверну, – стреляю глазами в ближайший сугроб. – Понятно объяснил?

Ответом служит тишина. Какие глупые, несговорчивые и вредные «мальчики». Пинаю Сомова, и тот начинает кивать, словно болванчик.

– Ну, будем считать, что познакомились, – выпускаю из захвата и, поправив сползшую с плеча лямку рюкзака, ухожу в закат.

Глава 4

Герда.

Пулей забегаю в раздевалку, почти не оставляя себе сил даже на то, чтобы отдышаться. Кто он вообще такой, этот Шелест? Ведет себя как питекантроп. И эти взгляды…

Растираю плечи руками, словно это поможет отделаться от мерзких ощущений. Мороз по коже. Кого он из себя строит?

А самое отвратительное, что я вспоминала его после той встречи на улице. Тогда он помог мне сбежать от охраны, которая силком тащила к гинекологу по приказу папули. Он хотел удостовериться, что я не сплю с Сомовым. Как омерзителен этот мир. Да даже если бы я и спала с ним, это никак не может касаться моего отца. Никак. Но он думает иначе. У него свои правила. Свое мнение по поводу всего. Сжимаю кулаки, чувствую прилив злости.

– Не уподобляйся своему дружку… бе-бе-бе, – шепчу себе под нос, а саму аж передергивает.

Быстро переодеваюсь, я и так уже минут на пятнадцать опоздала, меня словно током шибануло, а потом еще и парализовало, после его дурацких слов я выбежала из класса, как первоклашка, еще и ручку ему оставила. Бежала, а саму чуть ли не трясло, всего пара каких-то дурацких слов вывели меня из себя, задели за живое. А здесь, здесь я не могу по-

казывать слабость, не могу проявлять сочувствие. Меня не поймут, да и нет у меня этого сочувствия. Мне все равно. Абсолютно. Только почему я до сих пор ощущаю стыд?

Как я вообще могла додуматься брякнуть ему про детдом, а после всю большую перемену просидеть на внешнем дворе? Одна. Дура! Ей-богу, дура.

Шнурую кроссовки, убирая телефон в карман худи. Мысленно уже представляю, как на меня орет Палыч, но он не Альбина, двадцать кругов наматывать не заставит.

Захожу в зал, переглядываясь с Катькой. Та сидит на лавке, имитируя подвернутую ногу. Подсаживаюсь рядом, в надежде, что меня тоже не заметят.

– Герда, я думала, ты прогулять решила, – театрально потирает ногу.

– Опять подвернула?

– Ага.

– Пятый раз за месяц? – вскидываю бровь, стараясь изо всех сил скрыть улыбку.

Катька – это такой тип людей, над которыми нельзя стебаться, она не поймет. Будет потом дуться. Она вообще все в штыки воспринимает, во всех видит угрозу, и думает, что все только ее одну и хотят обидеть. Наивная. Но как друг – хорошая. Мы дружим класса с пятого, всегда стараемся держаться вместе, помогать. Но за последний год слегка отдалились, я активно взялась за учебу и маячащую на горизонте золотую медаль, иначе отец вышвырнет меня из дома и ли-

шит всех денег, а Катрин влюбилась в какого-то городского мальчика. Вздыхаю.

– Я симулирую, – шепчет мне на ухо, – бегать вообще неохота.

– М-м-м, – веду плечом, замечая подтягивающегося Шелеста, залипательная, я скажу, это картина. Я последние два года хожу в фитнес-зал с Сомовым, и знаю, как он пашет, но даже у него не такие мощные, выточенные, словно из камня, руки. Идеальный бицепс… и я уверена, что пресс у него тоже не менее идеален. Закусываю губу, понимая, что привлекла озадаченный взгляд Катюхи.

– А новенький-то наш ух!

– Ничего особенного, – морщу нос.

– Ну не знаю… я бы с ним замутила.

– А как же твой этот, как его?

– Сережа? Так мы расстались.

– Правда?

Неожиданно. Это странно, но этот факт вдруг начинает волновать меня больше всего.

– Ага, – даже не смотрит в мою сторону, просто пожирая Шелеста взглядом, – пойду, пожалуй, сделаю растяжку, – хитро улыбается, подпрыгивая с места.

Бабочка, блин. Стискиваю зубы, выпячивая губы трубочкой. Демонстративно отворачиваюсь от этой Санта-Барбары, складывая руки на груди.

– Гольштейн! – раздается над самым ухом.

От неожиданности я вздрагиваю, даже не смотря на обладателя вопля, знаю, что это Альбина. Какого черта? Почему сегодня она…

– Двадцать кругов, Гольштейн, живо.

– Слушаюсь и повинуюсь, – с язвительной улыбкой.

Пока наматываю круги, то и дело бросаю косые взгляды на Катьку. Подруга вертит ж*пой перед Шелестом, уже совершенно забыв о том, что она пошла «делать растяжку». Вдыхаю глубже, заходя на четвертый круг. Не успеваю вставить в уши наушники, чувствуя чужое присутствие по правому боку. Оборачиваюсь в надежде, что это Пашка, решил скрасить мое одиночество, но нет, это Шелест. Шелест!

Хорошо, что я невпечатлительна, иначе бы грохнулась в обморок от неожиданности, стопроцентно приводя его в экстаз. Знаю я таких. Им только повод дай. Ускоряюсь, но он и не думает отставать.

– Что тебе надо? – шиплю где-то на десятом круге, понимая, что он так и будет волочиться за мной надоедливой тенью.

– Что? – удивленно так.

– Отстань от меня, – вновь ускоряюсь, но прекрасно понимаю, что еще круг в таком темпе – и я труп. А ему хоть бы что, бежит, лыбится.

– Я к тебе не приставал, – резко останавливается, хватая меня за руку, – а вот сейчас, – притягивает ближе, заставляя почти что влететь в его грудь носом, – пристаю.

– Не трогай меня, – вырываю руку, отскакивая на метр, – офигел? – ору, привлекая к нам внимание. Боковым зрением сразу улавливаю Павлика, который даже не чешется подойти ближе.

– Ага, – спокойненько пожимает плечами, – побежали, – толкает меня вперед, – Альбина смотрит.

И я бегу. Как полная идиотка, бегу, спиной чувствуя его прожигающий взгляд. Пробегая мимо Сомова, хмурюсь, кидая ему вызов одним взглядом, он делает шаг в мою сторону, а после замирает. Оборачиваясь, замечаю лишь, как опускается рука Шелеста. Что за фигня здесь происходит?

– Давай, Гера, шевели батонами. Как муха сонная же.

– Заткнись.

– Хамишь? – ровняется со мной.

– Как ты догадался?

– Ж*па у тебя, Гольштейн, конечно, так себе, приседать почаще надо, – Богдан не дожидается моей реакции и убегает вперед.

А я не могу поверить в то, что он мне только что сказал. Он. Мне. Открываю рот, чтобы ответить, но закрываю его в ту же секунду. Ладно, мы еще посмотрим, кто кого.

Догоняю его не сразу, и я более чем уверена, что он просто позволил мне это сделать.

– Ну что, придумала, чем ответить? – слышу, стоит только с ним поравняться.

– Мне претензии озабоченных девственников безразлич-

ны.

– Как ты лестно о своем парне.

– Ты мне не парень, Шелест… не дай бог.

И как он только мог назваться моим парнем? Где я и где он? Небо и земля. Я никогда не буду встречаться с кем-то вроде Шелеста. У него же на лбу написано: все, что он умеет, это бить людей и растить мышцы.

Закатываю глаза, чувствуя отвращение, лишь представив нас вместе.

– Да я и не про себя вообще-то, – останавливается, добежав до скамеек, – но мне по кайфу, что такая звездулька, как ты, меня в свои принцы в первый же день записала.

– Что? Ты… ты…

– А вот и наш друг.

Шелест закидывает руки за голову, а я, полностью потерявшаяся в ситуации, только и могу, что проследить за его взглядом. И такая злость накатывает. Цыплячьей походкой к нам тащится Сомов, даже не тащится, ползет. Словно выжидает, пока Шелест свалит, но он даже и не собирается.

– Павлуша, – раскидывает руки, – а мы тебя ждем. А то Гертруда твоя уже мне тут предложения непристойные делает.

Лицо Сомова вытягивается, а я закрываю глаза, чтобы не смотреть на весь этот ужас.

– Герда? – звучит это раздосадованно, но это не главное, главное, что он ему верит.

Прекрасно!

– Ладно, купидоши, счастливо оставаться, – разворачивается ко мне лицом, – захочешь еще побегать – зови, с радостью составлю компанию, – подмигивает и медленно идет к выходу из спортзала.

– Что это было, Герда?

– У меня к тебе тот же вопрос, – рявкаю что есть сил, – он меня облапал, а ты как последний, – обрываю себя, – стоял там. Что это было?

– Я не мог, не сейчас. Прости. Не переживай, уже завтра его здесь не будет!

Молчу. Раздражение плещется через край, все, на что остается самообладания, это хлопнуть Сомова по плечу и уйти в раздевалку. Но даже здесь весь это спектакль не заканчивается. Не успеваю сесть на стул, как ко мне подлетает Катюха.

– Ты что, запала на Шелеста?

– Ерунду не говори, – шиплю на Катьку.

– Ну ладно, – закусывает пальчик, – тогда он мой. Думаю, через пару дней мы будем парой, – мечтательно.

– Совет да любовь, – ухожу в душ.

После физкультуры чувствую себя подавленной.

В класс прихожу последней, хоть и люблю литературу. Сегодня читаем Есенина, но я нахожусь в какой-то прострации. Постоянно отвлекаюсь, смотрю в окно, любуясь, как хлопья снега, кружась, ложатся на землю. Есть в этом что-то роман-

тичное.

Анна Андреевна рассказывает биографию поэта, улыбается. Мне она всегда импонировала, открытая, добрая, миниатюрная женщина со стрижкой ежиком. Темные волосы всегда стильно уложены в небольшой хаос, только добавляющий ей шарма. У нее тонкий и тихий голос. Она читает отрывок из «Исповеди хулигана», мне нравится это произведение, в моем айподе даже есть трек на этот стих.

Пока Анна читает, я внимательно слушаю ее голос, представляя какую-то романтическую чепуху.

– Ребята, – эти слова спускают меня с мягкого облака, и я внимательно смотрю на преподавателя, – вы все знаете, что на следующей неделе у нас проходят ежегодные контрольные тесты, литература, как и всегда, будет в списке предметов. Я надеюсь, что вы меня не подведете.

Класс закивал, а я полезла в тетрадь, убеждаясь, что у меня есть весь пройденный за предыдущие четверти материал.

– До звонка пятнадцать минут, – Анна замирает у окна.

Все знают, чего она ждет. Каждый урок мы посвящаем эти минуты прочтению стихотворения. Выбирается один ученик, который читает у доски отрывок или целое произведение поэта или писателя, которого мы проходим в данный момент.

– Есть желающие?

Все молчат. И вроде бы Анна уже спешит к журналу, как Сомов, хитро прищуриваясь, смотрит на Шелеста, а потом

говорит:

– Анна Андреевна, пусть новенький прочитает.

Класс улыбается, а Анна внимательно рассматривает Шелеста.

– Хорошая идея, Паша. Богдан, прочтешь нам что-нибудь?

– Без проблем, – поднимается из-за парты, шагая к доске. По дороге угрожающе смотрит на Сомова, и тот стискивает зубы, убирая с лица улыбку.

– Что из творчества Сергея Александровича мы услышим?

Шелест бросает беглый взгляд на аудиторию, потом медленно переводит его на Анну, убирая руки в карманы брюк.

– «Пой же, пой».

– Интересный выбор, – отходит в сторону, слегка взмахнув ладонью, как бы прося начать.

Шелест закусывает губу, опуская глаза, а я замираю. Пара секунд его молчания заставляют кровь прилить к щекам. Я стискиваю пальцами тетрадь, не понимая, чего так волнуюсь.

Богдан медленно открывает глаза, а я вздрагиваю. Меня словно превращают в ледяную фигуру, лишая возможности двигаться. Он смотрит на меня, изучает. Склоняет голову вправо, губ касается едва заметная улыбка. Она хищная, как у лиса, вышедшего на охоту.

Я смотрю на него, пытаясь выдержать напор его бешеной энергетики. Она подавляет, он плещет эмоциями. В его гла-

зах буря, нет, в них полнейшее безумие.

Я сглатываю, чувствуя, как сердце совершает очередной кульбит, вздыхаю, касаясь пальцами шеи.

Богдан вскидывает голову, и его громкий, надрывный голос прокатывается по классу:

«Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума».

Он читает с интонацией, с душой нараспашку, читает и не сводит с меня глаз. Ощущение его интереса образует во мне сгусток растерянности и трепета. Я поджимаю губы, внутренне улыбаясь. Паша замечает мое напряжение и придвигается ближе, накрывая мою ладонь своей. Кажется, этот жест не уходит и от внимания Богдана. Я всеми фибрами души

желаю, чтобы Сомов убрал от меня руки, но демонстративно кладу ладонь поверх его. Шелест кривит губы, делая паузу, а после продолжает:

«Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая, красивая дрянь».

Последнюю строчку он почти шепчет, а мое сердце падает вниз. Он с извращением смакует каждое слово, будто обращаясь ко мне.

Богдан замолкает, и класс вновь наполняется тишиной.

Анна хлопает, лучезарно улыбаясь.

– Богдан, – прикладывает ладонь к груди, – как выразительно, не ожидала, – признается Аннушка.

Класс слышит звонок и начинает собираться.

– Ах да, Богдан, совсем забыла, тебя вызывают к завучу.

Я замираю. Сомов вальяжно поднимается из-за парты, буравя Шелеста взглядом. Пашка явно доволен собой, а мне припоминаются его слова в зале о том, что Шелеста здесь завтра не будет. Вот и хорошо. Не подходит он для этой школы, он другой.

Хотя, если быть с собой честной, я просто до коматоза боюсь того, что моя ненависть к нему может оказаться совсем иным чувством.

Толкаю Пашу в плечо, чтобы он переставал играть в гляделки, я так опоздаю домой. После школы мне нельзя болтаться в городе, иначе отец будет мной недоволен.

Стаскиваю сумку со стула и, опустив глаза, иду к выходу.

У школы, как и всегда, меня ждет водитель. Забираюсь на заднее сидение Мерседеса, Паша лезет следом, предварительно отпустив свою машину.

– Антон, выключи, пожалуйста, музыку, – говорю водителю, откидывая волосы назад.

– Хорошо, Герда Брониславовна.

Антон выключает радио, а я вытаскиваю из сумки тетрадь по истории, нужно повторить даты. Если я напишу тест не на высший бал, можно даже не приходить домой, потому что меня и так там будет ждать гильотина.

– Герда, – Пашкина рука ложится на мое колено, – выброси ты эти тетрадки, – вырывает из моих рук конспект.

Я хмурюсь, скидывая его руки. Еще не хватало, чтобы Антон проболтался об этом отцу. Он в последнее время Сомовых не жалует, а если будут всплывать пикантные подробности наших с ним отношений, он просто оторвет нам головы. Вот и все. Вот и все.

– Не бесись. Не будет завтра этого придурка. Я уже все устроил.

Я мысленно взрываюсь. Ну почему именно сейчас и почему опять о нем? Чтоб он провалился, этот Шелест.

– И что ты сделал?

– Сходил к Юсуповой и рассказал о том, как этот гопник дела решает.

– И как? – приподымаю бровь. Неужели Шелест все-таки отделал Сомова?!

– Да никак, я соврал, конечно, что он руки распускает. Но все же слышали, как он нам угрожал в коридоре.

Киваю, забирая свои мысли обратно. Вряд ли Шелест может что-то сделать Паше, он с двенадцати лет борьбой занимается, в профессионалы не лезет, но все же удар у него явно поставлен. А Шелест так, глупая уличная шпана. Хотя он что-то говорил про клуб и прочее, выпендривался, наверное. Да и откуда у него деньги, чтоб ходить в клуб, где тренируется Сомов? Там месяц стоит несколько тысяч евро. А он явно к нам в школу по какой-то спецпрограмме попал.

К особняку я подъезжаю уже в хорошем настроении. Сомов шутит без перерыва, открывая мне дверь, Антон берет наши сумки и приносит в дом следом. Паша рассаживается на диване, закидывая ноги на банкетку.

Я устраиваюсь в кресле, скидывая сапоги на коврик.

– Малыш, а дома кто-то кроме прислуги есть?

– Нет, – не отрываю глаз от экрана телефона, залипая в инсте.

– Может, поднимемся к тебе?

– Нет. Отец скоро приедет, – откладываю телефон в сторону.

Сомов плотно сжимает губы, демонстрируя недовольство.

– Не дуйся. Давай завтра на снегоходах покатаемся?

– Где?

– Не знаю. Можно за поселком… отец приволок из Германии какую-то новую модель. Опробуем …

– Слушай, идея. Кстати, вечером в субботу твоя Катюха устраивает вечерину. Мы же идем?

– Не знаю. Если отец отпустит…

– Что ты все «отец-отец»? Забей ты на него, – смеется.

Только смеется он сейчас, когда моего отца здесь и близко нет. А вот стоит ему появиться, весь пыл Сомова мгновенно сойдет на нет, и он будет пресмыкаться перед ним, как и все остальные.

– Я попробую отпроситься и сказать, что мы с Катюхой подготовимся к тестам.

– Заметано.

По гостиной гулко прокатывается стук каблуков, и позади нас появляется мама. Она вновь с пакетами от всевозможных брендов.

– Детишки, – улыбается, – привет. Как дела?

– Хорошо, теть Оль. Какие у вас шикарные серьги.

Мама расплывается в улыбке. Она обожает комплименты, и еще больше обожает, когда их делают ее бриллиантам.

– Да. Муж подарил. Вчера буквально, – улыбается одной из своих заученных улыбок. Но я, как и всегда, вижу в ней боль. Об этом так громко кричат ее глаза. Они кажутся стеклянными, бездушными, но на самом деле они блестят от слез

и бессилия. Каждое украшение, каждая неприлично дорогая вещь в этом доме, купленная мамой – очередная измена отца.

Они живут так на протяжении последних десяти лет. Они знают, что я знаю. Да они никогда и не пытались скрыть. Им плевать, что чувствую я. Они беспокоятся лишь о себе. Все в этом доме, в этом поселке, думают лишь о себе.

Поджимаю под себя ноги, опуская глаза.

– Вы ели?

– Не. Мы только приехали.

– Доченька, скажи Любе, чтоб накрывала на стол. Покушаем, посплетничаем, – подмигивает, ставя пакеты на пуф.

– Хорошо.

Поднимаюсь с дивана в поисках Любавы. Нахожу ее в прачечной, она как раз доглаживает простынь.

– Деточка, ты уже вернулась, как я тебя прокараулила? – одаривает улыбкой.

Я люблю Любу, она классная. Простая, немного полноватая, но такая отзывчивая, добрая. Иногда кажется, что вместо сердца у нее обогреватель. Она готова обогреть и приютить всех и каждого в этом мире. Она работала у нас еще задолго до моего рождения. Еще когда был жив дед, это он принимал ее на работу. Она часто о нем рассказывает и говорит, что мой отец совсем на него не похож. Дед основал отцовский бизнес, но никогда не был таким бесчувственным и холодным. Отец же полная его противоположность.

– Мама просит накрыть.

– Бегу, моя золотая, бегу, – Люба торопливо спускается в кухню, а я волочусь за ней следом.

Глава 5

Богдан.

В кабинете завуча меня уже ждут с распростертыми объятиями. Директриса, завуч – она же мама, и физрук. Наличие последнего слегка подтасовывает логику.

– Марина Юрьевна, вы понимаете, что это переходит всяческие границы, – сетует Юсупова.

– Маргарита Владимировна, я вам обещаю, что это было в первый и последний раз, – сдержанно улыбается, – да, Богдан? – строгий взгляд полосует меня на равные кусочки, заставляя кивнуть.

– Да ладно вам, Маргарита Владимировна, – влезает физрук, – это ж богатырь, он сегодня кросс пробежал – и ни в одном глазу, – ржет как конь над двойственностью своего высказывания, – не то что эти дохлики. Озадачим его внеклассной работой, у нас скоро день здоровья. Вот он мне и поможет.

Юсупова пристально смотрит на физрука, а потом кивает.

– Ладно. Но это первое и последнее предупреждение.

После этих слов она выходит из кабинета, не забывая захватить с собой физрука и начать втирать какую-то дичь про мячи и маты.

Марина смотрит им вслед, а как только за ними закрывается дверь, поворачивается в мою сторону.

– Богдан, драка в первый же день. Ты недельку хотя бы не мог подождать?

– Я случайно.

– Случайно?

– Ты же в курсе, кто получил по тыкве?

– Еще бы, его отец в директорской час орал.

– Прости, – убираю руки в карманы, представляя, сколько маме Марине пришлось вытерпеть за этот час.

– Ладно, у тебя сколько уроков осталось?

– Один.

– Тебя подождать?

– Не, сам доеду.

– Хорошо. После тренировки сразу домой. Ты же помнишь, что обещал помочь с коробками?

– Помню. Буду в восемь ноль пять.

– Иди уже, – мать улыбается, легонько подталкивая меня к двери.

Я выхожу из кабинета завуча под косящиеся взгляды. Я более чем уверен, что они думают, что уже завтра меня здесь не будет. Посмотрим.

На улице бегло замечаю садящуюся в машину Гольштейн, следом за ней прыгает Сомик. Не с*ка ли? Сначала настучал, а теперь сваливает как ни в чем не бывало. Урод.

Хмурюсь, ощущая присутствие.

– Ругали? – писклявый голосок доносится слева.

– Ага, выпороли, – закидываю руку за голову, поворачи-

ваясь на звук.

– Шутник, – улыбается, – я Катя, мы одноклассники. Не успели познакомиться.

– Богдан.

– Я знаю. Тебя уже почти вся школа знает. В первый же день поставить Сомова на место – это достойно аплодисментов.

– Обойдусь, – пытаюсь ретироваться, но, кажется, пиявка присосалась надолго.

– Что делаешь в субботу вечером?

– А есть предложения?

– Я устраиваю вечеринку. Родители сваливают на Маврикий. Дом будет полностью в нашем распоряжении. Весь класс идет, поэтому отказы я не принимаю, – тыкает своим костлявым пальцем мне в грудь.

Я больше чем уверен, что она думает, что это секси. Дура.

– Я подумаю, – убираю руки в карманы и уже до беспредела хочу поскорее свалить.

– Подумай, подумай, – встает на цыпочки.

Знаю, что она хочет сделать. Знаю и намеренно поддаюсь на ее «типа уловку». Рыбеха сама плывет в сети, а ведь даже не догадывается о последствиях. Она медленно проводит языком по моей щеке, издавая при этом писклявые смешки. Бл*дь – просто констатирую факт и без церемоний тащу ее за угол школы, вплотную прижимая к стене.

– Катюша, Катюша, – тащу бегунок молнии на ее куртке

вниз, та разъезжается без преград.

Она продолжает улыбаться, отвратительно цокая языком. Пальцы касаются ремня на моих брюках, но я перехватываю ее руки.

– Тут камеры, – указываю на висящую в углу линзу.

– Тогда где?

– Ты тут больше ориентируешься, – усмехаюсь, заползая ладонью под чашку ее лифчика.

– Идем, – шепчет почти в губы.

Мы быстро перемещаемся в какой-то небольшой кабинет, похожий на подсобку. И Катюха оперативно стаскивает с себя куртку.

– Блин, – ржет, а сама с остервенением хочет расстегнуть мой ремень.

Подхватываю Катьку под зад. Вдалеке вижу стол или что-то вроде него. Усаживаю ее туда, быстро снимая с нее белую рубашку и лифчик.

– Колготки сними или порву, – бормочу на ухо, пока она проворно сжимает мой член и орудует ладонью, а сам задираю красную юбку в клетку до талии.

– Ага, – стягивает с себя колготки, а я под шумок натягиваю резинку.

Она извивается, целует, я отвечаю, но без особого энтузиазма. Вхожу в нее резко, возможно, даже грубо. Она громко стонет, а я зажимаю ее рот ладонью.

– Ах, – протягивает, – Богдан, – ее грудь вздымается, а с

губ сходят стоны.

Закончив, сразу натягиваю штаны, опираясь на стол. Катька ползает по полу в поисках своих колготок или рубашки, я не особо понимаю, да мне и нет до этого дела.

– Шелест, – цепляется ноготками за ворот моей рубашки, – теперь я точно не прощу тебе, если ты не придешь в субботу. В нашем распоряжении будет весь дом, – томно шепчет мне на ухо.

– Я подумаю, Катюша, – целую ее в лоб, – по-ду-ма-ю, – застегиваю рубашку, накидывая поверх куртку.

– Тебя подвезти?

– Думаю, нам не по пути, – хлопаю ее по заду и выхожу в коридор.

Она не бежит следом, чему я искренне благодарен.

Выхожу из школы, мысленно благодаря историчку за отмену последнего урока. Видимо, Сомов с Гольштейн знали это заранее, раз первые свалили. Вряд ли заучка Герда будет прогуливать уроки. Я не вдавался в подробности, но школа полнится слухами, что наша Герочка – самая-самая. Отличница, спортсменка, состоит в совете учеников, принимает участие во всей внеклассной работе, в общем, рвет ж*пу изо всех сил. На кой, пока не ясно, но тем даже интересней.

Выхожу за ворота и кабанчиком уматываю в город. Тренер уже завалил сообщениями, и, если я не приеду через минут сорок, он сожрет меня с потрохами.

– Иваныч, – скидываю куртку, двигая в раздевалку.

– Шелест, ты чего опаздываешь?

– Пробки.

– В метро?

– Почти. Я отработаю.

– Конечно, отработаешь. Не забывай, со следующей недели двойные нагрузки, усиленно готовимся к первенству.

– Ага.

– Сегодня все по лайту. Давай на скакалку, потом бурпи, становую тягу, подтягивания, отжимания – три подхода по три минуты, передышка в одну. И побегай, километров пять.

– Понял, – беру скакалку.

В зале только я и Леха. Хороший парень, но удар поставлен у него плохо.

Следующая неделя выйдет жесткой. Усиленная нагрузка, к которой приплюсуются нервы. Увеличение спаррингов. Уверен, что Иваныч не слезет с меня, пока я здесь не сдохну. Это, конечно, большое преувеличение, но перед каждыми соревнованиями, чемпионатами, отбором в него вселяется кто-то злой и страшный. Из добродушного мужика он, с*ка, превращается в сатану. И мне как бы грех жаловаться, потому что за все время наших с ним тренировок я проиграл всего один раз.

Это либо удача, либо я реально ссу прийти с поражением, он же меня прибьет к х*рам. Мысленно улыбаюсь, откидывая скакалку.

Впахиваю еще часа полтора. Выжимая из себя последние

соки, вот вам и по лайту. Иваныч почти выставил меня из зала, когда допер, что я делаю.

На улице застегиваю куртку, быстро добегая до метро. Еще нужно успеть зайти в супермаркет и приготовить маме ужин. Респект за то, что живем мы не на Рублевке и возле нашего дома есть нормальные магазины, а не те, где пачка пельменей в триста граммов полторы тысячи стоит. По магазу ношусь на сверхскоростях, закидывая в корзинку овощи и мясо.

Домой прихожу весь мокрый. Пот течет градом. Расшнуровываю ботинки, кидая пакет рядом с пуфом, на который сажусь, чтобы снять обувь. Вешаю куртку и на ходу закидываю шапку на полку. На кухне быстро разогреваю сковородку, наливая на нее растительное масло. Пока масло не начало потрескивать, быстро режу мясо, сваливая его в уже горячую посуду. Сковородка с закипевшим маслом издает потрескивающее шипение, поэтому, быстро все перемешав, солю мясо и накрываю крышкой. Пока оно жарится, быстро режу салат из овощей, укладывая все в большую пластиковую миску.

Еще раз помешав мясо, слышу, как во двор заехала машина. Щелкаю кнопку чайника, и тот начинает тихо шуметь.

Мама Марина заходит в дом минуты через две. Я уже стою у двери, забирая из ее рук пакеты.

– Привет, – улыбается, – ты даже раньше меня.

– Да. Освободился чуть раньше, – не скажу же я, что несся

как сумасшедший, чтобы приготовить ужин.

– Сейчас что-нибудь приготовлю, – расстегивает змейки на высоких сапогах.

– Я уже, – опираюсь плечом на стену.

– Ой, какой ты молодец.

– Да я просто… – пожимаю плечами, накатывает прилив каких-то непонятных эмоций.

– Так, – хлопает в ладоши, – я мыть руки, и будем ужинать тогда.

– Хорошо. Я пока накрою.

– Давай.

Мама Марина идет в ванную, а я возвращаюсь на кухню и достаю из шкафа две плоские красные тарелки.

– Богдан, как тренировка?

Марина садится за стол, поправляя салфеточки.

– Хорошо. Со следующей недели начинаем готовиться к первенству.

– Только ты?

– Нет, еще несколько человек из клуба.

– Здорово.

– Да, нужно будет только в школе потом на четыре дня отпроситься.

– Отпросимся.

– Спасибо.

– Очень вкусно, – улыбается, разжевывая кусочки мяса.

– Слушай, я хотел спросить, на выходных Катька устраи-

вает вечеринку, меня тоже пригласили… можно?

– Куликова?

– Наверное. Я не спрашивал…

– Хорошо. Только без эксцессов.

– Да без проблем.

Упираюсь ладонями в край стола, слегка отодвигаясь назад. Марина приподымает бровь.

– Ты уже сходил в школу, без эксцессов, – усмехается, – я долго краснела.

– Извини.

– Да все хорошо. Только давай аккуратнее.

– А че мне, я не пью, не курю… так что можешь не переживать.

– Могу? – глаза полны смеха.

– Можешь-можешь.

– Ну успокоил. Ты поел? Давай я тарелки вымою.

– Да я сам.

– Я помою, пей чай, – поднимается из-за стола, – а потом доразберем наши коробки. Когда же уже этот переезд закончится?

Как только маме предложили работу в лицее, ей пришлось переехать. Сдать квартиру в городе и арендовать ближе к поселку. Она до сих пор свои коробки не разобрала, а теперь к ее добавились еще и мои. Мы уже неделю воюем с вещами, но так и не можем расправиться с ними окончательно. Живем на коробках, и, в принципе, никого из нас сильно это не

напрягает.

Допиваю чай, поднимаясь к себе. Пока расставляю свои книги, успеваю порадоваться, что первый учебный день после каникул – четверг, а значит, еще денек – и выходной. Хорошо, что лицей на пятидневке. Заталкиваю свои футболки в шкаф, не заморачиваясь сложить их стопкой, и падаю за ноутбук. Пару каток в доту, и на боковую.

Натягиваю наушники, запуская игру.

Утром просыпаюсь от чужих касаний. Я так и уснул за столом. Мама Марина возвышается надо мной, хмурится.

– Ты во сколько спать лег?

– Не помню. Вырубило что-то.

– Богдан, – качает головой, – давай в душ, завтракать и на учебу. У вас сегодня первый тест по гуманитарным предметам.

– Пять минут – и хоть в клетку.

– Иди уже.

Я ухожу, замечая боковым зрением, как Марина закрывает ноутбук, убирая со стола кружку.

Минут через пятнадцать мы уже выезжаем из дома.

В лицейчик заходим вместе. Чем привлекаем озадаченные взгляды, ведь многие видели не только то, что мы вместе зашли, но и то, что вместе приехали. Убираю руки в карманы и с каменным лицом чешу в гардероб. Скинув куртку, расстегиваю пиджак и поднимаюсь в класс.

Урок еще не начался, поэтому, подходя ближе, я слышу

интересный треп Сомова с одним их своих одаренных созданий.

– Да не придет он, выперли его. Отвечаю.

– Я видел, как он с завучем приехал сегодня.

– И че?

– Ну, это странно.

– Ничего не странно, она ему просто хочет доки в рожу кинуть.

– Я тебе щас кину, – вмешиваюсь в это «веселье», останавливаясь в дверях. – Сомов замолкает, а его слащавое личико перекашивает злостной гримасой. – Ты давай, продолжай, должен же быть у меня повод тебя выстегнуть. Видимо, вчерашнего тебе было мало.

– Паха, так ты вчера соврал?

– Да кому вы верите?! – оправдывается мой дружочек.

– Соврал-соврал, – ухмыляюсь.

– Шелест, ты чего здесь встал? – басит Васильна за моей спиной.

– Цирк смотрю. Эксклюзивное выступление Павлушки Сомова.

Васильна переводит взгляд наСомова и, разочарованно выдохнув, отодвигает меня в сторону.

– За парту садись, – проходит в глубь класса. – Так, Гольштейн где?

– Она сегодня ко второму уроку придет, – лопочет Катюха.

– Чего вдруг?

– Не знаю. Ее отец вам позвонит.

– Отец, – фыркает слегка пренебрежительно. – Открываем учебники на сто второй странице.

– Александра Васильевна, можно я к Богдану пересяду? Сомов мне мешает, – скулит Катька, а мирно сидящий Павлик бросает на нее гневный взгляд.

– Садись.

Куликова собирает свои вещички и подсаживается рядом.

– Привет, – почти мурчит, надувая губки, – ты завтра придешь?

– Приду, – поворачиваюсь, оценивая, насколько глубоко расстегнуты пуговицы на ее рубашке.

– Отлично. В восемь. Могу прислать машину, – вышагивает пальчиками по парте в моем направлении, а второй рукой подпирает щеку.

– Сам найду. Не парься.

– Хорошо, – облизывает губы, – я буду очень тебя ждать.

Глава 6

Герда.

Это так странно, каждое утро я просыпаюсь с мыслью, что моя жизнь полностью никчемна. В ней ничего не происходит, но при этом все от меня чего-то требуют. Отец хочет, чтобы я была первой во всем, мать – чтобы следила за собой, не разрушая придуманный ею статус красотки. Пашка с пеной у рта доказывает, что я не должна бояться отца и слушать все то, что мне говорят дома, но при этом не прочь, если буду делать так, как говорит лишь он… они все, все хотят сделать из меня ту, которая будет для них наиболее удобна.

Красивая, умная, покладистая. Идеальная дочь, друг, девушка. Все с жестоким остервенением желают вылепить из меня свой, несуществующий на данный момент идеал. А я… я пытаюсь быть независимой, и от этого становлюсь бездушной богатенькой дрянью. Я, словно маньячка, хочу быть первой. Хочу быть лучшей. Это не только для родителей. Нет, это и для меня, я тоже этого хочу, наверное…

С Пашкой же все до неприличия просто, я к нему привыкла, но не питаю больной зависимости. Мы вместе с детства, и, хоть я и не представляю жизнь без него, это не влияет на мое поведение. С ним я всегда строга и отчасти холодна. Он говорит, что не зря я Герда, Снежная королева во мне точно завалялась. Я смеюсь, а самой хочется выть белугой. Рыдать,

потому что в реальной жизни это непозволительная для меня роскошь. Леди не плачут, они еще выше поднимают голову и делают вид, что им это неинтересно. Мне с детства вдалбливали в голову: «Будь сильной, девочка, у тебя большое будущее. Будь лучшей, ты обязана быть лучшей! Не смей плакать, ты же Гольштейн! Не дружи с теми, кто не из твоего круга. Ты принадлежишь высшему обществу, ты элита».

Я элита… я росла с ощущением того, что я центр мира. И чем старше я становлюсь, тем крепче эти убеждения. Я не знаю слова «нет». У меня есть все, но мне всегда мало. Мне настолько приелись материальные блага, что я просто не в состоянии воспринимать окружающих людей как личностей. Они все как эти самые вещи, все сколько-нибудь да стоят. Они продают себя, а мой отец покупает их… круговорот.

Застегиваю молнию на юбке, завязывая волосы в высокий хвост. Любава уже подала завтрак, поэтому я сразу иду в столовую. В нашей семье все живут как соседи, но при этом до больного извращения играют в идиллию. Каждое утро мы завтракаем все вместе. За последние несколько лет не было и дня, за исключением отцовских командировок, чтобы мы завтракали врозь. Это что-то типа традиции.

Усаживаюсь на стул, придвигая к себе тарелку с блинчиками.

– Герда, они на масле. Съешь лучше овсянку. А то так и лишние килограммы недолго набрать.

– Хорошо, – улыбаюсь, прося Любу поменять тарелки.

Мама права, если я буду есть жирную и сдобную еду, превращусь в бегемота, а я не могу. У меня сороковой размер, мой вес сорок пять килограммов, я и так не худышка.

Люба подает кашу, и я принимаюсь за еду. Мы завтракаем в тишине. Отец мажет хлеб икрой, пролистывая новости в планшете. Мама рассматривает китайский фарфор, из которого пьет кофе, а я вяло ковыряюсь ложкой в тарелке, потому что кашу я ненавижу.

– Герда, – отец поднимает взгляд, и у меня окончательно пропадает аппетит.

– Да, папочка.

– Когда у вас тесты?

– Сегодня первый по истории, обществознанию, психологии и литературе.

– Я надеюсь, ты меня не огорчишь?

– Нет, конечно. Я все знаю. Ко всему готова, – отвечаю уверенно, потому что это чистая правда. Я все знаю.

– БрОня, – вмешивается мама, – хватит на нее давить.

– Никто на нее не давит. Я просто хочу удостовериться, что моя дочь самая лучшая.

– Твоя дочь красавица, зачем ей столько учиться? Лицей, репетиторы, иностранные языки, актерское мастерство, танцы, теннис, бассейн, лингвистика, политология… у меня мозг взрывается только от того, что я все это перечисляю, а она это почти каждый день видит…

– А есть, чему взрываться? – отец равнодушно приподы-

мает бровь, приводя маму в бешенство.

– Уж побольше, чем у твоих шалав, – перепалка достигает своего пика.

– Может, если бы было больше, и шалав бы не было? – смотря в планшет.

– Ты, – мама багровеет, – ты самый отвратительный человек! Как у меня вообще хватило ума выйти за тебя замуж? Вот, – протягивает, – посмотри, посмотри, Герда, какой твой отец. Он даже тебя не стыдится. При тебе своих баб обсуждает.

– Ты первая начала эту тему, Оля. А Герда уже взрослая, она и без нас с тобой все прекрасно понимает, да, дочь?

– Да, пап, – опускаю глаза, смотрю на свою кашу и мечтаю побыстрее оказаться в школе. Мне так больно и противно. Они опять испортили мое настроение, с самого утра. Нет ни дня без ссоры. Не единого дня. Поднимаюсь из-за стола. – Мне надо в лицей.

– Пойдешь ко второму уроку, я позвоню Александре Васильевне, – отец припечатывает меня к стулу одним словом, он даже глаз не поднимает.

– Хорошо, – сглатываю, усаживаясь обратно.

– Кушай, доченька, не торопись, – «подбадривает» мама, прожигая отца ненавидящим взглядом.

Я киваю и набираю Катьке в вотсап: «Буду ко второму. Скандал».

***

В школу меня привозят за пять минут до начала второго урока. Я, как сумасшедшая, несусь по коридору, влетая в кого-то почти у двери. Сумка тянет меня назад, и я падаю, совершенно не успевая скоординироваться. Юбка задирается почти до трусов, а волосы, которые я зачем-то развязала, заслоняют весь обзор, нависая на лицо.

Сбитая с толку, убираю волосы, стараясь оттянуть юбку вниз. От удара ноет локоть, и я непроизвольно всхлипываю. Такое ужасное ощущение, в народе говорят, что при ударе задет нерв, не знаю, насколько это правда, но то, что нервы ни к черту, это точно.

Поднимаю глаза, чувствуя закипающую злость.

– Опять ты, – игнорирую протягиваемую Шелестом руку, поднимаюсь с пола.

– И тебе доброе утро, прогульщица.

– Что? Я не прогульщица.

– Ну-ну, – Шелест наклоняется, поднимая мою сумку, этот жест меня пугает до чертиков, потому что мне кажется, что он начнет издеваться или, того хуже, будет в ней рыться.

Но, вопреки всем моим страхам, он просто отдает ее мне. Я бы сказала –всучивает. Потому что от его напора я слегка пошатываюсь, крепче прижимая к себе сумку из кожи молочного цвета.

– Пожалуйста, – убирает руки в карманы, смотря на меня, словно я девчонка из соседнего двора. Да что он себе позво-

ляет? Где он и где я!

Если он думает, что я буду его благодарить, ошибается. Больно надо.

– Богдан, – Куликова выпрыгивает как черт из табакерки и, кажется, вовсе меня не замечает, – ты идешь? – смотрит на него, как мартовская кошка, а потом нехотя переводит взгляд на меня, – о, Гера, привет, – виснет на Шелестовской руке, а я ловлю себя на мысли, что она назвала меня сейчас так же, как называет он.

– Я Герда, – шиплю сквозь зубы.

Катька смеется.

– Пошли, Катрин, не видишь, барыня не в духе, – поддерживает ее смех Шелест, а мне хочется его придушить.

Они уходят, а я еще с минуту не двигаюсь, перебарывая в себе приступ гнева. Сомов! Срываюсь с места.

Залетая в класс, выискиваю Пашу, оттаскивая его от дружков.

– Какого хрена он еще здесь? Ты же сказал, что все решил и его не будет больше в нашем лицее?! – сдерживаю крик, хотя говорить спокойно вовсе не получается.

– Если я обещал, так и будет, но мне не помешает твоя помощь… хотя, думаю, этого не понадобится, сегодняшние тесты быстро его спустят на землю. Вряд ли он осилит их, а значит, и обучение ему не оплатят.

А Пашка прав. Шелест не блещет умом… откуда он там пришел? У нас программа с завышенными требованиями,

мы со второго класса изучаем два языка, расширенный набор предметов и более глубокое изучение всей базы. Он точно сольется после этого теста. Мысленно успокаиваюсь. Теперь нужно сосредоточиться и настроиться на учебный лад. Тесты вот-вот начнутся.

После звонка мы все сидим в конференц-зале. Мы и еще два параллельных класса. В совокупности нас человек тридцать. Классы маленькие, но каждый с определенным уклоном. У нашего правовой уклон, в двух других – математический и хим-био.

Сажусь за стол, чувствуя слишком напряженную атмосферу. Все волнуются, все, кроме меня. Я в себе уверена и прекрасно знаю, что кому–кому, а мне эти задания как полуоткрытые фисташки, на один зуб.

Вписываю свою фамилию, полностью погружаясь в ответы на вопросы. За двадцать минут до окончания слышу твердые шаги. Поднимаю голову и растягиваю губы в триумфальной улыбке. Шелест сдает свои листочки. Пашка был прав, он действительно не потянул. Знает не больше первоклашки, вот и сдался. Облегченно выдыхаю, ставя галочку в последнем тесте.

***

В субботу я с самого утра выбираю, что надену на вечеринку. Хоть Катька и приравняла все к посиделкам с глинтвейном, верю я ей слабо. За окном только-только прогля-

дывается солнце, а я уже успела разворотить всю гардеробную. Куча шмоток валяется на полу вперемешку с обувью, прикладываю к груди очередное платье – горчичного цвета, смотрю на себя в зеркало и понимаю, что это полный провал. Нужно шопиться.

Набираю Сомова, предлагая прошвырнуться до ЦУМа, но этот гад тусуется с Максом в «Парах», предлагая к ним присоединиться. Сбрасываю, задумываясь над тем, зачем они так рано туда приперлись, или же просто еще не уезжали.

Так, сейчас не до этого.

– Люба, – ору выходя на лестницу, – Люба…

– Иду, моя дорогая, иду, – Любава поднимается ко мне, – ты чего так рано проснулась?

– Мне нечего надеть, – вою с порога, – сегодня вечеринка, а я пойду туда как оборванка.

– Герда, – заходит в гардероб, – ох, ну ты тут, конечно, разошлась.

– Любочка, ну что мне делать? Голой, что ли, идти?

– Ну голой – это слишком, – посмеивается, поднимая с пола вязаное платье цвета изумруда, – может, это? Тебе идет зеленый цвет.

– Думаешь? – скептически осматриваю, пытаясь вспомнить, откуда оно вообще взялось. Точно! Мама привезла из Парижа этой осенью. – Я его ни разу не надевала…

– Ну вот.

– Я хотела в ЦУМ.

– На улице мороз почти тридцать, какие магазины? Еще заболеешь, не дай бог, отец с ума сойдет.

– Ага, потому что я пропущу эти тупые тесты.

– Герда, – сетует.

– А что – Герда, как будто ты так не думаешь?!

– Пойдем завтракать лучше, Бронислав Робертович попросил накрывать минут через двадцать

– А он дома?

– Да, пару часов назад приехал.

– А мама?

– У нее была мигрень, но как только твой отец вернулся… она прошла.

– Надеюсь, сегодня они не будут выяснять свое бл*дство.

– Герда!

– Что Герда-то?

Слегка повышаю голос. Меня бесят эти разборки, если б я могла, то никогда бы больше не ела за одним столом со своими родителями. Я бы виделась с ними два раза в год, и была бы самым счастливым человеком.

– Я сейчас спущусь, – сжимаю в руках платье, которое нашла Любава, – извини.

– Ничего, деточка, жду тебя внизу.

В столовой помогаю Любе накрыть на стол, нарываясь на недовольный материнский взгляд, ставя очередную тарелочку.

– Ты не прислуга, Герда, ты хозяйка дома, поэтому будь

любезна, веди себя подобающе. Сядь за стол и жди, когда тебе подадут еду.

Стискиваю зубы, усаживаясь на стул.

– Где твой отец опять шарится? Все никак не может сообразить, что здесь дом его семьи, семьи, которую он совершенно не уважает.

– Мама, – прикрываю глаза, – не начинай.

– Я ничего не начинаю. Просто это повальное хамство – не ночевать дома, а теперь вытащить всех на завтрак и где-то застрять. Он не принц Монако, чтобы все его здесь покорно ждали.

– Если тебя это так бесит, может, ты просто с ним разведешься и будешь жить в свое удовольствие? Всем будет только легче, – вздыхаю.

Мама вздрагивает, гордо выпрямляя спину. Ее движения грациозны, глаза же наполнены льдом и пронизывающим меня насквозь холодом. Она изящно поворачивает голову вбок, теребя пальцами бриллиант сережки.

– Герда, твой отец растоптал меня и мою любовь. Поэтому я буду с ним до тех пор, пока не превращу его жизнь в полнейший ад. И я совершенно не хочу, чтобы ему становилось легче.

Опять ему, мне… она думает только о себе и своей боли. Ненавидит отца, но, как собачка на привязи, сидит рядом с ним. Не хочет она, чтобы легче ему становилось… а я хочу. Я, блин, хочу, чтобы мне стало легче. Меня достала такая

жизнь. Все они. Это пытка, пытка жить в таком доме, доме, где все во что-то играют. Папа играет в примерного отца, мама – в обиженную и оскорбленную жену, я – в идеального ребенка… мы – семейка морально изуродованного отребья. И если они не понимают, то я чувствую это каждой клеточкой души. Чувствую, но ничего не могу с этим сделать.

Поднимаюсь из-за стола.

– Ты куда? – мать удивлена и растерянна.

– Ухожу. У меня сегодня много дел.

Мама хлопает глазами, не в состоянии сказать и слова, и только отец зашедший в столовую, своим жестким, убивающим все живое голосом возвращает меня обратно. Он просто говорит: «Сядь», и я прилипаю обратно к стулу. У меня трясутся поджилки, и я раболепно замолкаю, заталкивая в себя овсянку ложку за ложкой. Я до безумия боюсь отца. Я не понимаю, почему так реагирую, всегда так реагирую. Но я не могу даже спокойно дышать в его присутствии. Мне кажется, еще один вздох, и он прикажет мне не делать и этого.

Тру шею, чувствую, как по губам стекает теплая жидкость. Опять кровь. Беру салфетку, зажимая нос.

– Мне нужно умыться, – говорю еле слышно, выходя из-за стола. Столовую пересекаю медленно, иду, как по минному полю, чувствуя на себе пристальные взгляды родителей. Никто из них даже не сдвинулся с места, словно им нет никакого дела, что у меня опять хлещет кровь.

В ванной открываю кран с ледяной водой и пристально

смотрю на себя в зеркало. Тонкие струйки алой субстанции стекают по губам, подбородку, где, превращаясь в капли, падают на белую футболку.

Я завороженно наблюдаю за этой картиной и не могу оторваться от этого зрелища.

Перед глазами встают безразличные лица родителей. А потом я вспоминаю, как Шелест дал мне свой шарф, совершенно чужой человек позаботился обо мне. Он просто протянул шарф, а мне тогда показалось, будто он достал с неба звезду. Глаза становятся влажными, поэтому я быстрыми движениями стираю с лица кровь, прикладывая холодную салфетку к переносице.

Глава 7

Богдан.

– Спасибо еще раз. Доронин, не знаю, что бы я без тебя делала. Удачи тебе, – мама Марина скинула звонок и положила телефон на столешницу.

Интересно, с кем она говорила?

Убрав руки в карманы спортивок, выхожу из своего «укрытия» в виде полузакрытой двери в кухню.

– Доброе утро! – чешу макушку, взъерошивая волосы еще больше.

– Доброе. Ты чего так рано вскочил?

– Не спится. А ты?

– А мне в лицей нужно, у нас совещание.

– А-а-а.

– Так что завтракаешь сегодня один.

– Жаль, – топчусь на одном месте, – я тогда поем и в зал.

– Оденься потеплее только, там минус тридцать.

– Ок. Ты же помнишь, что сегодня обещала меня отпустить на вечеринку…

– Помню, конечно. Иди. Только без приключений.

– Да я вообще ненадолго. Пару часов, вряд ли у меня хватит стойкости терпеть их всех больше.

– Зачем тогда идешь?

– Катька ж позвала, – пожимаю плечами. Не скажу же я,

что это неплохой вариант еще раз перепихнуться с Куликовой и по-английски свалить домой.

– Она тебе нравится? – мама надкусывает печенье.

– Смеешься?

– Ну, мало ли…

– Не. Спасибо, конечно, но мне такое счастье без надобности.

– Ладно. Я ушла, веди себя хорошо, – смеется, проводя ладонью по моим волосам, а потом легкой походкой идет в прихожую.

Провожаю Марину до машины, а когда возвращаюсь в дом, завариваю чай. Вообще я больше по воде, но после пары минут на ветреном морозе чай не помешает. Выпиваю полкружки, пока дожидаюсь сработавшего датчика микроволновки. Котлеты разогреты. Теперь пожрать и на треню.

По дороге в зал слушаю «Сплин» и отрабатываю новую комбинацию в голове. Тренер говорит, что иногда это полезно. Вот сегодня и проверим.

– Иваныч, я пришел, – вытаскиваю наушник из одного уха, останавливаясь у штанги.

– Богдан, привет. Разминайся пока, потом в спарринг поставлю.

– С кем? Покажи мне сразу этого несчастного, – ржу, смотря на парней, те, которые меня знают, поддерживают мое веселье, остальные же видят во мне ох*евшего выскочку.

– Со мной.

Что-то слишком знакомый голос. Оборачиваюсь, чуть ли не сгибаясь пополам от смеха. Он смертник, что ли?

– Иваныч, эт ж Сомов. Ты издеваешься?

– Он выносливый, и тебе не помешает разнообразие. Да и вообще, когда это решения тренера стали ставиться под сомнения?

– Да гуд, с ним так с ним, – поворачиваюсь к Сомову, – ну что, вешайся, – провожу большим пальцем по своему горлу, вставая на беговую дорожку.

Ненавижу бегать в зале. Лучше на природе, но на улице такой дубак, что лишний раз туда нет желания высовываться. Потреню в тепле, пожалуй.

Сомова я вырубаю со второго удара. Не сильно. Не больно. Но чтоб неповадно. Ухожу с рейджа, попутно стаскивая шингарты. Сомов еще не поднялся на ноги, но уже и не валяется. Поворачиваюсь в его сторону, сталкиваясь с предсказуемым, злобным взглядом. Павлуша точно соображает план мести, но вряд ли он будет в пределах клуба.

Даю голову на отсечение, что будет гадить в лицейчике или на сегодняшнем сборище. Тем интересней.

К Катрин заваливаюсь часов в семь. Пока иду по вымощенной камнем дорожке, отмечаю грандиозность постройки. Замок, мать вашу. Три этажа и, с*ка, башни. Серьезно, каждое крыло дома украшено башней, словно из сказочки

про Рапунцель. Дом уже полон пьяных долбоящеров. Катька виснет на мне еще во дворе, она выбегает без куртки, с разбегу запрыгивая на меня и обвивая поясницу ногами. Придерживаю ее за ж*пу и, ни с кем не здороваясь, по ее навигации прямо в куртке прохожу на второй этаж.

У нужной комнаты она медленно опускает ноги на пол.

– Проходи, – стреляет глазками, – я соскучилась, – закрывает дверь комнаты, – родительская спальня. Всегда хотелось сделать это здесь, – защелкивает замок, облизывая губы, уже полностью развернувшись в мою сторону.

Осматриваюсь, садясь на кровать.

Катрин сегодня, как и всегда, в самом радужном мини. Платье, больше похожее на футболку, шлюхастые колготки в мелкую сетку и почти полностью открытая спина.

Ладони проминают мягкое покрывало, а Катрин проворно усаживается поверх меня.

– Выпьешь? – протягивает бутылку виски, стоящую до этого на тумбе.

– Не пью.

– Серьезно? – кривит губы в усмешке. – Ладно, – пожимает плечами, делая глоток.

Вырываю вискарь из ее рук, возвращая на место.

– Потом, – ладони стискивают талию, – ты мне еще в сознании понадобишься, Катюша.

– Богдан, – протягивает последние буквы, стаскивая с себя платье.

Оставшись в одних колготках, Куликова прижимается к моим губам грудью. Притягиваю ее еще ближе, заваливаясь на спину.

***

Вывернув футболку, надеваю ту, уже почти выходя из комнаты. Катюха топает следом, почти не выныривая из айфона. Постит очередную сторис, делая губы тупой уткой.

– Богдан, улыбнись, – останавливается на ступеньке, делая селфи, – Богдан, – ноет, когда понимает, что мне пофиг на ее просьбы, – ну и ладно, – осматривает гостиную с лестницы, – Герда, – машет рукой, быстро убегая в сторону Гольштейн.

Гера стоит у камина, сжимая в ладонях бокал какой-то жижи, похожей на горячий шоколад. Красивая зараза, но платье она, конечно, выбрала так себе, дурацкая вязаная тряпка, еле прикрывающая ж*пу.

Спускаюсь со ступенек, наливая себе колы.

Вновь нахожу ее глазами и разочарованно скулю. Катька быстро втянула Гольштейн в свой сатанинско-утячий клуб, и теперь они фоткаются вместе. Смотрю на толпу пьяных и дергающихся под тупой рэпчик людишек, ловя себя на мысли, что на фоне Геры Катька выглядит эскортницей, пропагандирующей повальное бл*дство.

Делаю глоток колы, отвлекаясь от Гольштейн, а Куликова уже вовсю гнет на баре то ли стриптиз, то ли танец маленьких утят. Ржет, уже упита в стельку, понаблюдав за представле-

нием, по-тихому сваливаю из гостиной, иду через анфиладу комнат, выходя на огромную лоджию с панорамными окнами. Красиво.

Останавливаюсь у окна, зачарованно смотря в небо. Сегодня так много звезд. Звездное небо всегда ассоциировалось у меня с чудом. Не знаю, как это связано, но есть же в них что-то волшебное.

Когда меня только притащили в детдом, я часто сидел на подоконнике, рассматривая звездное небо. Мне казалось, что родители видят меня в тот момент, а звезды – это души тех, кто больше никогда не вернется на эту землю. Ведь они уже обрели другую жизнь, жизнь в бесконечности…

В тишине отчетливо слышу звук ударяющегося друг о друга стекла. Оборачиваюсь, только сейчас замечая сидящую в углу на диване Гольштейн. Она поставила стакан на стеклянный столик.

– Привет, – делаю шаг в ее сторону.

– Не самая приятная встреча, – кривит губы.

Гера такая Гера. Делаю еще шаг к ней навстречу.

– Где твой слюнявый рыцарь? – не могу удержаться.

– Я смотрю, ты Катюшу тоже с собой не позвал, – приподымает бровь, закидывая ногу на ногу.

Гера смотрит с вызовом. Она сосредоточена и хочет казаться такой… супервумен. Похвально, конечно, но не прокатит.

– У нее много дел, полбара еще выхлебать надо, – сажусь

в кресло напротив.

– А ты не пьешь?

Отрицательно мотаю головой.

– Удивил, – с легкой усмешкой, – я думала, что такие, как ты, не упускают возможность выпить дорогого виски.

– Виски без кокса – халява на ветер, – пожимаю плечами, мне пох*р на ее слова. Подобной чушью мое самолюбие не задеть, хотя кому-то вроде Геры этого не понять, – а у тебя бл*дское платье.

Говорю с серьезным лицом, создавая какую-то жуткую паузу, в течение которой Гера напрягается, вытягиваясь, как по струнке, а ее лицо перекашивается от гнева. Кажется, вот-вот начнется шоу. Усаживаюсь удобнее, чтобы насладиться каждой деталью ее показательного выступления.

– Одна ниточка от этого платья, – цокает языком, – стоит дороже, чем все твои шмотки.

– Не спорю, но только даже так, оно не становится менее бл*дским, – держу лицо, чтобы не заржать, потому что очень хочется. И пока я борюсь с собой, в глазках маленькой мажорки плещет чистая угроза.

Гера медленно поднимается с дивана, сжимая в ладони стакан воды. У нее очень плавные, я бы сказал, завораживающие движения. Она делает пару шагов, замирая рядом со мной. Губы растягиваются в белозубой улыбке, больше похожей на оскал. Вытягивает руку со стаканом, останавливая ровно над моей головой.

Запрокидываю голову.

– Ты этого не сделаешь.

– Уверен? – приподымает бровь, переворачивая стакан.

Струя воды льется мне на лицо, скатываясь за шиворот. Сжимаю руки в кулаки, а сам ржу как конь. Это получается непроизвольно.

Резко выставляю руку, обхватывая ее ногу, и рывком тащу на себя. Все происходит очень быстро, поэтому Гольштейн заваливается на меня сверху, не устояв на своих каблучищах.

– Ну, привет, – прижимаю ее к себе.

– Пусти! Пусти меня, Шелест! – вырывается изо всех сил, извиваясь в моем захвате, который от каждого ее движения становится только крепче.

– Ты только что меня облила.

– Ты сам напросился.

– Да? – поднимаю с пола свой стакан с колой.

– Ты этого не сделаешь, – косится на мою ладонь, в которой теперь покоится стакан.

– Серьезно?

– Не надо.

– Нормально попроси, с выражением, Герда, с выражением…

– Что еще? – шипит, тяжело дыша.

– Ну, – перевожу взгляд на ее ноги.

– Обойдешься, пусти, – орет, – пусти меня, – уже тише и почти не шевелясь.

– Я не услышал.

Гера пару секунд пристально на меня смотрит, и я замечаю начинающие выступать слезы. Разжимаю захват, а дальше болевой туман, эта зараза давит коленом мне между ног. Убью с*чку.

– А теперь послушаю я, – наигранно облизывает губы, а в глазах чистый триумф. Думает, что сделала меня. Наивная.

– Наклонись, – сжимаю ее колено, Гольштейн смотрит на мои руки, но никак не реагирует. Моя ладонь ползет выше, а ее колено давит все сильнее.

– Я что, похожа на дуру, Шелест?

– Есть такое дело, – выдыхаю, стискивая зубы, – сама напросилась, – выплескиваю колу ей на грудь.

Поиграли и хватит. Выкидываю стакан, сжимаю руки на ее талии, поднимая вверх, и через призму боли меняю положение. Ее колено съезжает в сторону, и я проворно усаживаю ее поверх себя.

– Ты придурок, ты идиот, ты меня облил! – верещит, пытаясь меня ударить.

– Правила игры вновь изменились, Ге-ра, – прижимаю ее к себе, чтобы она уже точно не смогла нанести удар.

– Я Герда, – упирается ладонями в мои плечи, стараясь отодвинуться как можно дальше.

– Герда, – тяну ее на себя, между нами максимум пара сантиметров, и меня внутренне колотит от ее близости. Какая-то непонятная хрень, но я вновь чувствую то, что

чувствовал в первый день, когда увидел ее в школе. Больное, немое обожание. Она безумно красивая, и настолько же безумно отвратительная в своем поведении.

– Отпусти, – говорит совсем тихо, – кто-нибудь может прийти, – оглядывается.

– А разве тебе есть дело до чужого мнения?

– Нет, но…

– Но есть, – убираю руки, откидываясь на спинку кресла, – Гера, Гера, пугливая Умка.

– Я Герда, – сидя на мне, – и я не пугливая, – запрокидывает голову вверх, складывая руки на груди. Видимо, мокрое платье больше не доставляет ей дискомфорта.

– Я тебя уже отпустил, сидеть на мне необязательно, или вошла во вкус?

– Пошел ты, – вскакивает на ноги, – ты идиот, Шелест!

– Ты это уже говорила.

– Я готова сказать это еще сто тысяч раз! И не надейся, что долго задержишься в нашей школе. Мне уже не терпится увидеть твое лицо, когда скажут результаты теста.

Самоуверенная маленькая дрянь. Мне плевать на то, что она несет, но выражение ее лица меня бесит. Считает себя лучше других, так это поправимо. Поднимаюсь с кресла, замечая, как она пятится назад на пару шагов. Правильно, бойся, Гольштейн. Я тебе не Сомик.

– А как мне-то хочется видеть твое смазливое личико, когда ты перестанешь быть лучшей.

Она начинает хохотать.

– Ты действительно думаешь, что я поверю в то, что ты лучше меня? Ты? Лучше меня?

– Безусловно, – сжимаю ладонью ее плечо, – если это окажется не так, я сам заберу документы.

– Ты слишком самоуверен.

– Возможно, но, если я буду лучше, ты расстанешься с Сомовым.

– Что? – моргает, убирая с лица глупую усмешку. – Ты совсем больной?

– А что, боишься?

– Пфф, не дождешься. Я согласна. Ищи другую школу.

– А ты подготовь речь, чтобы не ранить трепетную душонку Павлика.

Разжимаю пальцы, убирая их с ее плеча. Гольштейн дергается, но больше не отступает. Смотрит на меня злобным тушканчиком, явно анализируя то, во что вписалась. Эта девчонка – сам дьявол, но обличие у этой стервы ангельское.

– А ты чего здесь пряталась вообще?

– Не твое дело.

– Да ладно тебе.

Гольштейн переводит взгляд на окна и выглядит растерянной.

– Если бы я знала, что сюда придешь ты, меня бы здесь не было.

– А по-моему, было весело и тебе понравилось. Думаю,

тебе не хватает обычного, человеческого веселья, – одергиваю ее платье, которое слегка задралось после нашей потасовки.

Герда нервно трогает подол, будто я его не поправил, а разодрал к чертям.

– Мне не понравилось, – на лице добродушная улыбка, а меня вновь клинит. Мне она нравится. Нравится эта улыбка. И Гера мне нравится. – Ты чего?

Смотрит на меня подозрительно, будто мысли читает.

– Ничего, – убираю руки в карманы, – пойду. Павлику привет.

Она словно хочет что-то сказать, но вовремя себя останавливает.

Разворачиваюсь, ускоряя шаг. Нах*р это все. И Геру туда же.

Глава 8

Герда.

Шелест уходит, а меня накрывает каким-то сумасшедшим отчаянием. Это странно, но вся эта перепалка вызвала во мне не только дикую злость. Нет. Мне она понравилась. Было весело. Он окатил меня дурацкой колой, а мне было весело. Господи, какой бред! Но с Шелестом мне было весело.

Вновь усаживаюсь на диван, смотря на звездное небо. Красиво.

Зачем я согласилась на это глупое условие? Почему-то в голову закрадываются мысли о том, что он реально может оказаться лучше. Хотя… он просто самоуверенный придурок. Только и всего. Трогаю пальцами свои колени, остро чувствуя следы его прикосновений. По телу разбегаются мурашки, и я заваливаюсь на диван, прижимая к груди маленькую декоративную подушку.

Богдан Шелест, я знаю его всего два дня, а уже испытываю настолько противоречивые чувства… он меня дико бесит. Он не может не бесить. Он наглый, самоуверенный и напыщенный индюк, считающий себя лучше других. Стоит только вспомнить, как он смотрел на Пашу, словно тот кусок пенопласта. Грязь под ногтями. Вспоминаю те его насмешливые взгляды, и всяческие капли теплоты к нему пропадают сами собой.

Этот человек переступит через многое и многих, чтобы достичь своих целей. И сейчас его главная цель – стать лучшим в нашем лицее. Он и так успел собрать вокруг себя круг подражателей, и это за каких-то два дня. А что будет дальше? Нам с Сомовый нужно что-то делать. Мы не можем этого так оставить. Я не могу этого так оставить. Я лучшая. Я первая. Я и только я.

Домой возвращаюсь утром следующего дня. Отца нет дома, а значит, завтрака можно избежать. Мама сидит у камина, рассматривая какие-то фотографии. Подхожу ближе.

– Привет.

– О, Герда. Привет. Ты как раз вовремя. Смотри, – протягивает планшет, – ручная работа, лучший ювелир. Какое взять?

Я смотрю на разнообразные колье и не чувствую ничего. Я знаю, что эта покупка – очередная женщина отца. Знаю и никак не реагирую. Мне искренне все равно. Мне даже их не жаль. Не жаль своих родителей. Они так давно воюют, что я успела зачерстветь. Меня больше не трогают подобные выпады. Совсем.

– С изумрудом красивое.

Мама думает пару секунд, но отрицательно качает головой.

– Слишком дешевое.

– Тогда не знаю.

– Как прошла подготовка?

– Отлично. Все напишем на высший бал.

– Похвально, конечно, но, доченька, тебе что, совершенно не хочется погулять… сходить на вечеринку? А не сидеть за книжками в субботний вечер.

– Мне все равно. Меня устраивают мои книжки, – я бы могла рассказать маме, что мне интересны вечеринки, мальчики… но я знаю, что в порыве ссоры с отцом она обязательно выплюнет это ему в лицо, чтобы уколоть и показать, что его опека надо мной не так уж и идеальна.

– У меня в твоем возрасте была куча ухажеров. Мы с Валей постоянно шопились в Европе и устраивали вечеринки…

Пожимаю плечами, потому что мне нечего ответить. Мама откладывает фотки в сторону, осматривая меня с ног до головы.

– Какое ужасное платье. Безвкусица.

– Это ты его купила.

– Ох, у меня была мигрень, видимо. Но ты-то должна была смотреть, что надеваешь.

– Мы выбрали его вместе с Любой.

– Нашла, кого слушать, – домработницу, ну что она может понимать в моде? Тебе обязательно нужно обновить гардероб. В чем ты ходишь вообще, кроме школьной формы? Это же паноптикум какой-то.

– Только ты так отзываешься о моем вкусе.

– Ну, доченька, это же не в обиду. Я мама, и очень хочу

сделать как лучше для тебя. Тебе еще жить, вариться в нашем обществе, а с таким выбором в одежде тебя заклюют на первом же выходе в свет.

– Спасибо, – мило улыбаюсь, – я учту.

Поднимаюсь к себе, стаскивая это дурацкое платье.

«Какое ужасное платье. Безвкусица».

*«Бл*дское платье».*

«В чем ты ходишь вообще, кроме школьной формы? Это же паноптикум какой-то».

В голове бьет набатом эти слова, и я медленно оседаю на пол. Впиваюсь ногтями в ноги до едкой боли. Только бы не заплакать. Щеки пылают огнем, а я сижу, прижимаясь спиной к стене, стараясь выкинуть, выгнать их из головы.

Отец не возвращается к ужину, и я за это ему очень благодарна, потому что могу не выходить из комнаты. Все воскресенье я сижу у себя и смотрю романтические комедии, иногда отвлекаясь на приходящие от Пашки сообщения. Наверное, поэтому утро понедельника кажется мне самым отвратительным на земле. Мне приходится выбраться из своего убежища, надеть красную клетчатую юбку, гольфы, белую футболку и темно-синий пиджак. Завязать волосы в хвост и отправиться в лицей, предварительно прослушав очередную родительскую перепалку за завтраком.

Отец сам отвозит меня в школу. Весь путь мы молчим, он просматривает новости, а я тупо пялюсь в окно. Недавний мороз резко сменился почти плюсовой температурой, в

мгновение ока превращая снег в грязевидную кашу.

На парковке Игорь, он же водитель отца, открывает мне дверь. Я уже хочу уйти, но замечаю, как папа вылезает из машины. Останавливаюсь.

– Ты говорила, сегодня сообщат результаты?

– Да, сейчас будет небольшое собрание в актовом зале, с разбором ответов и ошибок.

– Я хочу поприсутствовать, – это не просьба, это утверждение. Отец проходит мимо меня, направляясь к дверям школы.

Я плетусь следом, краем глаза замечая подъехавшую на парковку машину, из которой выходит наш новый завуч, а за ней – Шелест. Замираю, смотря на них во все глаза. Почему они приехали вместе? Они родственники? Но Сомов говорил, что Шелест из детдома? Странно. Догоняю отца, ставя себе галочку поподробнее разузнать про Шелеста.

Папа вальяжно проходит в актовый зал, присаживаясь в первый ряд. Я сажусь рядом, незаинтересованно блуждая взглядом по собравшимся учителям.

Маргарита Владимировна оглашает результаты по списку, и я расслабляюсь. Девяносто пять баллов из ста. Вряд ли кто-то сможет переплюнуть мой результат. Облегченно выдыхаю, чувствуя, как горделиво улыбается отец.

Дальше сижу в телефоне, абсолютно не слушая дальнейшие результаты. Что, как оказываться, очень зря.

– И последний, Богдан Шелест – девяносто восемь баллов.

Я роняю из рук телефон, в шоке смотря на Юсупову.

– У нас новый высший бал. Богдан, поздравляю!

– Новенький дает, – шепчет кто-то позади нас с отцом, – наконец-то кто-то заткнул эту с*ку Гольштейн. А то столько понтов.

Вокруг начинаются перешептывания, и я нервно заламываю пальцы. Отец!

Отец молча сжимает мое запястье, выводя из зала. Протащив меня до двери, он почти выбегает в коридор, резко отпуская мою руку. Его жест небрежен и пропитан каким-то отвращением. Словно я испачкана грязью, и если он вновь до меня дотронется, то не отмоется уже никогда.

– Все знаешь, говоришь?

– Я…

– Ты! Ты… чего ТЫ достигнешь в будущем, если даже не можешь нормально написать какой-то дурацкий тест? – он не повышает голос, нет. Он говорит это монотонно, без всяких эмоций, словно робот. Но я знаю, что такая подача еще страшнее. Эта наивысшая точка его безумия. Сейчас он себя совершенно не контролирует.

– Папа, у меня хороший балл, – зачем-то пытаюсь оправдаться.

– Хороший, Герда, хороший, но не лучший. Ты Гольштейн, к моему сожалению, и ты должна быть впереди всех. Ясно тебе? Ты должна быть первой!

Я стою, склонив голову, и молюсь об одном – только не

слезы. Только не они. Всхлипываю, но происходит то, чего я так боялась. Отец жестко сцепляет пальцы на моем подбородке, запрокидывая мою голову наверх. У него злой, холодный взгляд. Он смотрит на мое лицо, подмечая каждую деталь, и от того, что видит на нем, становится еще более агрессивным.

– Ты вздумала плакать? – сильнее стискивает пальцы. – Да? Не позорь меня, – шипит сквозь зубы, – никогда не смей реветь. Никогда, слышишь? Это унизительно. Ты унижаешь нашу фамилию. Ты сплошное недоразумение, Герда. Иногда я не понимаю, как ты можешь быть моей дочерью. Не понимаю, – разжимает пальцы, отходя от меня на пару шагов, словно от чумной, – ближайший месяц будешь сидеть на домашнем обучении!

– Но, папа…

– Я сказал, – отчеканивает жестко, – и это не обсуждается, – он пронзает меня взглядом, после чего уходит прочь.

Я стою посреди коридора, смотря ему вслед, и не знаю, что мне делать. Я настолько подавлена, и кажется, под ногами совсем не осталось почвы.

– А я тебя потерял, – знакомый, раздражающий голос, словно лезвие, вонзается в вены.

Я оборачиваюсь, гневно смотря на Шелеста, и с его лица пропадает всяческая улыбка. Он как-то странно меня рассматривает, а на пороге актового зала слышатся голоса. Сейчас толпа выйдет в коридор и увидит мое заплаканное и пе-

репачканное кровью лицо. Я смотрю сквозь Богдана на двери зала, понимая, что мне не миновать неизбежного. Кажется, сегодня моя маска будет сорвана, а статус подорван безвозвратно.

Шелест хватает меня за руку, притягивая к себе.

– Пошли, – где-то над ухом.

Мы быстро сбегаем вниз по лестнице, забегая в какое-то небольшое помещение, похожее на склад инвентаря.

– Сиди здесь, – командует, усаживая меня на стол в углу, – я сейчас приду.

Минут через пять он возвращается с салфетками и бутылкой воды. Протягивает мне салфетки, открывая пластиковый флакончик.

– Это был твой отец? – встает напротив, практически устраиваясь между моих ног.

Я киваю, вытирая кровь, но она продолжает течь. Богдан отбирает у меня салфетки, надавливая пальцами на мой затылок.

– Наклонись, – командует, – теперь зажми ноздрю пальцами, только сильно. Гера, делай, как говорю, – повышает голос, и я слушаюсь.

Сижу так минуты три, может быть, четыре. Богдан все это время держит мою голову, но уже не давит, его ладонь просто покоится на моем затылке.

– Поднимайся, разжимай, – отнимает мою руку от лица, – молодец, Умка, хорошая девочка, – смачивает салфетку во-

дой, быстро вытирая мой нос и подбородок.

Я сижу не шевелясь. Пальцы с дикой силой вцепляются в край стола, и меня немного потряхивает.

– Может, тебе к врачу? – выкидывает испачканные салфетки в какой-то мешок, стоящий неподалеку.

– Не надо. Не надо к врачу, – мотаю головой.

Я до ужаса боюсь врачей, они никогда не говорят ничего нужного, но заставляют есть таблетки, от которых нет никакого толка. У меня все равно продолжает идти кровь, если я нервничаю… они не помогают. Нет.

– Ладно. Тебе надо посидеть немного, – садится рядом со мной, – тебя трясет.

– Это сейчас пройдет, – облизываю губы, чувствуя, как немеют пальцы.

– Часто?

– Что?

– С тобой происходит такая фигня, часто?

– Бывает. Это подростковое, говорят, что пройдет.

– Тебе скоро восемнадцать лет, какое подростковое? – пренебрежительно вскидывает бровь.

– Это не твое дело, это тебя не касается. Чего ты ко мне пристал? Иди, вон, Куликову доставай.

– Да как-то неинтересно уже Куликову доставать. Ах да, я же шел напомнить тебе про наш уговор. Как будешь с Сомовым расставаться?

– Не буду, – надуваю щеки, – я с тобой ни о чем не дого-

варивалась, – строю из себя дуру.

– За*бись позиция.

Богдан вновь встает напротив меня, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Идешь?

– Что?

– На урок, или будешь здесь прятаться?

– Еще чего!

Что он вообще себе напридумывал? Неужели я буду от кого-то прятаться? Да ни за что. Показательно спрыгиваю со стола, полная решимости идти в класс.

– Пошли тогда.

– Я одна. Не надо за мной ходить.

Еще не хватало, чтобы мы вместе вошли в класс.

– Вперед, – отходит, пропуская меня вперед, – иди.

– Не ходи за мной, – повторяю, нажимая на ручку двери.

– Да нужна ты мне больно. Вали давай.

Глава 9

Богдан.

Ну не с*ка ли? Выбесила. Гольштейн раздражает меня больше, чем кто бы то ни был. Хотя… так даже интересней, может, уже начнет догонять, что Сомов – это дно пищевой цепочки, и она жрет отходы.

Захожу в класс. У нас история. Еще один адекватный предмет и препод. Селезнев, недавно закончивший универ, брюнетик с юморком. Если так подумать, то еще пару лет – и разница в возрасте между ним и нами сотрется до нуля.

Падаю за парту, затылком чувствуя Куликову, она точно где-то неподалеку. А потом топот каблучков напрочь стирает эти ощущения. Ср*ть мне на Катюху, мимо проплывает Гера, усаживаясь за первую парту. Где она столько шлялась? Ушла же первой. Звенит звонок, урок начат, а Умка ерзает на стуле большую его часть. Я сижу за две парты от нее, но каждый раз, когда она украдкой поворачивается в мою сторону, я делаю совершенно отстраненный и незаинтересованный вид.

После урока в раздевалке меня подкарауливает парочка каких-то чуваков, кажется, они из моего класса, но я особо не запоминал. Прохожу мимо, ожидая, что они что-то скажут, но от них исходит гробовая тишина.

Забираю свою куртку и так же мимо них иду к выходу.

Останавливаюсь почти у порога. Ну, правда, интересно же, чего они меня ждали, че так пялились?

– Пацаны, вы меня, что ли, ждете? А?

– Слушай, Шелест, мы тебе как бы это… не враги. Ваши терки с Сомовым – это ваши терки, мы тут ни при чем.

– И?

– Да нет, просто хотели, чтоб ты был в курсе. Мы против тебя ничего не имеем.

– Спасибо, что хоть вы не имеете, – усмехаюсь, – одна уже поимела, – почти про себя.

– Так вот, – чешет затылок, – хотели позвать тебя в эти выходные на тусу. К Максону, мы вечно у него зависаем, у него родоки в Европе почти всегда.

– Я подумаю.

– Да ладно тебе, мы ж нормально хотим, ты свой парень. С юморком. Можно вообще Сомова с его принцесской подвинуть. Че они тут королей строят? У моего отца, между прочим, бабла больше, чем у Сомовского и…

– Запомни, – щелкая пальцами, – как тебя?

– Никита.

– Так вот, Никитос, если ты по жизни нюня, никакое бабло тебе не поможет. У Сомова вашего, хоть он и у*бан, харизма. Ну или что-то на нее похожее. А вы тут сопли жуете.

– Пошел ты, мы с тобой по-нормальному, – подключается второй.

– Так и я без обид. Правда жизни, пацаны, правда жиз-

ни… но план мне ваш нравится. Люблю я Павлика, прям вот люблю, – парни ржут, пожимая мне руку. Слушайте, – замечаю проходящую неподалеку Геру, – а Гольштейн всегда такая?

– Да она вообще странная. Строит из себя принцесску, ни с кем не общается. Кроме Павлика своего, ну и Куликовой. Элита она. Вся из себя голубых кровей.

– В плане родословной?

– Вроде как да. Хотя хрен знает. У нее батя вообще с придурью. А ты че, запал?

– А ты че, смелый?!

– Да я так…

***

Следующий месяц я зависаю с Катюхой у Макса на хате, страдаю херней и параллельно выбиваю на ринге дурь. Гера все это время в школу не приходит. Куликова не поднимает эту тему, а мне до глубокой ночи пох*р, что с ней и где она.

Гольштейн – точно не та, по кому стоит сходить с ума. Гонора выше крыши, а за слова отвечать не в ее Барби-стиле. И все вроде так… но есть один нюанс… ее глаза. В тот день, когда она сидела со мной в подсобке, то смотрела иначе, и было в ее этом взгляде что-то глубокое. Что-то сжирающее весь ее напускной снобизм и пафос. Вроде и едва ощутимое, а вроде и кричащее до потери слуха.

Одно можно сказать точно, Гера – не та, кем кажется. И

чем больше я об этом думаю, тем мне больше хочется узнать ее настоящую.

– Богдан, – мурчит Катрин в самое ухо.

Мы сидим у Макса на хате, играем в FIFA, и мне непонятно, с какого Катрин притащилась за нами следом. От нее только голова трещит.

– Кать, – Макс подходит сзади, закидывая руку на Катькино плечо, – пойдем что покажу, а…

– Что ты мне можешь показать, Максимка, а?

– Пойдем, – тащит ее за руку, пытаясь отлепить от меня и дивана.

Катюша смотрит на меня, как бы намекая вмешаться, но мне до этого нет дела. Если она раздвигает для меня (и я уверен, что не только для меня) ноги, то вся побочка ее надуманных розовых соплей только ее проблемы. Мы не пара, не дай бог, и уж точно никогда ей не станем.

– Кать, да иди уже, – толкаю ее легонько локтем в бок, сам же полностью погружен в игру. Никитос сегодня ведет.

Куликова недовольно фыркает и поднимается с дивана, нарочно при этом задевая мои руки коленом. Из-за этого действия я лажаю, получая еще один забитый мяч в мои ворота, а Катюша наигранно смеется.

– Забери ее уже отсюда, – ору Максу, полностью игнорируя Катькины выпады.

Они уходят, а на задворках сознания я еще немного слышу ее смех, прокатывающийся эхом по коридору особняка.

***

До первенства остается чуть больше недели. Вытираю пот со лба тыльной стороной ладони, стаскивая с шеи небольшое черное полотенце.

Иваныч включил режим терминатора, поэтому чем дальше, тем меньше у меня остается сил после трень. Жизнь превращается в тщательно отрепетированный спектакль из трех актов: школа, зал, сон. Все. А, ну в антрактах успеваю пожрать.

И вроде все это уже привычно, но руководство клуба решает выслужиться перед мэрией и устроить показательные бои к двадцать третьему февраля. Будто у меня сейчас есть на это время… развлекаловка для толстопузов в костюмах.

Стаскиваю майку, и, пока расшнуровываю кроссовки, Иваныч стоит над душой, диктуя указания по поводу моих сегодняшних спаррингов. Потом плетет что-то про завтрашние показушки.

– Богдан, завтра в девять будь уже здесь.

– Хорошо.

После душа набираю Максона.

– Здорово. Поржать завтра хотите?

– А че такое?

– Народ из класса сагитируйте, пусть в клуб приходят, завтра показательные выступления. Мордобой посмотрят, возможно, над Павликом поржут.

– Серьезно? Слушай, щас всем позвоню.

– Давай. В двенадцать начало.

Из зала еду домой. В честь праздника лицей расщедрился на три выходных, ни в один из которых я все равно не отдохну. У дома провожу пальцами по капоту маминой альмеры, проходя к крыльцу.

Марина что-то колдует на кухне, и я на автомате шагаю туда.

– Привет.

– Привет, чай будешь?

– Да, я сам налью.

– Может, уже дашь мне о тебе позаботиться? – журит с улыбкой.

– Ну давай, – усаживаюсь за стол, – ты завтра придешь? В двенадцать начало.

– Приду, конечно, хотя особой радости смотреть, как тебя бьют, у меня нет.

– Так не меня же бьют, а я.

– Так говоришь, будто тебе не достается, – качает головой, ставя передо мной тарелку с блинами.

– Почти нет.

– Ври больше. Если ты выигрываешь, это не значит, что синяки твои мы потом не лечим.

– Ты драматизируешь.

– Я волнуюсь.

– Это спорт.

– Это дикость.

– На этом можно хорошо заработать.

– А зачем вообще будут нужны деньги с отбитыми мозгами и переломанными ушами? – немного взвинчено. Видимо, для мамы Марины это больная тема, как оказалось. Раньше я как-то не обращал внимания.

– Ты чего?

Мама отворачивается к окну, обнимая себя руками. Подхожу сзади, пристроив подбородок на ее плечо.

– В любом спорте свои нюансы. Ты слишком все остро воспринимаешь…

– Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, слышишь? – резко поворачивается ко мне, смотря в глаза. В них слезы и боль.

– Мам, – шепчу, – ничего не случится, я тебе обещаю, – обнимаю ее, крепко прижимая к себе.

– Ты же отличник, почему бы не стать юристом… а спорт, его можно оставить как хобби…

Отрицательно качаю головой.

– Это моя жизнь, без спорта я никто.

– Что ты такое вообще говоришь, сынок? Ты умный, талантливый мальчик. У тебя тысячи возможностей… зачем так усложнять свою жизнь? Зачем постоянно подвергать себя опасности?

– Не обижайся… но я не брошу спорт, – отхожу в сторону, – я не хочу ругаться, но и доказывать что-то тоже не хочу.

Прости, – сажусь за стол, делая глоток чая, – что случилось? Раньше ты ничего такого не говорила…

– Прости, эмоции. Прости, – взъерошивает пальцами мои волосы, – я пойду прилягу, что-то голова разболелась.

Мама уходит, оставляя меня один на один с самим собой и миллионом вопросов о том, что это сейчас было… да и настроение как-то быстро сошло на нет. Весь оставшийся вечер я тупо залипаю в английские сериалы, без русской озвучки и субтитров, и покайфую, и язык подтяну.

Двадцать третье начинается с усиленной разминки и жеребьевки. Дома я успеваю лишь затолкнуть в себя пару сырников и стингером направиться в зал.

Где-то за полчаса до начала накидываю куртку и в одних шортах иду встречать Мелковых. Хорошо, что мама Марина поговорила с Валяевым, и тот отпустил их без каких-либо заморочек.

Иду через стоянку с распахнутой настежь курткой. Из одежды на мне только шорты, кроссовки и куртка. Я так размялся, что даже не чувствую холода. Тело так горит огнем, что я готов с голым задом прыгнуть в сугроб.

– Здорово, – жму Мелку руку, – так рад вас видеть.

– Здорово. Давно не виделись! Не жарко?

– В самый раз. Танюха, привет. Пойдемте, а то Иваныч меня ненадолго отпустил. После боя поговорим.

Мы поднимаемся по ступенькам крыльца, и, прежде чем я успеваю открыть дверь, сзади на меня кто-то накидывает-

ся. Смех и тупые крики перемешиваются с пониманием того, кто эта дура. Катька. Смертница чертова. А если б я ее вырубил, ну так, на рефлексе?

Катрин отходит чуть в сторону, растягивая губы в улыбке. Ее темные волосы падают на лицо, скрывая стоящего немного позади нее Серегу.

– Привет, – убирает руки в карманы куртки и оборачивается, – Сережа? – сколько трагизма в голосе.

– Катя…

Походу, Куликова и есть та самая дочь банкира… интересно. Нет, я, конечно, не испытываю чувства вины перед Мелком… она сама все это замутила, но поговорить придется. Хотя если Катрин не совсем дура, то будет помалкивать. И что-то мне в ее бегающих глазках подсказывает, что так оно и будет. Не знаю, по какой причине у них там все пошло к х*рам, но смотрят они друг на друга совсем не как бывшие и обиженные друг на друга человеки.

– Вы знакомы? – делаю вид, что полный чайник.

– Да. А ты… вы, – никогда не видел Мелка таким потерянным, что еще больше подтверждает мою теорию.

– Мы одноклассники, – лопочет Катрин, бросая на меня умоляюще-жалобный взгляд.

– Ага, – протягиваю Тане руку, – пошли. Догоните, – оставляю их на разборки, а сам тяну Танюху в фойе, – как у тебя дела?

– Нормально. Думаю, куда буду поступать, вариантов не

мн…

Таня замолкает, пытаясь отойти в сторону, но не успевает, прежде чем в кто-то в нее влетает. Едва замечаю эти волосы, и гадать не приходится – Гольштейн. Собственной персоной.

Гера отступает, разжимая губы в немом «извини», но стоит ей только заметить меня, как ее потерянность и сожаление улетучиваются. Взгляд становится жестким. Убирает руку в карман, и полы ее шубы распахиваются, демонстрируя короткое, обтягивающее платье белого цвета. Она пристально смотрит мне в глаза, а я то и дело концентрирую внимание на ее впалых щеках. Она изменилась, лицо… она похожа на лягушонка, на мордашке которого остались одни глаза. Кривлю губы, непроизвольно, и только теперь замечаю мелькающего на заднем плане Павлика.

– Пришла подбодрить проигравшего? – смотрю на нее в упор, полностью игнорируя рвущегося в первые ряды Павлушу.

– Отвали, Шелест, – шипит Сомов, а вот Гера молчит.

Она с особым любопытством рассматривает Танюху. Мелкова сильнее сжимает мою руку. Ей не по себе. Она и так не в своей тарелке, а теперь еще и Гольштейн в своей шубе и с презрительным взглядом. Удавил бы стерву.

Заслоняю Таньку собой, что заставляет Геру посмотреть на меня. Ее губы изогнуты в гадливой улыбке, а глаза сочатся высокомерием.

– Ты куда-то спешила?

– Не-е-ет, – ухмыляется, ей нравится это спектакль. Ей нравится быть лучшей. Особенно на фоне кого-то, кто немного не дотягивает до тебя по внешности и баблу. – Я уже пришла, – говорит мне, но косится в сторону Мелковой, которой почти не видно из-за моей спины.

– Свали, Гера, – отодвигаю ее, но она сопротивляется, поэтому мне приходится ее поймать, когда Гольштейн начинает слегка вести вбок, – с*ка, Гера.

– Это твои подружки с*ки, а я нет, – шепчет в самое ухо.

– Не ревнуй, – проскальзываю рукой под ее шубу.

– Я? Тебя? С ума сошел? – смеется и быстро подбирается. – Руки убери, – чувствую ее напряжение, а также выпирающие на спине позвонки.

– Так быстро? Куда же делась вся твоя дерзость?

– Не трогай меня.

– Не сильно-то и хотелось.

Демонстративно поднимаю руки вверх. Отбитая напрочь. Сжимаю Танькину ладонь и быстро иду в зал. Иваныч и так всего на десять минут отпускал.

Глава 10

Герда.

Смотрю на уплывающую спину Шелеста не без интереса. Замарашка тащится за ним. Интересно, кто она? Девушка, подруга, родственница… хотя какое мне до этого дело? Никакого. У Шелеста характер такой, только дай повод рыцаря из себя построить. Ага.

Оборачиваюсь к Паше, ему сегодня нужна моя поддержка. Никогда не видела его таким. Почему он так волнуется? Это всего лишь спектакль. Закрадываются мысли, что он боится проиграть…

– Ты видела? Почти весь наш класс здесь. Кто их позвал? – оборачивается по сторонам.

– Может, сами нашли.

– Да, конечно. Ты сама в это веришь?

Пожимаю плечами.

– Это точно Макс – с*ка, как связался с этой тварью, стал таким же уродом.

– А тебе-то что? Ну, посмотрят и посмотрят, будто здесь произойдет что-то тебя компрометирующее.

– Нет. Просто Макс – предатель.

– Не обращай внимания.

– Ладно, я пошел в раздевалку.

– Давай, – Пашка склоняется ко мне, целуя. Я улыбаюсь,

а когда он уходит, вытираю губы салфеткой.

Сняв шубу, перекидываю ее через локоть, медленно бредя по шумному коридору, здесь не нужно заморачиваться и искать, куда идти. Иди за толпой и придешь в нужное место. Народу действительно много. Где-то в углу зала замечаю отца. Он разговаривает с какими-то мужчинами, наверное, из мэрии или префектуры. Папа лишь окидывает меня безразличным взглядом и быстро отворачивается. Поджимаю губы, совсем не зная, куда присесть. Мероприятие бесплатное, места не закреплены за каждым отдельным человеком, поэтому садиться нужно, куда успел.

Уже почти нахожу себе кресло, как кто-то дергает меня за руку.

– Герда, – Катька кидается ко мне с обнимашками, а я стою как вкопанная. С чего вдруг такой прилив нежности? – Я уже начала забывать, как ты выглядишь, – отходит на пару шагов назад, – ты так похудела. У тебя все хорошо? Как ты вообще?

– Нормально, – бегаю взглядом по залу, стараясь не смотреть Катьке в глаза, облизываю губы, растягивая их в нервной улыбке.

– Да? Тебя месяц не было. Он реально запер тебя дома из-за того, что ты написала тест хуже Шелеста?

– Катя, все нормально, – пытаюсь остудить ее пыл, – я немного приболела, поэтому пришлось учиться дома. Это никак не связано с оценкой за тест.

– Да? А я думала…

– Ты что? – смеюсь, а саму начинает потряхивать. – У меня была ангина, с осложнением, до сих пор долго говорить не могу.

– Ну, слава богу, точнее, выздоравливай, а я-то уже напридумывала…

– Ты уже где-то разместилась?

– Да. Там вон, с Сережей и Таней.

– С кем? – оборачиваюсь и замолкаю. Та замарашка – кто это?

– Это Сережа, мой парень бывший, ну помнишь, я рассказывала? Оказывается, они с Богданом знакомы. А Таня – это его сестра.

– Шелеста?

– Что? Не-е-ет, Сережи.

– М-м-м, и что им тут надо?

– Поболеть пришли, – смотрит на меня как на дуру.

– Точно, Шелест же тут тоже затесался, – хохочу, но, кажется, Катьке совсем не нравится моя издевка.

– Герда, я понимаю, что они не очень вписываются, но будь с ними полюбезней, что ли… не знаю, – заламывает пальцы, – они из детдома…

– Когда это ты стала такой проникновенной? Я вообще думала, что ты с Шелестом тр*хаешься. А теперь вдруг опять к бывшему любовь проснулась, да еще и в двойном количестве?!

– Знаешь что, ГЕРА, ну ты и с*ка, – стискивает зубы, – я всегда думала, что в тебе есть хоть что-то хорошее, но теперь окончательно понимаю, что ни хрена в тебе нет. Ты зацикленная на себе и своем статусе эгоистка.

Куликова разворачивается и, больше не говоря ни слова, уходит к своим новым друзьям. Ну и пусть катится. Сажусь в кресло, складывая руки на груди.

Начинается первый спарринг, но мне неинтересно. Я вообще не знаю, зачем я сюда пришла. Поддержать Сомова? Так он и так справится. Да и не просил он поддержки. Я просто хотела уже выйти из дома. Хотела увидеть еще хоть одно лицо кроме тех, что присутствуют в моем доме.

Очередной удар в гонг – и бой закончен. Закидываю ногу на ногу, не отрываясь от экрана планшета, лишь изредка кошусь взглядом на Куликову и этих двух. Сидят, улыбаются, о чем-то болтают. Прикусываю язык, чувствуя колики в животе. Голова словно наливается свинцом, а перед глазами то и дело проползают черные пятна. Медленно качаю головой, чтобы хоть немного унять это состояние.

За месяц сидения дома я ела раз в день, и то через силу. У меня была полная апатия к окружающему миру, но никто даже не обратил на это внимания. Мама лишь похвалила то, какими выразительными стали мои скулы и ключицы. Люба вздыхала и просила что-нибудь есть, но мне не хотелось. Все время, кроме занятий с многочисленными репетиторами, я лежала на кровати, рассматривая потолок своей комнаты.

Пашка иногда кидал сообщения в вотсап, но мне было лень даже поднять руку, чтобы ответить ему на пару сообщений. Из всех моих знакомых только Сомов за этот месяц что-то мне писал. Остальным не было никакого дела. Даже Куликова, вечно называющая нас подругами, молчала. Ей словно было все равно. Наверное, именно поэтому я так отреагировала на ее слова несколько минут назад. Мне стало обидно. Обидно, что она просит меня быть приветливой с незнакомыми для меня людьми, которые стали ей друзьями секунду назад. А мне, с кем она общается почти с младшей школы, даже ни разу не написала дурацкого сообщения за весь этот месяц.

Поднимаю голову, встречаясь с триумфальным взглядом Шелеста, возвышающегося на ринге, нервно тереблю кончики волос, и только потом понимаю, кто его противник. Пашка. Серьезно?

Блокирую планшет, укладывая его на колени. Наверное, морально я готовлюсь к длинной и кровопролитной драке, но Шелест минуты за три вырубает Сомова. Закрываю лицо руками, вот теперь понимая, чего так опасался Паша. Он знал, что так будет, у них ведь с утра была жеребьевка, он знал, с кем будет спарринговаться.

Знал и понимал, что проиграет. А сколько было пафоса. Сколько раз он говорил, что Шелест ему не соперник, что он ноль, и сколько времени так же думала и я. А теперь получается, что Шелест сделал нас обоих, причем публично. Хло-

паю в ладоши, поднимаясь с кресла. Бой окончен, и я одна стою в зале как дура, и аплодирую.

Отец пронзает меня гневным взглядом, но мне первый раз в жизни плевать. Ведь Шелест реально всех сделал. Гадский, мерзкий, противный Шелест выиграл. Терзаю его на куски в своих мыслях.

Пашка смотрит на меня с отвращением. А я улыбаюсь, как полное ничтожество. Мне кажется, или я на грани нервного срыва? В глазах опять появляются черные пятна, и я не задумываясь ухожу прочь из зала.

В туалете извращенно тщательно мою руки с мылом. Хочу хотя бы попытаться смыть с себя весь этот позор.

Интересно, а как Пашка будет оправдывать себя перед классом и моим отцом? Он ведь столько раз хвастался, какой он непобедимый… лгун. Хотя я не лучше, провалилась примерно так же публично, как и он.

Дверь туалета открывается, и к раковине подходит эта Таня. Расчесывает волосы, ополаскивая руки. Стараюсь на нее не смотреть, в сотый раз выдавливая жидкое мыло.

– У тебя все хорошо? – тихий голос перебивает шум воды.

– Да, – сквозь зубы.

– Просто я подумала…

– Чем? – рычу, откидывая волосы назад. – Тебе разве есть чем думать?

– Я просто хотела….

– Не надо. Не надо хотеть. Мне ничего не нужно от такой,

как ты. Чем ты можешь помочь МНЕ? – чуть ли не кидаюсь на нее, делая слишком резкий шаг в ее сторону.

Девчонка пятится, закрывая себя руками.

– Ты ненормальная, что ли? – истеричным голоском. Кажется, еще секунда – и она разрыдается.

– Пошла вон отсюда! – ору ей вслед, пока она выбегает за двери.

Тяжело дыша, упираюсь ладонями в раковину, чувствуя головокружение. Прикрываю глаза, а когда открываю, упираюсь взглядом в красные пятна крови на белоснежной эмали.

Из туалета выхожу на ватных ногах. Все кружится, и я почти не ощущаю под ногами пола. Останавливаюсь у окна. Пара минут – и все пройдет. Кончится. Главное – переждать. В животе скручивается узел из коликов и боли, от которой я готова закричать прямо здесь. Поджимаю губы, растирая лицо ладонями.

– Гера, – раздается совсем близко, поворачиваю голову, видя стоящего рядом со мной Шелеста. Он так же, как и я, опирается на подоконник. Руки убраны в карманы, а на лице целая гамма недовольства. – Давай свои претензии ты будешь высказывать мне.

О чем он вообще? Ничего не понимаю, и еле улавливаю суть происходящего. Свали, Шелест! Свали, и без тебя тошно.

– Не надо обижать моих друзей, ничем хорошим для те-

бя это не закончится, – продолжает, пока я пытаюсь понять, чего ему от меня нужно.

Неужели эта девка ему нажаловалась? О Боги!

– Отвали. Я делаю все, что хочу, – стараюсь улыбнуться, но совсем не знаю, насколько хорошо у меня это вышло.

– Да делай, всем пофиг. Только за языком следи.

– Что? Стало жаль малышку? Ну прости, что обидела твою подстилку.

– Закрой рот, – хватает меня за локоть и тащит за собой по коридору до лестницы в дальнем крыле, а потом с силой припечатывает к стене.

– Мне больно, – шиплю, пытаясь вырваться из его хватки, но у меня нет и единого шанса.

– Зачем ты это делаешь? – встряхивает меня, словно куклу. Он зол. Кажется, он реально зол.

Неужели я переборщила? Ну он же не бьет девочек? Я надеюсь…

– Делаю что? Я развлекаюсь, мне весело. Ясно тебе? Иду ва-банк, а что? Терять мне уже нечего.

– Более чем. Еще раз выкинешь подобное, не посмотрю, что девчонка.

– Ударишь? – смеюсь, вцепляюсь пальцами в ворот его свитера, делаю это не специально, просто от головокружения меня начинает вести, и я хватаюсь из инстинкта сохранения равновесия. – Давай, можешь прямо сейчас.

– Пошла ты, – выплевывает мне в лицо, нацепляя на лицо

гримасу отвращения. – Больная, – скидывает мои руки, отталкивая меня к стене.

Он смотрит на меня, словно я мусор, а мне становится дико смешно. Я хохочу, не прерывая визуальный контакт, и медленно съезжаю по стене на пол. В глазах мутнеет.

Шелест садится на корточки, протягивая ладонь к моей щеке.

– Ты чего? – кажется, он испугался.

– Ничего, – отворачиваюсь, мне не нужно, чтобы он видел мою уязвимость, один раз уже подобное было, больше такого не повторится, – уйди уже, – пытаюсь встать, но ноги не слушаются. – Меня от тебя тошнит, – зажимаю рот ладонью, прикрывая глаза.

В этот момент он поднимает меня на ноги, придерживая за плечи.

– Не трогай меня.

– Пойдем, у нас хороший врач. Даст тебе валерьяночки, – он еще и издевается.

– Я не пойду к врачу.

– Это было не предложение, – берет меня на руки. Совершенно не обращая внимания на все мои попытки сопротивляться.

– Поставь меня.

Отрицательно мотает головой.

– Теть Валь, у меня для вас тут работенка, – басит, стоит нам только зайти в кабинет врача.

– Богдан, сколько раз говорить? Валентина Михайловна я.

– Ага, – сажает меня на стул, – она чуть в обморок не грохнулась.

– Шубу снимай, деточка.

Поднимаю руки, а после опускаю обратно. Сил нет совсем. Прижимаюсь макушкой к холодной стене.

– Не могу.

Богдан помогает мне стащить шубу и уходит за дверь. Я же один на один остаюсь с этой женщиной.

Он ушел вместе с моей шубой. А вдруг он ее… Господи, что я несу, кому вообще нужна моя шуба. Провожу пальцами по лбу.

– Рассказывай, давно в обмороки падаешь? Слабость, тошнота, головокружение?

– Не знаю. Иногда бывает, – запинаюсь, – тошнит, круги темные перед глазами… но это не часто. Возрастное…

– Ты вообще кушаешь? – внимательно осматривает меня с ног до головы.

– Конечно.

– Что? Как часто?

– Что за глупый допрос?

– И все же.

– Фрукты, молоко, кофе, не знаю…

– Худеешь?

– Нет.

– А почему тогда так питаешься?

– Нет аппетита.

– Таблетки какие-нибудь принимаешь?

– Нет.

– С циклом все в порядке? Задержки?

– Бывают иногда. Но я читала, что это нормально.

– Понятно. Смотри, – берет листок, – я напишу тебе, какие нужно сдать анализы, а ты по их результатам сходишь к врачу, он выпишет тебе препараты. И старайся, пожалуйста, есть, даже если не хочется. Хотя бы понемногу. И не стоит это игнорировать, иначе все может закончиться очень печально.

Киваю.

– Вот и хорошо. Иди, и пусть лучше Богдан тебя проводит, мало ли что. Будет лучше, если тебе помогут добраться до дома.

Из кабинета выхожу по стеночке. Чувствую себя отвратительно. А если учитывать тот факт, что Шелест меня там ждет, и того хуже.

– Что сказали? – накидывает шубу на мои плечи.

– Если не буду есть, сдохну.

– Нормально. Тебя проводить?

– Не надо, я сама могу.

– Я вижу, – заключает меня в кольцо своих рук, даже через шубу я чувствую его твердую грудь. Становится жарко. Щеки начинают пылать.

– Богдан, – голос за спиной заставляет вздрогнуть, – я те-

бя ищу, – обладатель голоса подходит все ближе, а потом появляется уже перед глазами, – Герда? – удивленно.

– Здравствуйте, – изо всех сил пытаюсь отойти от Богдана подальше, но он лишь сильнее прижимает меня к себе.

– Я могу спросить, чем вы тут заняты?

– Мам Марин, к врачу ходили, все, бабушкой станешь, – серьезно выдает Шелест, а я готова упасть в обморок, чтобы всего этого не слышать.

Марина округляет глаза, приоткрывая рот. Наш завуч – его мать… никогда бы не подумала.

– Он врет, – пытаюсь как-то исправить эту бредовую ситуацию, – мне стало плохо, и он отвел меня к врачу.

– Балбес, – Марина Юрьевна растягивает губы в улыбке, – я же поверила почти.

– Я пойду, – стараюсь расцепить его пальцы, – мне пора.

– Может быть, сходим поедим? Я как раз за этим тебя и искала, – вмешивается завуч, – а потом проводишь Герду.

– Я только за. Поесть – это святое.

– А я против, – себе под нос.

– Пошли, – он все слышал.

Толкает меня вперед, отступая вбок и перехватывая мою ладонь.

Мы идем в ресторан правильного питания в конце улицы, потому что, как оказалось, Баженова очень строго следит за своим рационом.

Я иду с Шелестом за руку и не ощущаю смущения. У ме-

ня на эту тему есть определенный пунктик, с Сомовым мы не целуемся и не ходим за руки в общественных местах. Никогда. Не знаю, но я всегда от этих касаний чувствую себя неловко на людях. А сейчас просто иду, даже не задумываясь о подобном. Хотя, возможно, просто потому, что мне и без этого не слишком хорошо.

Пока идем, Богдан с Мариной разговаривают о бое. Она возмущается, что он устроил цирк и позволил сопернику нанести несколько незначительных ударов. Потом говорит, что никогда больше не будет мазать его синяки мазью, и что вообще этот спорт не для нее. Богдан обещает, что как только получит пояс чемпиона мира, то сразу выполнит эту ее просьбу и уйдет из спорта. Она улыбается и нежно касается его плеча. Под их разговоры мы подходим к ресторану, и Шелест открывает матери дверь. Они улыбаются друг другу, говорят так, словно они хорошие друзья, и от этого зрелища мне становится больно. Больно от понимания того, что со своими родителями я никогда не смогу вот так просто болтать, смеяться… никогда.

Улыбаюсь, чувствуя, что глаза застелило прозрачной пленкой слез. Присаживаюсь на диванчик, закрывая лицо меню.

– Богдан, ты что будешь?

– А тут разве есть что-то вкуснее того, что готовишь ты?

– Вот кого-кого, а повара из меня точно не делай, – Баженова улыбается, я слышу это в ее голосе.

– Мясо буду, пожирнее.

– Это ресторан правильного питания, а не шашлычная, – не могу удержаться от колкости, кладя меню на стол.

– Вот, я с тобой полностью согласна. Ты вообще говорил, что на сушке.

– Уже нет, – листает меню.

– Я не хочу есть, кофе, наверное, буду.

– Тебе вообще сказали: жрать не будешь – сдохнешь. Хомячь давай.

Этот выпад получается резковатым, и я теряю дар речи. Это вроде как и забота, а вроде как и хамство…

– Богдан! – Марина Юрьевна укоризненно смотрит на сына, а потом мило улыбается мне. – Попробуй вот этот суп, очень вкусно, сама не заметишь, как съешь.

Киваю, очень в этом, конечно, сомневаясь. Зачем я с ними пошла? Я Шелеста терпеть не могу, а его мать вообще наш завуч! Где были мои мозги? Задаюсь этим вопросом, но почему-то чувствую себя, вопреки всему, очень комфортно…

– Герда, как твое горло? Целый месяц пролежать дома с ангиной, не позавидуешь…

– Сама устала валяться на кровати. Уже все хорошо, – уголки губ подрагивают, словно пытаются выдать, что я лгу.

– Ты поэтому месяц прогуливала?

– Я болела вообще-то.

– Да одна фигня.

У Марины начинает звонить телефон, и она, забрав свою

сумку, выходит из-за стола.

– Наш завуч – твоя мама? – начинаю осторожно. – Просто говорили же…

– Она меня усыновила, – не переставая жевать.

– Я, наверное, пойду, – поднимаюсь, но Богдан перехватывает мое запястье и тянет обратно.

– Сядь ты уже! Я тебе должен, ты мне так хлопала, поэтому провожу, потом, – лыбится. – Сделал я вас, да? По всем фронтам.

– Нет, – опуская глаза, но он так это спрашивает, не знаю, по-доброму, без издевки… и я улыбаюсь. Смотрю в поверхность стола и улыбаюсь.

– Да, – более настойчиво.

– Отвали, Шелест.

– Вот как конструктивный диалог, так сразу «отвали, Шелест». Другие слова знаешь?

– Нет, – смеюсь, сталкиваясь с ним взглядом, – не знаю, – склоняю голову вбок, и отчего-то мне становится так легко. Словно что-то изменилось, сейчас, вот в эту секунду. В миг, когда я смотрю в его глаза. И вижу в них свое отражение.

– Дай свой телефон.

– Зачем?

– У меня же такого нет, дай.

– Ладно, – протягиваю свой айфон.

Он что-то набирает, а потом возвращает его мне обратно.

– Что ты сделал?

– Увидишь.

Глава 11

Гера.

Домой я приезжаю к пяти. После обеда в ресторанчике Богдан провожает меня до машины и молча уходит. Всю дорогу я копаюсь в своем телефоне, совсем не понимая, зачем он его брал. Ничего же не поменялось.

В комнату поднимаюсь, загадочно улыбаясь. Мама смотрит на меня как на дуру, а я не могу ничего с собой поделать. Отец не приходит домой к ужину, что очень меня радует. Я кушаю с Любой на кухне, рассказывая о том, как проиграл Сомов, и совсем чуть-чуть говорю о Богдане. Не знаю, с чего вообще начинаю о нем разговор, но и промолчать не получается. У меня медленно складывается впечатление, что с каждой секундой в моей голове становится чуть больше Шелеста.

Заваливаюсь на кровать, а сама тайком вспоминаю сегодняшний день. Шелест перед глазами. И не денешься от него никуда. Совсем. Под боком начинает пищать телефон, и я отвечаю на звонок, даже не смотря, кто мне звонит.

– Шелеста можно поздравить с разводом очередной дуры? – злобно шипит Сомов, и я подскакиваю с кровати.

– Ты о чем? – облизываю губы, затаив дыхание.

– Не прикидывайся, я все видел. Этот урод сажал тебя в тачку. Не хочешь объясниться, любимая?!

– Если бы ты был рядом, а не сидел там и жалел себя из-за проигрыша, то знал бы, что мне стало плохо и я чуть не упала в обморок. А Шелест помог мне дойти до машины. И, заметь, я даже словом не обмолвилась о том, что это должен был сделать ты! – парирую в его же манере.

– Ты могла бы позвонить охраннику. Но уж точно не идти с этой тварью.

– Я людей не различала, какое звонить охраннику? – делаю безумно возмущенный голос, а сама даже не понимаю, когда я начала выгораживать Богдана. И вообще, когда он стал Богданом, а не Шелестом?

– А эти твои аплодисменты, ты зачем из меня идиота сделала?

– Из тебя? Да я себя такой сделала, почти при всех признала, что он меня уделал. На тестах меня уделал, и парня моего, которого я восхваляю, тоже сделал.

– Это мы еще посмотрим. Я это так не оставлю. Ладно, – выдыхает последнюю каплю злости, – давай сделаем вид, что этого всего не было. Ты завтра придешь в школу?

– Приду.

– Тогда до завтра.

– Ага, – скидываю звонок, засовывая айфон подальше в ящик.

Зачем я это делаю? Не знаю. Знаю только одно – разговаривать я ни с кем не хочу. Совсем. И Сомова я видеть тоже не хочу, меня от него тошнит. Вот вроде и плохого мне он

ничего не делал, и прихоти все выполняет и в рот заглядывает, и бегает за мной, словно на поводок привязанный… но бесит. Рвотные позывы от него начинаются. А сейчас так вообще. Сколько можно? Зачем он позвонил? Права свои заявить? Унизить? Жизни в очередной раз поучить? Так и без него учителей хоть отбавляй, каждый второй…

В дверь комнаты стучат, и я, как по струнке, вытягиваю спину, сидя на кровати. Мама просовывает в комнату голову.

– К тебе можно?

– Да, – улыбаюсь, – заходи.

Она проходит внутрь, присаживаясь на край кровати. Улыбается и долго рассматривает мое лицо. Сглатываю, потому что знаю, что будет дальше. Теперь я наизусть знаю, чем для меня может обернуться ее притворство. В детстве она вот так же приходила в мою спальню, улыбалась, расспрашивала о друзьях (которых у меня не было, и она об этом знала)… теребила в руках мои игрушки, а потом, с несчастным, почти заплаканным лицом просила, чтобы я пошла к отцу и умоляла его не уезжать в командировку. Тогда она мотивировала меня тем, что если я не пойду сейчас, то он уедет и больше никогда к нам не вернется. В те моменты улыбка на ее лице превращалась в пластиковую маску. Она нервно сжимала кулаки и стискивала зубы, чтобы не проявить агрессии, но у нее никогда не получалось держаться до конца. В конце она кричала, что отец бросит нас, что он уйдет, и в этом буду виновата я. Что отец разлюбит меня. Она кричала, кричала,

а я плакала, смотря на ее искажающееся от ненависти и слез лицо, и шагала к папе.

Плакала в его кабинете, умоляя не уезжать, и он оставался. Я мысленно благодарила его за это. Ведь в те моменты, когда он все же уезжал, она, словно обезумевшая, носилась по дому, таская меня за собой, параллельно приговаривая, что я никчемна и отец уехал, потому что не любит меня…

Именно в те моменты я четко осознавала одно: чтобы папа не ушел, я должна быть самой лучшей. Лучшей во всем. Именно тогда, в возрасте пяти лет, я знала только то, что, если я не буду самой-самой, папа не будет меня любить. И я становилась той самой-самой. Ходила на все-все занятия, училась, занималась с репетиторами и почти не играла в игрушки. Мне было некогда. Иначе папа меня бросит!

Со временем я перестала потакать матери в ее просьбах, но так и не перестала бояться отца. И если раньше я боялась, что он уйдет, то теперь молилась, чтобы он подольше не приходил. Ведь все мои старания для него вышли боком для меня. С моих пяти лет он начал хвастаться перед всевозможными знакомыми и друзьями, какая у него умная дочь. Говорил, что мне не до игрушек… а потом начал требовать все большего. Одного иностранного языка в шесть лет стало мало, и меня отдали еще на два. Актерское мастерство было прекрасно, но стоило заняться и музыкой, потому что у Соболевых дочь играет на рояле. А вот у Андресов сын в старшей школе начал изучать высшую математику, и меня в ту

же секунду отправляли к очередному репетитору.

Отец оттачивал во мне знания, используя железный кнут. Он скупился на пряники. Его методы дрессировки, как по щелчку, приносили свои плоды. У меня не было никого, кроме книжек. Ни друзей, ни родителей, только я и новые знания. Начальные классы я отучилась, как и все, в лицее, потом было четыре года домашнего обучения, после которого я стала дикой и нелюдимой. Я просто не знала, о чем можно говорить со сверстниками, да и будут ли они со мной говорить, тоже не знала. За каждую провинность, каждое противоречие отец наказывал меня учебой. Чем меньше я хотела его слушать, тем больше меня нагружали, впихивая в еще более узкие рамки. Лишали свободы, сажая под домашний арест. Физически меня никогда не наказывали. Не били. Но весь тот моральный прессинг, который я переживала изо дня в день… лучше бы меня били.

Обратно в лицей меня вернули в девятом классе по настоянию психолога. Родители периодически шатались по различным курсам и терапиям, на один из которых прихватили и меня. Как результат, первого сентября я стояла на линейке рядом с ребятами из моего нового-старого класса и очень хотела найти друзей. Только вот и здесь меня ждало жестокое разочарование. Последний раз я видела их всех, когда нам было по десять. И все мы были другими людьми. В классе меня не приняли. Я им не понравилась, потому что много знала и не велась на стадный принцип. Потом многие начали

приплетать ко всему и мою семью, в тот момент отец как раз попал в думу. Родителям моих одноклассников, живущих с нами в одном поселке, этот факт тоже не нравился, а чем недовольны родители, о том, конечно же, болтают их дети. Так, после месяца учебы я была готова вернуться на домашнее обучение, но не могла. Не могла показать свою слабость перед отцом. Да и перед всем этим стадом тоже.

Леди не плачут, они лишь выше поднимают голову и делают вид, что им это не интересно! И я делала вид, что мне плевать. Понадобилось немного времени, чтобы из забитого мышонка стать для всех холодной зазнавшейся стервой, которая считает себя лучше других и не хочет ни с кем общаться. Вот такая трактовка отношений мне нравилась. Нравилась настолько, что я сама полностью в нее поверила…

– Доченька, – мама коснулась моей ладони, вырывая из воспоминаний.

– Что?

– Позвони отцу.

– Зачем?

– Герда, – удивленно возмущается, – время – ночь уже, а его нет. Спроси, он приедет ночевать? – слегка поторапливает свои же слова, горя нетерпением.

– Я забыла телефон у Сомова, – вру, потому что не хочу звонить отцу.

– Как можно быть такой пустоголовой! – раздраженно мотает головой. – За что мне это все, Господи? – касается паль-

цами лба. Строя из себя жертву.

– Прости, – шепчу.

– Ну вот зачем мне эти твои извинения? А? Зачем? Никакого же толку нет. Я хоть кому-нибудь в этом доме нужна? – встает с кровати, направляясь за дверь.

Вот и пусть уходит. Отец все равно вернется к завтраку, всегда возвращается.

***

Первый день в лицее после месячного отсутствия кажется нескончаемым. Первые два урока тянутся целую вечность. На большой перемене забираюсь на подоконник в коридоре подальше от столовой, куда табуном рванула основная масса учащихся. Листаю Пашкины сообщения, где он мне скидывал домашку, и ловлю себя на мысли, что одно из сообщений я, кажется, упустила. Спрыгиваю вниз.

Черт, как я так могла? Отец убьет меня, если мне поставят двойку. Ну как я могла забыть про эти дурацкие задания? Открываю учебник, вчитываясь в задачу. Ересь. Ничего не понятно. Кладу на подоконник тетрадь, вырисовывая график, но это лишь жалкая попытка отсрочить свою смерть. Цифры не складываются, а график, конечно же, не строится. Убираю волосы с лица, чувствуя, как краснеют щеки.

– Герда, ты в столовку идешь? – Паша обнимает меня за талию.

– Нет, – нервничаю, и от этого движения получаются рваными, убираю с себя его руки, изворачиваясь от поцелуев в

шею.

– Малышка, ты чего?

– Ничего, – повышаю голос, – ничего, – уже спокойнее. – Просто не сделала домашку.

– Ты из-за этого так паришься? Забей! Нафига тебе вообще учиться? Ты со своим папаней в любой вуз поступишь. И медаль получишь.

– Паша, – выдыхаю, оборачиваясь к нему, – я же тебе говорила, что мой отец добился всего своим трудом, и он не поощряет такое отношение к учебе.

– Да это он тебя запугивает просто. Мой тоже так раньше делал, а теперь понял…

– Паша! – вскипаю, потому что он ничего не понял, впрочем, как и сотню предыдущих раз до этого. – Я не пойду в столовую. Мне нужно сделать задание.

– Ладно, – обиженно, – решай свои задачки. Видимо, они тебе важнее меня, – он уходит, а я тру ладонью лоб.

Ну почему он не понимает, почему думает, что все, что я ему говорю, бред? Почему? Чувствую себя виноватой. Но он, конечно, никогда об этом не узнает. Он, как и всегда, придет извиняться, и я его прощу. Мама женит нас с самой первой встречи, по крайней мере, так было еще в том году, в этом же мой отец не слишком жалует Сомовых, и мама поубавила свой пыл. Не знаю, почему у папы так изменилось мнение, но ему не нужно много причин, даже больше, иногда ему достаточно самой крохи. Крохи, которая для других не то что

ничего не будет значить, они ее даже не заметят, а мой отец устроит на этот счет целую лекцию, а после навсегда выкинет этого человека из списка людей, имеющих право быть в нашей жизни.

Раздосадовано смотрю на исчирканную тетрадь, сползая по стенке на пол. Притянув колени к груди, склоняю голову – мне нужна передышка.

– Помочь? – раздается совсем близко. Вздрагиваю. Прямо передо мной на корточках сидит Шелест.

– Нет, – вскакиваю, – без тебя обойдусь.

– Да ладно, – садится на подоконник и нагло берет мою тетрадь, – да я смотрю, ты в графиках вообще не шаришь, – берет ручку.

– Не трогай, – но он уже что-то пишет, а я замираю с протянутой в воздухе рукой.

– Смотри, тут все просто, – поворачивается ко мне, слегка нахмурено смотря на мою руку, а после беспардонно опускает ее вниз, – иди сюда, – машет ладошкой, – вот, – тыкает пальцем в тетрадь, – тут считаешь, а дальше вот так, – вырисовывает линию, зажимая между зубов колпачок от ручки.

– А здесь? – вырывается само по себе, но я ведь не хочу ничего спрашивать, и разговаривать с ним тоже не хочу. Он побил Пашку в первый же день, как только появился, потом опозорил меня перед всеми, выставив зазнавшейся дурой, при том, что тест написать нормально она не может. А вчера опять отправил Сомова прилюдно в нокаут, позаботившись,

чтобы это видело как можно больше народу, и все это никак не набрасывает ему очков. Только вот вчера, как и месяц-два назад, он помог мне, не говоря ни слова. Помог, потому что просто такой человек. Хороший человек.

Сжимаю пальцы в кулаки, опуская глаза.

– Здесь так же почти, – пишет формулу, а я придвигаюсь ближе. Наши плечи соприкасаются, и от этого мне становится дурно. Не понимаю, почему так реагирую, но в этот момент мне кажется, что еще немного – и я намеренно дотронусь до его русых и слегка взъерошенных волос. От этой мысли залипаю на его шевелюре, совершенно переставая слушать то, что он говорит. – Поняла?

Его голос приводит меня в чувство, и я отхожу в сторону.

– Да, – киваю.

– Ты чего красная?

– Что? – трогаю щеки и, кажется, краснею еще больше. – Жарко, – пожимаю плечами, – спасибо, – аккуратно забираю протягиваемую им тетрадь, стараясь не коснуться его пальцев.

– Обращайся, – улыбаюсь, но моя улыбка быстро гаснет, – только смотри, чтоб рыцарь твой не расплакался, как узнает, что я тебе задачки решаю.

– Пошел ты, Шелест! Я тебя не просила, – с остервенением заталкиваю все в сумку, собираясь уйти, а лучше убежать. Но кто-то в этом мире, кажется, против. Ручка сумки рвется, и та с шумом падает на пол.

Богдан так и сидит на подоконнике. На лице красуется улыбочка, его сильно забавляет вся эта ситуация, а я ползаю по полу. Пытаясь подобрать все, что разлетелось из открытой сумки.

– Наверное, пойду я, – слезает с подоконника, а я замираю, поднимая на него глаза, – а то ты так себе тут шею свернешь, пока от меня убегаешь.

Он уходит. Вальяжная походка, руки в карманах брюк, как всегда, выправленная рубашка, расстегнутый пиджак, не затянутый до конца галстук… он один так носит школьную форму, чем сильно выделяется, но ему, кажется, до этого совершенно нет дела.

Блин, ну почему я стояла как истукан, а потом и вовсе повела себя как последняя дура? Можно же было о чем-нибудь поговорить. Только о чем? У нас разве есть общие темы?.. Наверное, нет. Чувствую, как губ касается печальная улыбка. Я ему завидую, правда. Он может делать, что хочет, выглядеть, как хочет, говорить, что хочет. А я, я вечный заложник рамок и обстоятельств. Стискивая сумку, шагаю в класс. Не время сейчас плакаться, да и не место.

У дверей меня догоняет Пашка. Собственнически закидывает руку мне на плечо, почти затаскивая в класс. Народу еще немного, но из всех присутствующих в глаза сразу бросается Богдан, о чем-то разговаривающий с Максом. Опускаю взгляд и сажусь за парту.

Сомов усаживается к себе на последний ряд, а я сижу в

ожидании, когда рядом присядет Шелест. Он садится, только когда в класс заходит Александра Васильевна. Она, как и всегда, обводит аудиторию строжайшим взглядом и чуть дольше остальных смотрит на меня. Потом чему-то кивает и начинает опрос домашнего задания. Выбор того, кто будет отвечать, падает на меня. Я плетусь к доске, сжимая тетрадь в руке, и переписываю на доску решение задачи. Она спрашивает меня о ходе решения. Заставляя разложить его по полочкам, потом докапывается до парочки определений и, поставив «отлично», возвращает меня за парту.

Сажусь на стул, украдкой смотря на Богдана, он занят какими-то своими делами в телефоне. С кем-то переписывается, улыбается. Интересно, с кем он общается, неужели с той девчонкой?.. Поджимаю губы.

– Ты на уроке вообще-то, – шепчу, приподымая бровь.

– Ты в блюстители морали заделалась? – даже не смотрит в мою сторону, пялясь в экран.

– Если ты думаешь, что, написав тест лучше всех, стал каким-то особенным, то…

– Да мне вообще плевать, кто и как его написал. Успокойся уже. И свое самолюбие утихомирь. Всем по*уй, одна ты только никак успокоиться не можешь с этими тестами.

– Я… – теряю дар речи. Как он может так говорить? Это важно. Все это очень важно!

– Ты, ты, – поворачивается, убирая телефон. – Гертруда, ну хочешь, я следующий специально хуже тебя напишу, чтоб

ты больше так не переживала, а?

Что он вообще такое говорит? Он предлагает мне уступку. Типа я такая тупая, и он меня пожалеет. Снизойдет и напишет хуже… это… это просто омерзительно. За кого он меня принимает?

– Ты… мне… мне не нужны твои подачки. У тебя все это вышло случайно, ясно? Случайно, – повышаю голос, привлекая внимание, а потом утыкаюсь в учебник и сижу так до конца урока.

Этот так и тыкается в своем телефоне, с кем-то переписываясь. И плевать. Меня это вообще не касается. Плевать мне на него и его шлюх. Да, стискиваю зубы от обиды, закрывая волосами пылающие щеки.

Глава 12

Богдан.

– Богдан, ну как ты? Все хорошо? Вы уже приехали?

Закидываю сумку на плечо, придерживая дверь ногой.

– Да, полчаса назад.

– Ну, слава богу, а то я уже тут себе напридумывала.

– Я вот только заселяюсь.

– Ну, не буду мешать. Вечером позвони, пожалуйста.

– Конечно позвоню, мам. Пока.

– Пока, милый.

Марина скидывает вызов, а я наконец-то попадаю в свой номер. Ну мой он только на одну третью. Скоро сюда ввалятся еще два раздолбая, с которыми мы будем здесь жить весь период первенства.

Через десять дней после показушных боев я стоял на ж/д вокзале и ждал тренера, как пасхального кролика. Мозг отчетливо понимал, что вот-вот настанет первый этап первенства ММА среди юниоров, где все будет зависеть только от меня.

Кидаю сумку на кровать и минут на десять зависаю в душе. Взъерошив мокрые волосы рукой, быстро надеваю спортики и спускаюсь на первый этаж. Иваныч дал команду сбора в пять. Сейчас без пятнадцати.

Иду вниз, ловя себя на мысли, что последние дни нахо-

жусь в дичайшем напряжении, мозг рвет на части, и местами я не понимаю, что происходит. Нервы на пределе, волнение зашкаливает, и это при всей внешней и внутренней собранности. Я еще не участвовал в боях такого масштаба. Первенство мира… это не 12-6 в висок и не тупое махание ногами перед стадом орущих идиотов.

Убираю руки в карманы, замечая подходящего Иваныча.

– Здорово, – жмет руку, – почти все в сборе.

– Ага.

– Тогда ждем оставшихся, и в зал. Расскажу, к чему готовиться морально, ну и физнагрузку никто не отменял.

В зале падаю на лежащий у стены мат.

– Итак, первый бой, который откроет первенство, состоится уже послезавтра. Завтра нас с вами ждет взвешивание. Надеюсь, все соблюдают режим и влезут в свою весовую категорию? – хищный взгляд касается каждого, заставляя безропотно кивнуть. – Отлично. Завтра сразу после взвешивания пятикилометровая пробежка и спарринги в зале.

– Георгий Иванович, я разговаривал с курскими, так вот, они за день до боя будут без нагрузок.

– Сорокин, можешь хоть сейчас смело примкнуть к курским, открыто заявить мне, что я не компетентен, или же закрыть рот и идти отжиматься.

Сорокин чешет отжиматься, а перед моими глазами отчетливо встает картина его борзоты в поезде. Мы ехали почти двое суток. И эти поездки всегда заканчиваются мордо-

боем. Кто-то где-то кого-то всегда выстегнет. И дело тут не в личной неприязни или же каких-то разборках, нет. Всему виной, мать его, замкнутое пространство и скапливающаяся в башке дурь. Каждый из присутствующих едет за победой. Для каждого соревнование – это возможность победы и шанс на перспективное будущее. Именно поэтому просто невозможно куда-то деться от этих потасовок. Мы все приятели до определенного момента, до момента, пока не выходим один на один, друг против друга. Вот там, в тот момент, мы уже не друзья, мы даже не знакомые. Мы соперники. Само собой, после финального удара гонга последуют объятия, и кто-то даже искренне порадуется победе соперника, что, конечно, редкость, при наличии даже самой крепкой дружбы. Но именно в момент боя мы чужие люди, готовые побеждать. Крушить. Ломать…

Спорт – это жестокость. Это закалка силы и духа. Здесь нет места слабым. Выживает сильнейший. Меньше эмоций, меньше потерь.

Два дня в поезде дали каждому возможность проявить себя. Сорока вывалил все свое дерьмо из себя еще там. Здесь, походу, продолжил начатое. Грозный встретил нас приветливо, а вот как проводит… Каждый выберет для себя сам.

Беру в руки скакалку. Триста – четыреста прыжков вместо разминки.

Вечером после трени набираю маму Марину. Она отвечает раза с третьего.

– Прости, за рулем была.

– Понятно, – закидываю ногу на ногу, вытягиваясь в кровати.

– Как настроение перед завтрашним взвешиванием?

– Нормально. Режим я соблюдаю, поэтому можно не париться.

– Георгий Иванович билеты обратно купил уже?

– Да. Седьмого приезжаем обратно.

– Это выходной, а потом восьмое… ну, хоть отдохнешь.

– Ага. А ты куда ездила?

– Со старым знакомым встречалась.

– Ухажер?

– Нет, – смеется, – однокурсник.

– Обсуждали методики преподавания?

– Он не преподает. Точнее, ни дня не преподавал, стал бизнесменом.

– Лихие девяностые?

– Богдан, что за предвзятость? Он законопослушный человек, очень серьезный, между прочим.

– Не знаю, какой он там бизнесмен. Но ты точно крутая училка.

– Еще бы. Как у Герды дела?

– А я должен знать?

– Я думаю, да.

– Это почему?

– Разве она тебе не нравится?

– Я не настроен сейчас обсуждать эту тему.

– Ну ладно, – слышу ее смех, – поговорим, когда настроишься.

– Все, спать я.

– Не дуйся, – все с тем же смехом.

– И не собирался.

– Спокойной ночи.

– Спокойной!

***

Герда.

Перед тем как лечь спать, иду в душ. Ополоснувшись, заматываю волосы полотенцем и забираюсь в кровать. Хлопаю в ладоши, чтобы погасить свет, беру с тумбочки айфон.

Снимаю блокировку и ощущаю, как сердце медленно ползет в пятки. Затаив дыхание, открываю сообщение:

"Гера, ты живая?)"

Это Шелест! Откуда у него мой номер? Точно, он же брал мой телефон. Что ему ответить? Зачем он написал?

Чувствую, как краснеют щеки и потеют ладони. Вдыхаю побольше воздуха, слыша громкое сердцебиение. Всю последнюю неделю я постоянно о нем думала. Он не появлялся в школе уже три дня, и хоть многие и пытались приписать его исчезновение Сомову, Макс быстро развеял эти слухи, давая всем понять, что Шелест на соревнованиях. Этот факт меня обрадовал, ну то, что Богдан еще вернется.

Только вот я была больше чем уверена, что разговаривать со мной он не будет… собеседник из меня, как оказалось, прямо-таки не очень. Он был прав – кажется, кроме учебы, меня действительно больше ничего не интересует. Я скучная и совершенно не интересная.

Зачем он написал?

Это может что-то значить, или же я просто надумываю себе… не понимаю. Но ярко чувствую тепло, разливающееся по телу.

"Шелест, не дождешься. Даже если я умру, то буду приходить к тебе в кошмарах".

Набираю после десятиминутной паузы. А сама завороженно смотрю на экран. Ответ приходит быстро.

"Окай. Но лучше в реале, здесь тебя можно потрогать)"

"Это флирт?"

"Это факт!"

Улыбаюсь, быстро набирая ответ:

"У меня есть парень!"

"Есть ли? Что-то не видел"

"Плохое зрение?"

"Не жалуюсь"

"А мне кажется, пора проверить"

"Мне тоже кажется, что тебе пора проверить наличие своего парня"

"Я про зрение вообще-то"

"А я нет. В обморок больше не падала?"

"Нет. Тебя не было, никто бы не поймал"

Отправляю быстрее, чем понимаю, что я написала. Закрываю глаза. Господи, как стыдно. А вдруг он подумает, что я навязываюсь?..

"Молодец, Умка, правильно мыслишь"

Нужно срочно перевести тему.

"Я не Умка) Как твои дела?"

"Нормально. Послезавтра бой. Как твои?"

"Неплохо. Десятого будет еще один тест. Победы тебе"

Блин, зачем я опять про эти тесты?.. Дура.

"Спасибо. Приеду, посоревнуемся!"

"Конечно, и не думай, что в этот раз будешь лучше меня!"

"Конечно, нет, я поддамся. Красивым девочкам надо уступать)"

"Не смей так делать!"

"Я подумаю) Спокойной ночи, Герда!"

"Спокойной ночи, Шелест"

Блокирую телефон, откидываясь на подушку. Сердце грохочет как бешеное, я часто дышу, испытывая какое-то невероятно сумасшедшее чувство. Утыкаюсь лицом в подушку, а потом снова переворачиваюсь на спину. Открываю список контактов и сохраняю номер под именем «Богдан».

***

Богдан.

Закидываю руки за голову, с силой вжимаясь в подушку. Не знаю, какого меня дернуло ей написать… но после Мари-

ниных слов я ворочался с боку на бок, ощущая под ладонями хрупкие Герины плечи. Мне понадобилось полчаса, чтобы окончательно убедиться в том, что если я с ней не пообщаюсь, то вряд ли вообще сегодня усну.

Да и Макс сволочь, еще с утра написал, что Гольштейн прилюдно по*ралась с Сомовым. Я бы был не я, упусти такую возможность…

Кем бы Гера ни прикидывалась, но она гораздо интересней и ранимей, чем хочет казаться. В ней есть что-то крышесносное, неуловимое, присущее только ей. При всей своей дерзости и маниакальном помешательстве на учебе Гольштейн интересна как личность, и как девушка тоже…

Не знаю, что творится в ее жизни, но то, как она себя ведет, а в особенности то, как часто ей становится х*рово, очень ясно дает понять, что родоки у нее с огромной такой придурью. Потому что я, который с пяти лет прожил в детдоме и только недавно нашел Марину, прекрасно понимаю одно: Баженова бы подняла на уши полгорода, если бы только заметила у меня проявление каких-то нездоровых признаков типа постоянных кровотечений.

Под биток в наушниках и раздумья погружаюсь в мир Морфея. Осталось пережить завтрашний день в очередном ожидании, а дальше все пойдет как по маслу. По крайней мере, в своей победе я уверен на все сто.

Плющу рожу часов до семи. Контрольное взвешивание назначено на восемь. Не понимаю, из каких соображений

они все делают в такую рань, впрочем, никогда не был жаворонком, и всегда делаю над собой усилие, чтобы не проспать.

Сажусь на кровать, Игорь уже тусуется на балконе, заморозив всю комнату.

– Лето? – тру лицо ладонями.

– О, ты проснулся, утро доброе.

– Холодное.

– Да ладно тебе, быстрее очухаешься.

– Умиляюсь твоей заботе, – топаю в душ.

На взвешивании я просто влетаю в свою категорию, а потом, как умалишенный, наматываю круги на стадионе под Элвиса. Сразу предупреждаю, музыкальные предпочтения у меня, мягко говоря, не самые стандартные.

Часов в шесть Иваныч проводит спарринги, после которых основная масса зависает в состоянии «ни жив, ни мертв». В номер поднимаюсь с желанием провалиться в долгий сон. Вымотанный, но предельно сосредоточенный на завтрашнем бое. Жеребьевка будет завтра в восемь утра.

Завожу будильник, а телефон начинает резво верещать у меня в руках. Входящий от Катюхи.

– Здорово, ты абонентом там не ошиблась?

– Блин, Богдан! Привет. Слушай, у Сережи скоро др, и я хотела устроить праздник. Как ты думаешь, ему понравится?

– Думаю, не очень.

– Почему?

– Сама подумай.

– Ну я же с хорошими намерениями, и мой папа дал согласие, и вообще очень хочет познакомиться с Мелковым.

– Ты мне-то тогда нафиг звонишь?

– Посоветоваться.

– Куликова, ты то ко мне в штаны лезешь, то посоветоваться хочешь, притом насчет моего же друга.

– И что? У нас с тобой ничего не было, Шелест! И только попробуй сказать ему иначе. А раз у нас ничего не было, то мы друзья.

– Еб*ря, – чуть тише.

– Богдан!

– А че? Ладно, мути движуху. А я Серегу уговорю сильно не выпендриваться и не строить из себя целку.

– Блин, Шелест, ты иногда такой гадский бываешь.

– Ха-ха-ха, Катюша.

– А, еще спросить хотела, Гольштейн на вечеринку для тебя звать?

– Куликова, ты там башкой не билась?

– А что? Все уже говорят, даже ставки делают, когда ты Снежную королеву оприходуешь, – ржет как идиотка. Хотя почему как?

– И какое соотношение?

– Пять к одному.

– В чью пользу?

– В твою, конечно. Гера хоть и принцесска, но, походу, реально на тебя запала.

– Это почему?

– Да ты видел, как она на тебя смотрит в последнее время? И с Сомовым поругалась, прилюдно, кстати, впервые за все время. И вас видели вместе… в общем, у меня все сходится, и я на сто процентов уверена, что она уже по уши. Ты только это… не обижай ее сильно.

– Радеешь за подругу?

– Ну, она мне такая же подруга, как и всей школе.

– Поцапались, что ли?

– Не твое дело. Пошла она, строит из себя…

– Все, Катрин, тормози. Мне дальше вообще не интересно.

– Ладно. Ну ты с Сережей поговоришь?

– Поговорю.

– Спасибо. А Герду звать?

– Нет

– Поняла, – с удивлением, – пока.

– Ага.

Утро почти не задерживается в голове. Знаю лишь то, что шестой по жребию. Число дьявола. Значит, точно должен выиграть.

Бой начинается с ударной. Мой противник машет ногами аки Рембо, и я никак не могу уловить момент, чтобы перевести все в клинч и провести коронный удушающий. Мы скачем по рингу, как мартышки, не нанося друг другу серьезного урона. Эти кошки-мышки начинают подбешивать. Удар

гонга приходится кстати. Я должен его подловить. Он должен открыться.

Вновь гонг и новый раунд.

Сейчас или никогда. Захват, slam, мы внизу, удар с правой. Болевой, Neck crank. Пять, четыре, три, два, один…

Чувствую удар ладони рефери по моему плечу, разжимаю захват. Поднимаюсь на ноги, чувствуя металлический привкус крови на губах.

Это был нелегкий бой. Но именно моя рука сейчас триумфально поднята вверх. Моя.

В голове шумит, но это ненадолго. Еще несколько минут – и все пройдет. Вдыхаю. Но это новый, совершенно другой вдох. Это вдох победителя.

Глава 13

Герда.

– Герда, я не думаю, что это хорошая идея, – в трубке слышится женский смех, отец прокашливается, – но если твоя мать не против, то можешь идти.

Папа, не прощаясь, скидывает вызов, а я направляюсь к маме. Она как раз уже должна была распорядиться подать ей машину в аэропорт.

– Аккуратнее, – нервно трет виски, – что за безрукость? – оборачивается в мою сторону: – О, Герда, ты не передумала? Может быть, полетишь со мной и тетей Валей?

– Не, – качаю головой, – я хотела тебя предупредить, что у нас в школе будет небольшая вечеринка, по этому поводу и я…

– Иди, конечно, пока твоего полоумного папаши здесь нет. А то ты со своими учебниками скоро свихнешься, – поправляет шляпку. – С Пашей идешь?

– С Катей, – вру, потому что с Сомовым мы поругались. А с Куликовой хоть и не мирились, но от нее не убудет.

– А что так?

– Он приедет позже.

– Ладно. Я улетела, хорошо отдохнуть, – целует в щеку и забирается в машину.

Проводив мать взглядом и дождавшись, когда ворота за-

кроются, возвращаюсь в дом. Не знаю, что меня побудило решиться вылезти из дома, но мой мозг находится в ярком предвкушении сегодняшнего вечера. Ну и то, что родители уехали на ближайшие пять дней из страны, добавляет еще больше радости.

– Люб, – захожу в кухню, – на меня ужин можешь не готовить, я уеду вечером.

– Хорошо. Расскажешь куда?

– Ага, – усаживаюсь на стул, – спасибо, – сжимаю в ладонях протягиваемую Любавой чашку с чаем, – в школе будет вечеринка.

– А домой-то хоть вернешься?

Пожимаю плечами, засовывая в рот конфету.

– Ох, если Бронислав…

– Он ничего не узнает, – улыбаюсь как дура, медленно слезая со стула, – я пошла к себе собираться.

Блин, распахиваю шкаф, понимая, что выбрать подходящую шмотку будет проблемой. Юбка? Может, действительно кожаную юбку? А что? Кожаная юбка цвета марсала, сине-голубая рубашка, замшевые ботфорты… по-моему неплохо. И еще можно волосы выпрямить, а то эти волны уже бесят.

Достаю утюжок, захватывая пальцами прядь, полчаса – и готово. С замиранием сердца смотрю на себя в зеркало. Я попрусь туда одна. Зачем? Сомов мне так и не позвонил, после того как мы поругались с ним два дня назад после школы. Он

начал первым, нес какую-то чушь про Шелеста, опять озвучивал свои идиотские планы, а я ляпнула, что у него все равно ничего не выйдет. За долю секунды я стала врагом народа номер один. Мне были приписаны всевозможные бл*дские похождения, и, конечно же, Богдан стал верхушкой айсберга. Сомов слишком остро воспринял тот момент, когда Шелест посадил меня в мою же машину после боя. Паша пропитался этим моментом, и если тогда я смогла сгладить все острые углы, то на этот раз меня ждал провал.

Ладно, возможно, это все не так уже и плохо. Просто развеюсь. Посмотрю на народ. Именно так и сделаю. С этой мыслью я вылетела из дома, с ней же перешагнула порог школы, где наткнулась на полнейший бедлам. Актовый зал, в котором грохочет музыка, куча народа, дергающегося, словно душевнобольные, и ни одного препода на горизонте.

Конечно, никто не пил здесь в открытую. Но стоило зайти в туалет, как я моментально столкнулась с целой очередью желающих упороться.

– Гера! – Куликова перехватывает мою руку у самой двери. Еще секунда – и я бы спокойно вышла.

– Чего тебе?

– Дуешься все, да?

– Мне нет до тебя никакого дела.

– Ну-ну. Как тебе вечеринка? Тухляк, скажи?! Еще полчаса – и мы все едем ко мне. Ты с нами?

– Точно нет, – закатываю глаза, выдергиваю руку.

– Уверена?

– Более чем, – разворачиваюсь, все-таки намереваясь выйти.

– А Сомов едет, только почему-то с Соколовой, – улыбается, слышу по ее голосу. – Гера, неужели он тебя бросил? Неужели кто-то вытер ноги о нашу королеву? – летит мне вдогонку.

Стискиваю зубы, резко разворачиваясь в Катькину сторону. Не знаю, что мной движет, не понимаю, как так получается… но я набрасываюсь на нее с кулаками, а потом и вовсе вываливаюсь вместе с ней за дверь. Слышу только вопли и рвущийся треск ниток на Катькином платье. Куликова что-то хрипит, а я целенаправленно расцарапываю ее лицо.

Так и хочется вмазать по ее гадской физиономии, что я и намереваюсь сделать. Замахиваюсь, чувствуя чей-то захват. Меня стаскивают с рыдающей Катьки, вокруг нее собирается толпа, а я, как заядлая преступница, ухожу оттуда под шумок. Поднимаюсь на третий этаж, и только там, в туалете, привожу себя в порядок. И зачем только выпрямляла волосы? Опять сплошные завитушки. Несколько раз натираю руки мылом, ополаскиваю лицо, поправляю рубашку, юбку. Смотрю на себя в зеркало и до сих пор не понимаю, что это только что со мной было.

Дверь в туалет открывается, оборачиваюсь, лицезря невысокую брюнетку в темно-синем платье с бутылкой рома в руках.

– Не помешаю? – хлюпает красным носом.

Отрицательно качаю головой.

– Я Вика.

– Герда.

– Я знаю. Тебя все знают.

– Лучше бы не знали, – облизываю губы, понимая, что хочу этого больше всего на свете. Хочу быть обычной… хочу обычную семью, где люди любят друг друга, хочу школу, где будут обычные ребята… хочу хотя бы шанс, чтобы быть собой. Собой настоящей.

– Будешь? – трясет бутылку.

– Давай.

Вика отворачивает пробку, протягивая мне напиток.

– Стаканчиков нет, как и закуски.

– Пофиг, – делаю глоток из горлышка, обжигающая жидкость прокатывается по горлу, заставляя морщиться.

– Не пошло, да? – Вика морщится вместе со мной.

– Нормально, – делаю еще пару глотков и возвращаю ей бутылку. – Возможно, вопрос идиотский, но у тебя все в порядке?

– Ну, если не считать того, что мой парень на моих глазах чуть ли не переспал с другой в туалете, то, думаю, все не так плохо, – смеется, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Все просто прекрасно, – хохочу, – поверь, это даже к лучшему, не нужен он тебе такой.

– Хотелось бы мне твоей уверенности. Сомов так не сде-

лает.

– Уже сделал, – пожимаю плечами, – и знаешь что?

– Что?

– Мне пофиг. Мне настолько плевать, что я не знаю, хорошо это или плохо…

– Может быть, просто у тебя на примете есть кто-то другой?

Задумываюсь, растягивая губы в улыбке. Возможно, и есть. Но вслух я этого не произнесу. Нет. Никогда. Ни за что.

Смотрю на Вику и понимаю, что раньше действительно ее даже не замечала. Она учится в параллельном классе. Ее родители около года назад переехали в Москву из Омска, отец – бизнесмен среднего звена. Она здесь не за его деньги, а благодаря своим мозгам. Похвально.

Мы разговариваем ни о чем. Смеемся. Обмениваемся номерами. Допиваем ром до донышка и с переизбытком радости почти вываливаемся из дверей уборной.

Пока спускаемся вниз, ржем, рассказывая друг другу какие-то дурацкие истории. На первом этаже я облокачиваюсь на стеночку в актовом зале. Вика облизывает губы, что-то рассматривая.

– Герда, – тянет за руку, – пойдем.

– Куда?

– Туда, – стреляет глазами в стоящих на другой стороне зала Макса и Богдана.

– Я не знаю… – ступаю назад.

– Пойдем. Мне одной как-то не по себе.

– Ладно, – киваю, а сама смотрю на маячащего Шелеста. Он о чем-то говорит с Максом.

– Отлично, – хлопает в ладоши и, потянув меня вперед, несется прямо к ним, – мальчики, привет.

Максимка расплывается в улыбке.

– Привет, – пробегает по Вике оценивающим взглядом, – Максим, – с улыбкой.

– Вика… Виктория, – пожимает протягиваемую им руку.

Я прикрываю рот ладонью, чтобы никто не увидел мою улыбку. Выглядит это знакомство ну уж очень смешно.

– Герда, – внимание доходит и до меня.

– Ага, она самая, – делаю серьезное лицо, замечая ухмылку Богдана.

– Девчушки, мы собираемся отсюда сваливать, вы с нами?

Вика смотрит на меня. Будто просит принять решение за двоих.

– Куда сваливать?

– Так ко мне, ты ж знаешь, я свободный человек, живу один, – ржет.

Смотрю на Богдана украдкой, но он не реагирует. Ноль эмоций. Стоит так, словно меня не видит. Будто меня здесь нет, или же я пустое место. Сволочь. Опускаю глаза, чувствуя легкую тошноту. Ром в таком количестве, кажется, был лишним.

– Максон, я на улице, – Богдан хлопает Макса по плечу

и уходит.

Вика кокетничает, забыв про меня, а я готова рвать на себе волосы.

Быстро иду за Шелестом, попутно набирая своему водителю. Отпускаю того. Он что-то мямлит, но я сегодня в ударе, поэтому никак не могу избежать парочки колких упоминаний о его косяках, ставших для нас с ним маленькой тайной, о которой, если узнает папа, случится неминуемое.

– Тебя не учили здороваться?

Говорю громко, чтобы услышал. Шелест стоит метрах в трехстах от меня. Быстро пересекаю это расстояние.

– Чего?

– Ты со мной не поздоровался, – морщу нос.

– Привет.

Он там совсем, что ли?! Что за хамство? Я тут хожу за ним по всей школе, а он… Хотя, а зачем я за ним пошла?

– Я смотрю, у тебя хорошее настроение.

Из дверей школы вываливается целая толпа, а в моей голове сразу назревает вопрос: зачем я отпустила водителя? О чем думала?

– Герда, – Вика с силой сжимает мои плечи, останавливаясь за спиной, – ты же едешь? Едешь? – с улыбкой.

– Да. Водителя сейчас вызову.

– Гольштейн, нафиг? Поехали на моей.

Замираю с телефоном в руке.

– А Шелест тоже едет?

– Ага.

– Тогда я вызову водителя.

– Как знаешь.

Макс утаскивает за собой Вику, а я продолжаю тыкать по экрану до того момента, пока кто-то бесшумно не подкрадывается сзади. Чувствую чужое присутствие и резко оборачиваюсь. Не успеваю и пикнуть, как Богдан закидывает меня на плечо.

– Поставь, ты больной. Шелест, поставь меня на место.

– Тихо, Гера, спокойно.

– Богдан, поставь. Поставь, у меня юбка задралась, – ору, чувствуя невероятный прилив адреналина, – пожалуйста.

– Да ладно, – опускает меня на землю, – пожалуйста? – скептически приподымает бровь.

– Ты идиот, – хлюпаю носом, – дурак, – толкаю его в грудь и быстрее пули залетаю в лимузин. Плюхаюсь на сидение, понимая, что попала на какую-то оргию.

Зачем я вообще сегодня вышла из дома? Голова становится тяжелой. В машине безумно душно и отвратительно воняет алкоголем и сигаретами. Утыкаюсь носом в шарф, чтобы хоть немного перебить эту вонь. Сиденье рядом проминается. Поворачиваюсь и вижу перед собой какого-то отвратительного типа. Глаза красные, волосы взъерошены, от него несет так, что хочется высунуться в окно.

– Малышка, – кладет руку мне на колено, – поиграем?

Скидываю его руку, а саму начинает потряхивать. Пыта-

юсь высмотреть Вику или Макса, но из-за целующейся впереди парочки мне совершенно ничего не видно. Впрочем, меня тоже никто не видит. Я сижу в углу. Этот тип сейчас может вырубить меня, а потом… потом…

Вновь чувствую гадкие прикосновения.

– Убери от меня руку, слышишь? – голос дрожит, но я изо всех сил стараюсь выглядеть воинственной.

Блин, ну где там Шелест? Где его носит, когда он мне так нужен? Стискиваю зубы, продолжая отвергать поползновения этого маньяка. Поначалу он воспринимает мои отказы как игру, но, кажется, ему это быстро надоедает.

С адской болью он стискивает мое запястье, как раз в тот момент, когда музыка становится еще громче. Я перестаю слышать себя. Кричу, но не слышу. Его мерзкие лапы задирают на мне юбку, зажмуриваюсь на долю секунды, чувствуя, как его захват слабеет.

Открываю глаза, в салоне начинается потасовка. Зажимаюсь в самый угол, с опаской наблюдая за происходящим.

Музыка не становится тише, но, кажется, даже сквозь нее я слышу негодование Богдана. Он что-то говорит Максу, тот кивает. Того недоноска оставляют в ближайшем сугробе, куда, по всей видимости, его выкинул Шелест. Дверь в лимузин закрывается, и машина трогается с места.

Кутаюсь в шарф, отворачиваясь к окну. Ужасно хочется домой. Со мной ни разу не происходило подобного. Я никогда не ездила на вечеринки одна, рядом всегда был Сомов,

ну или это был дом Куликовой, где я всех знала…

Сидение рядом вновь проминается. Не оборачиваюсь. Знаю, что это Богдан. Чувствую. Я сижу полубоком, поэтому не задумываясь двигаюсь ближе к нему, прижимаясь спиной к его груди. Шелест обвивает меня руками, заключая их в замок в области моего живота. Мы молчим. Он ничего не говорит, лишь спустя несколько минут разжимает пальцы, стискивая ими мою ладонь.

Я сижу тихо, все эти прикосновения меня пугают и успокаивают одновременно.

– Ты как? – в самое ухо.

Киваю, не могу сказать и слова. Стоит только разомкнуть губы, и я разрыдаюсь.

В особняк мы приезжаем минут через двадцать. К тому времени я успеваю прийти в себя. Богдан молча помогает мне вылезти из машины, а я, вцепившись в его руку, иду за ним следом.

Все за считанные секунды разбредаются по дому, из которого почти сразу начинает орать музыка. Мы замираем на огромном мраморном крыльце, наблюдая, как Вика носится по саду от хозяина дома с диким визгом и смехом. Улыбаюсь.

– Детский сад, – Шелест кривит лицо.

Сдерживаю смех. Он-то точно не детский сад.

Алкоголь настолько сильно въелся в мою кровь, что меня до сих пор пошатывает. Хотя кому я вру, я еле различаю происходящее. Все кажется каким-то далеким и нереальным.

Мы медленно заходим в дом, музыка оглушает. Инцидент в машине слишком сильно на меня подействовал. Мне нужно отвлечься.

– Потанцуем? – хватаю его за руку, растягивая губы в улыбке.

Богдан стоит на месте, и все мои рывки кажутся бесполезными. Его не сдвинуть.

– Боже, Шелест, ну чего ты такой скучный?! – надуваю губы, а самой хочется закатить глаза от своего же идиотизма.

Алкоголь во мне творит что-то невообразимое. Я смотрю на Богдана и понимаю, что мне до коликов в животе хочется с ним поговорить. Просто, ни о чем. Хочется его присутствия. Меня тянет к нему. Все это, конечно, напрямую связано с тем, что я пьяна, но…

– Гольштейн, пить вредно, – усмехается, но с места двигается.

– Я чуть-чуть, – на этих словах я спотыкаюсь, начиная падать. Шелест крепко сжимает мою талию, тем самым удерживая на месте.

– Оно и видно.

– Потанцуем?

– Я как-то не по танцам, – смеется и понижает голос, – вот если рожу кому надо набить, вот тут обращайся.

Мы стоим посреди комнаты и, кажется, приковываем к себе абсолютно все взгляды в этом доме. Еще днем я бы сошла с ума, скажи мне кто подобное. А сейчас я стою в объяти-

ях Шелеста, улыбаюсь и чувствую себя самой счастливой на свете.

Богдан внимательно вглядывается в мое лицо, и я в секунду становлюсь пунцового цвета. Опускаю глаза, совсем не знаю, что делать, говорить, как реагировать…

– Гера, Гера, – его пальцы сильнее впиваются в мою талию, – а как же Павлик?

– Нет больше Павлика.

– Ты наконец откусила ему башку? – приподымает бровь, растягивая губы в самодовольной улыбочке.

– Нет. Зато подпортила лицо твоей Катюше.

– Она не моя.

– Да что ты? – фыркаю, пытаясь оттолкнуть его от себя. Волшебство момента тает, и я чувствую себя разбитой.

При упоминании о Куликовой перед глазами встает картинка их с Шелестом «дружбы». Становится обидно. Обидно за себя и за то, что он с ней был.

Шелест касается моих волос, а я ловлю себя на мысли, что нравлюсь ему. Боже, а с чего я это взяла? Когда начала думать, что небезразлична ему? За что мне все это, почему я не могу отпустить ситуацию? Подумаешь, спас. Да он бы любой помог. Сто процентов помог бы. Просто стечение обстоятельств, и нечего придумывать себе небылицы. Я просто глупая. Очень глупая.

– Не ревнуй.

– Что? Я? Тебя? Да не смеши! Больно надо, ты мне без-

разли…

Его ладони обхватывают мое лицо. Богдан смотрит прямо в глаза. Сантиметр – и его губы коснутся моих. В горле пересыхает, и я окончательно теряю дар речи. Во мне борются два желания: оттолкнуть его или же поцеловать. Здесь. Сейчас. При всех.

– Ты так смотришь, будто хочешь, чтобы я тебя поцеловал… – издевается. Его мерзкая улыбочка говорит только об этом.

– Не льсти себе, – парирую, а самой хочется расплакаться, – все, меня ждут, – толкаю его в грудь ладонью и ухожу в глубь дома.

Шелест не останавливает. Даже не смотрит вслед, а почти сразу исчезает в другом направлении.

Уже на кухне беру из бара бутылку шампанского и, усевшись за стол, наполняю бокал. В груди ломит. Мое сердце трещит по швам, из глаз вот-вот выступят слезы, но я зажмуриваюсь, делая очередной глоток. Газированный напиток медленно стекает в желудок, заставляя тот урчать. Кажется, последний раз я ела в обед. Плевать. Какая разница, сколько я ем и как себя чувствую, если до этого все равно никому нет дела?

Слышу звонкий девичий смех и на автомате заливаю в себя еще несколько глотков. Хочется отключиться. Я никогда не напивалась раньше. Выпивала, но всегда знала меру. У меня не было отходняка, «вертолетов», головной боли, на ко-

торые так часто жаловалась Куликова после очередного загула. Нет, все это мне совсем не знакомо.

А сегодня я всеми фибрами души хотела лишь одного – забыться. Расслабиться, не думая о том, кто и что скажет. Не боясь отца. Не выслушивая очередные нотации матери. Не думать о том, как гадко поступил Сомов. Его похождения – не трагедия века, нет. Я не ревную. Я уязвлена. Мое самолюбие желает отмщения.

Но больше всего хочется забыть случившееся в лимузине. Если бы Шелест не пришел, я боюсь представить, чем бы это закончилось.

Достаю телефон чтобы позвонить придурку Сомову, но вовремя себя останавливаю. Пальцы сами открывают переписку с Богданом. Перечитываю ее в сотый раз и начинаю рыдать. Плачу, почти не различаю букв, и не могу остановиться. Делаю еще несколько глотков, и тело становится абсолютно ватным. Передо мной расстилается совсем нечеткая картинка, и все, что я запоминаю, прежде чем окончательно отъехать, это поднимающий меня на руки Шелест.

Глава 14

Богдан.

Поднимаю Геру на руки, вынося в уже ждущее во дворе такси. Кидаю на заднее сидение.

Макс пожимает руку, одаривая кривой усмешкой. Я готов дать голову на отсечение, что знаю, о чем он думает. Очередной примитивчик из области: «потом расскажешь, как она». Скучно. Никаких новых мыслей.

– Слушай, – оглядывается по сторонам, – тут такое дело… спорчик один вышел. Катюха затеяла, думаю, тебе стоит быть в курсе. Если в двух словах, то это касается Гольштейн.

– Я в курсе, в общих чертах. Куликова – идиотка, – закатываю глаза, – что с нее взять.

– Это да… только как бы это потом тебе не прилетело. Как я понимаю, все серьезно?

– Забей. Сам разберусь.

Сажусь в тачку, а Максон быстро линяет в дом.

Из такси Гера выходит сама. Придерживаю ее, чтобы не разбила себе башку, а сам ищу в джинсах ключи.

Тихо открываю дверь, чтобы не разбудить Ма. Но с пьяной Герой это невозможно. Она почти сразу что-то роняет. Когда Марина включает свет, я понимаю, что это была подставка для зонтов. Щурюсь от яркого света, стараясь поднять эту

штуку и одновременно удержать Геру.

Мама подходит ближе, помогая с подставкой. Упирает руки в боки, внимательно нас осматривая. Она слегка в шоке, но еще не поняла, какую реакцию выдать.

– Богдан? Это что такое? Она пьяная?

– Мама Марина, выключай училку, мы же дома. Мне ее бросить надо было, что ли?

– Ладно, в комнату давайте.

Чтобы Гера ничего не сбила своим пьянющим тельцем, поднимаю ее на руки. Тащу в комнату.

– Я себе тогда на полу постелю, – уже на лестнице.

– Богдан, – слегка протянуто, – ты спишь в гостиной сегодня, – мама качает головой, растягивая губы в красивой, но ехидной улыбке.

– Че эт?

– В гостиной, Богдан!

– Ладно-ладно.

Уже в комнате кидаю Гольштейн на кровать. Она что-то мямлит, корчит рожицы. Я лишь со стороны наблюдаю, опираясь плечом о дверной косяк. А Гера тем временем упорно пытается встать с кровати. Пошатываясь, выпрямляется, начиная расстегивать рубашку.

А вот это уже становится интересно. Плюхаюсь на кровать в полулежачее положение, ноги же остаются на полу. Закинув руки за голову, с насмешкой смотрю на это шоу.

Гера тем временем стягивает юбку.

– Гера, ты зачем трусы-то напялила? Что в них, что без, – комментирую, смотря на прозрачный белый материал и тонкую полоску сзади.

– Я Герда, – впивается в меня колюченьким, но таким забавным взглядом, а потом падает рядом, – Шелест, давай поцелуемся, – закидывает на меня свои ноги.

– Не, – задумчиво, – я с алкоголичками не целуюсь, – ржу над ее вытянувшейся мордашкой.

– Вот за это я тебя и люблю, – улыбается.

– За то, что с алкоголичками не целуюсь? – сжимаю ее протянутую ладонь.

– За то, что в трусы ко мне не лезешь, – вытягивает ноги, и теперь мы оба находимся в полулежачем состоянии, тесно прижимаясь друг к другу боками.

– Гера, ты только скажи, я двумя руками «за», – делаю серьезное лицо. Гера же хохочет, толкая меня локтем в бок.

– Я Герда, Шелест, Герда, – протягивает последние буквы.

– Ты Герда Шелест? Звучит.

– Что? – зависает, а потом хитро улыбается. – Не дождешься.

– Спи давай, Герда, – встаю с кровати.

– Богдан, – оборачиваюсь, – спокойной ночи, – улыбается, морща носик.

– Спокойной, – закрываю дверь и сбегаю вниз по лестнице.

Мама что-то ваяет на кухне. Поэтому совершенно не слы-

шит, как я захожу и сажусь за стол.

– Богдан, – вздрагивает, оборачиваясь, – напугал же.

– Прости.

– Все, спать уложил?

– Ага.

– Герда же Гольштейн, если не ошибаюсь…

– Угу, – делаю глоток холодного чая, оставшегося в моей кружке еще с утра.

– Что это она так? – мама кивает в сторону гостиной.

– Дела сердечные.

– А ты, я смотрю, в плюшевые жилетки записался.

– В сопливчики, – улыбаюсь.

– Все-таки она тебе нравится, да?

– Крышу сносит.

– Ты учись давай, крышесносный.

– У меня с этим все норм.

– Посмотрим-посмотрим, – мама облокачивается на столешницу, складывая руки на груди, – ты там аккуратнее. Отец у нее, конечно…

– Что?

– Муд… козлик еще тот, а, казалось бы, такая семья приличная.

– А кто у нее батя?

– Ой, политик. Так что не лезь туда, мы для них черное пятно на их белом флаге. Кстати, Георгий Иванович сегодня звонил, полчаса мне дифирамбы о тебе пел, да и в школе все

учителя тобой довольны. Говорят, какой у вас сын, Марина Юрьевна, головастый, даже про драку твою позабыли. В первый же день, между прочим, – окидывает строгим взглядом.

– Мамулечек, я тебе уже говорил, что больше такого не повторится.

– И я надеюсь, что это не просто слова, сынок.

Поднимаюсь из-за стола, целуя мать в щеку.

К черту все, заваливаюсь на уже разобранный диван, накрываясь одеялом с головой. На кухне еще слышится шум. Работает стиралка. Но мне плевать. Я вымотан до предела. Хочу одного: спать. Просто спать. Веки тяжелеют. Выныриваю я под утро. Полседьмого утра.

Разлепляю глаза, противясь солнечному свету. Сто отжиманий, двадцать кругов вокруг дома, холодный душ, и я готов спасти этот унылый мир. Поднимаюсь наверх.

– Гольштейн, поднимай жопулю с кровати, – стучу в дверь, бесцеремонно проходя внутрь.

Гера подтягивает одеяло к груди.

– Перегарищем-то несет, – распахиваю окно, стаскивая с нее одеяло.

– Шелест, ты изверг, – шепчет, касаясь ладонью лба, – еще и маньяк.

– Да че я там не видел?! Бухать надо меньше.

Гера краснеет, еще немного – и ее миленькая головка лопнет, орошая всю комнату кровью и мозгами. Кидаюсь в нее своей футболкой.

– Иди в душ, а то выглядишь… полотенце, – кладу рядом.

– Ты… ты… – бесится, – сволочь ты, Шелест, – опускает ноги на ковер. – Где ванная?

– Вниз и направо.

Гера шагает к двери, а потом замирает.

– А Марина Юрьевна?..

– Ее нет уже. Так что краснеть еще больше не придется.

Гольштейн прикрывает глаза, а после выскакивает за дверь. Заправляю кровать и иду на кухню. Не мешало бы пожрать. Щелкаю кнопку чайника и достаю из холодильника сваренную вчера пшенку. Пару минут в микроволновке – и завтрак готов.

Достаю тарелку, отчетливо слыша копошение. Выхожу в прихожую, где застаю Гольштейн. Она ищет свою верхнюю одежду.

– Решила свалить по-английски? – в ответ тишина. – И даже спасибо не скажешь?

– За что? – впивается обиженным взглядом.

– За то, что я не бросил тебя в доме Макса пьяную… и тебя никто не от*мел.

– Не сравнивай меня со своими ш*юхами.

Ясно. Слова здесь бесполезны.

– Завтракать будешь? Кашу, – зачем-то добавляю и смотрю на Гольштейн, как баран.

Она кивает, медленно проходя мимо меня на кухню. Иду за ней и достаю еще одну тарелку.

Мы едим молча. Точнее, я ем. Гера ковыряется ложкой в тарелке, не поднимая глаз. Иногда роняет прибор, быстро сжимая его пальцами.

– Почему ты мне постоянно помогаешь? – бормочет себе под нос, но я отчетливо слышу, что она говорит.

– А разве это плохо?

– Наверное, нет. Спасибо, – поднимает глаза, – извини меня. За все, – уже громче, – я никогда столько не пила, просто Сомов, Катька и этот придурок в машине, а я… я не знаю, – откладывает ложку в сторону, – я… – поднимается из-за стола, замирая у окна.

– Забей. Переживать из-за г*вна, оно тебе надо?

Отрицательно мотает головой.

Отчетливо понимаю, что вот именно в этом вся Гера. Хочет казаться заядлой сволочью, а сама… одуван.

Подхожу, останавливаясь за ее спиной. Между нами пара сантиметров. Четко чувствую тепло ее тела. Гера стоит как гипсовая, ее выдают лишь еле ощутимые вдохи.

– Пойдем.

– Куда? – оборачивается.

– Бокс любишь?

– Нет.

– Отлично, пошли, – хватаю ее за руку и тащу обратно в комнату.

– Какой бокс? Что происходит? Ты ненормальный, – морщится, шагая по лестницам.

– Ага, – пропускаю вперед, – садись на диван.

Сам вытаскиваю из шкафа джойстики и PSP. Включаю телек, быстренько все подсоединяя.

Кидаю джойстики на диван.

– Мы будем играть? Серьезно? Мне и так плохо. Тошнит.

– Ща таблетку принесу. А ты как думала? Сколько выпила-то?

Быстро спускаюсь вниз, прихватывая аптечку.

– Так сколько?

– Не знаю. Бутылку шампанского и чуть-чуть рома.

– Ну-ну, – сажусь на пол рядом с диваном, – смотри, там все просто. Вперед. Назад, уклоняешься, бьешь, лево, право, ну, по ходу разберешься.

– Я не буду в это играть.

– Конечно, не будешь. Я даже знаю почему.

– И почему же?

– Боишься, что я тебя сделаю, – уверен, это точно должно подействовать. Герде надо отвлечься. Лежать трупом не варик, а вот заняться какой-нибудь фигней, самое то.

– Что? – кидает в меня подушку. – Еще посмотрим, – сползает с дивана, усаживаясь рядом. – Где там бить, ты говорил?

– Здесь, – повторно рассказываю о кнопках, только теперь уже в режиме игры.

– Ага. Ну держись, Богдаша, – хохочет, ойкает и хватается за голову.

Запускаю игру.

Часа через два мне нехило так прилетает этим самым джойстиком чуть ли не по башке. Гера не умеет проигрывать.

– Двенадцать раз, – чуть не плача, – двенадцать раз. Ты изверг, ты мухлевал. И вообще, мне плохо. Я тут умираю, а ты издеваешься.

– Интересно как? – ржу над ее мордашкой.

– Не знаю. Но это было нечестно.

– Я тут выявил одну закономерность.

– Какую? – задирает нос.

– Если ты вторая, то первое место кому-то всегда досталось случайно.

– Знаешь что, – хватает подушку, ударяя меня по плечу, – ты гадский. Ты… ты…

Ржу, отбивая удары.

– Прекрати, – через смех.

– И, – удар, – не, – удар, – по, – удар, – думаю, – еще один удар.

Наивняк. Отбираю у нее подушку, хватая за руку. Попалась. Гера смеется. У нее заразительный смех. Пятится назад и, врезавшись в кровать, падает сверху.

– Не трогай меня, – ржет, откатываясь дальше, – Богдан.

Кидаю в нее подушкой, Гера визжит и почти складывается пополам от смеха. Наступаю.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо, Богдан, – успокаивается, выставляя ладонь вперед, усаживаясь на край кровати.

Сажусь рядом.

– Отошла?

– Угу.

Гера облизывает губы и поворачивается в мою сторону. Очень близко. Сам до конца не понимаю, но уже целую ее. Крепко стискивая ее изящное тело. Касаюсь ладонью шеи, прерывая поцелуй, вижу, как расширяются ее зрачки. Губы слегка приоткрываются. Вновь накрываю их поцелуем.

Обвивает руками мою шею, прижимаясь еще ближе. Сейчас главное – не переборщить. А то знаю я себя.

Герда отстраняется первая. Тяжело дышит. Между нами по-прежнему пара сантиметров. Она продолжает обнимать и прижиматься ко мне, как, впрочем, и я. Щеки краснеют. Смущается, но взгляд не отрывает.

– Богдан, ты очень хороший, – опускает глаза, – но все это… я не знаю…

– Да не парься, – давлю улыбку, а самому ни х*ра не смешно, – все норм.

Смотрит прямо в глаза, гадина, всю душу уже выжрала.

– Я, наверное, поеду домой, – совсем тихо.

– Вызову тебе такси.

– Спасибо.

Выхожу из комнаты. Не сказать, что я сильно расстроен, но осадочек подбешивает. Вызываю такси и в течение пятнадцати минут отправляю Геру домой. Хреновая была идея притащить ее к себе, хотя… если мыслить глобально, анали-

зировать ее реакции… то Катюша была права – Гера по уши. Хоть и выпендривается. Остается вопрос за малым, насколько во все это влип я?!

Только выпроваживаю Геру, как дома появляется Ма.

– Ты чего такой веселый? – интересуется крайне осторожно.

– Нормально все.

– Герда уже уехала?

– Уехала-уехала.

– Как я понимаю, она имеет прямое отношение к нашему настроению. Да?

– Не исключено. Слушай, пойдем кофе попьем.

– Пошли, конечно.

Наливаю в кружки кофе, усаживаясь за стол напротив Марины.

– Поделишься, что произошло?

– Не люблю девчонок себе на уме.

Ма смеется.

– Поругались?

– Не сошлись во мнениях, скажем.

– Богдан, я не хочу читать нотаций, – отставляет чашку.

У Марины немного напряженное лицо, будто она подбирает слова. Боится обидеть?

– Я тебе еще вчера сказала, что у нее очень специфичные родители. Все это… то, что происходит между вами… это никогда не будет серьезным. И дело тут даже не в Герде. Ей

не дадут выбирать самой, понимаешь?

– Каждый сам вправе решать за себя.

– Сынок, – протяжно, уголки губ ползут вверх, – ты слишком все идеализируешь. У тебя либо черное, либо белое. Но так не бывает. Часто мы зависим от обстоятельств, окружающих нас людей… я думаю, что Герда очень сильно зависит от того, что происходит вокруг нее. От людей, влияния, положения…

– То есть, я ей не пара, правильно понимаю?

– Разве я сказала именно это?

– Нет, – качаю головой, я прекрасно понял, что Ма имеет в виду. Понял, но признавать мне этого не хочется.

– Не обижайся.

– А на тебя-то за что?

– За слова.

– Глупости. Знаешь, обстоятельства обстоятельствами, но все всегда можно изменить. Если сильно чего-то хотеть и прилагать для этого усилия.

– Дай бог, – улыбается. Но я чувствую, что она переживает.

Мы еще долго сидим на кухне, болтаем о ерунде. Марина рассказывает об университетах, придирается с выбором специальности… а я, как помешанный болванчик, думаю о Гольштейн. Этот несчастный поцелуй снес мне крышу окончательно. Раздражаю сам себя и того нюню, в которого я превращаюсь. В голове шумит навязчивая мысль – она будет со

мной, чего бы мне это ни стоило. Мне не впервой добиваться того, чего, казалось бы, мне вовек не видать.

Глава 15

Герда.

Трусиха. Черт! Черт!

Я обязательно завтра с ним поговорю, все объясню. Скажу, что просто перенервничала. Что после алкоголя и приставаний того типа у меня был стресс. Не знаю… что-то придумаю.

Морщусь, чувствуя тошноту. Голова уже не болит, но общее состояние можно смело назвать «вареная муха». Прикрывая глаза, заворачиваюсь в плед. Сознание быстро рисует наш поцелуй, тело покрывается мурашками, а сердце замирает. Хочется кричать. С лица не сходит улыбка. Все это было так неожиданно, как в фильме. Перекатываюсь на другой бок, поджимая ноги. Волнение нарастает. А вдруг этот поцелуй был забавой с его стороны? Вдруг он играет? Если это так, то я поступила правильно, решив уехать.

Но самое страшное другое – меня видела наш завуч. Его мать видела меня пьяную. Я даже что-то уронила. Так стыдно мне еще не было. То, что с утра ее не оказалось дома, было просто великолепно. Иначе я бы умерла там со стыда.

Утром без энтузиазма собираюсь в школу. Родителей до сих пор нет, и это немного радует. Надеваю шубу и выхожу во двор. Машина уже ждет. Водитель открывает двери, и я юркаю внутрь. По дороге смотрю в окно. Погода постепен-

но меняется. Весна медленно вступает в свои права. Солнца становится все больше. На парковке замечаю Вику, машу ей рукой. Прижав к себе сумку, иду ей навстречу.

– Привет, – улыбаюсь.

– Привет, рада видеть тебя в хорошем настроении.

– О, это уже сегодня. Вчера мне было не так прекрасно.

– Очень тебя понимаю. Слушай, – медлит, – а правда, что ты уехала с Шелестом?

– Да.

– И?

– Ничего.

– Серьезно?

– А что должно было быть?

– Ну не знаю, просто на этот счет о нем не самое лучшее мнение гуляет. И я переживала за тебя.

– Все хорошо. Я переночевала одна в его комнате, а на следующий день мы почти до вечера играли в приставку, – воодушевленно улыбаюсь, – но все не так гладко. Его мать видела меня в таком состоянии.

– Да ладно, с кем не бывает, – пожимает плечами.

– Его мать – наш завуч.

Вика округляет глаза, вертя головой.

– Серьезно?

– Ага.

– Блин. Да, я бы тоже, наверное, со стыда сгорела. И что? Что она сказала?

– Ночью не помню. А у Богдана я спросить постеснялась… хорошо, что утром ее не было дома.

– Спокойствие, малыш, только спокойствие.

– Стараюсь.

– Герда, Макс предложил мне встречаться, представляешь? – Вика закусывает губу, глубоко вздыхая.

Выглядит очень счастливой.

– Поздравляю. Слушай, еще минута – и я опоздаю. Увидимся на обеде.

– Хорошо.

Забегаю в раздевалку, быстренько снимая шубу. Потом так же быстро поднимаюсь на второй этаж, сталкиваясь с Пашей. Сомов смотрит на меня презрительно. Ухмыляется. Хмурюсь и очень хочу пройти мимо, но он не дает. Хватает за руку, вынуждая остановиться.

– Ну ты и с*ка, Гольштейн. Быстро перед Шелестом ножки раздвинула. Шл*ха ты, Герда, – Сомов брызжет ядом. Его взгляд полон ненависти, а у меня просто нет слов. Я стою посреди школьного коридора, слышу его громкий голос, вижу, как на нас оборачиваются проходящие ребята, как его компания ржет, позади него. Стою и не могу вымолвить и звука. Мой мир рушится, крошится в мелкую крошку.

– Что молчишь? Воды в рот набрала или же членом его подавилась, до сих пор отойти не можешь? – встряхивает меня за плечо.

– Паха, да она оглохла, походу, – они смеются, а я рыдаю.

Там, глубоко внутри, в душе, я сижу на коленях, захлебываясь своими слезами.

– А я смотрю, ты ему завидуешь? – улыбаюсь, склоняя голову вбок. Я не могу упасть перед ним в грязь лицом, не могу заплакать, убежать. Нет. Это буду не я. Про меня могут сказать все что угодно, обозвать, унизить, но это лишь их домыслы и больное воображение. Я никогда и ни перед кем не склоню голову. Никогда и ни перед кем. – Тебе не дала, а ему обломилось? – приподымаю бровь.

– Было бы чему, мне такая, как ты, не нужна. Я брезгую, – шепотом, в лицо, с мерзкой улыбкой, – да и ему ты тоже вряд ли уже понадобишься. Это же тупо спор. Полшколы ставки делало. Так что не обольщайся, моя дорогая.

Богдан. Как он мог? Я же поверила ему. Я же…

– А видео не показывал? – смеюсь Сомову в лицо, а сама уже готова грохнуться в обморок от жалости к себе и дикой ненависти к Шелесту.

– Че?

– То, говорю, мы на видео все записали. Хочешь, завтра принесу, посмотришь? – хихикаю над его глупой физиономией, а потом, грациозно развернувшись, иду во двор. Медленно вышагивая по длинному коридору, чувствую на себе прожигающие, где-то презрительные взгляды, но стоит мне остановиться на ком-то из них глазами, я вижу полнейшую покорность и отступление. Они могут думать, сплетничать, обсуждать меня за спиной. Они могут все, что хотят, но толь-

ко там, в своих кулуарах, тихим-тихим шепотом. Потому что никто из них, никто и никогда не скажет мне даже слова. Каждый будет пресмыкаться, лебезя и улыбаясь. Потому что если по-другому – сожру.

Скрывшись за дверьми школы, изо всех сил стараюсь не заплакать. Тугой узел боли и отчаяния все крепче стягивает мое сердце. Кажется, я иду на автопилоте, ничего вокруг не замечая. Меня переполняет ненависть и гнев. Поэтому, когда я подхожу к Шелесту, то не думая бью его по лицу. Звонкая пощечина словно отрезвляет мысли, вытягивает из этого непроглядного стыда…

Замахиваюсь еще раз, смотря в его непонимающие и насмехающиеся надо мной глаза, но в этот раз он проворно скручивает мои руки. Спина плотно прижимается к его груди. Он окольцовывает мое тело своими жесткими объятиями.

– Тихо, Гера. Спокойно, – как всегда с задором и своей дурацкой улыбкой. – Объяснишься, за что я по роже получил?

– Ты лжец и лицемер, – кричу, пытаясь выбраться из его лап, но чем больше я шевелюсь, тем сильнее он сдавливает мое тело.

– А поподробнее.

– Зачем ты наврал Сомову, зачем ты сказал, что мы с тобой переспали? Зачем ты поспорил? – дергаюсь, извиваюсь, понимая, что мне нужно уйти, убежать, потому что еще немного, и я заплачу.

– Чего я кому сказал, когда спорил? – ослабляет хватку, поворачивая меня лицом к себе. – Че ты несешь?

– Я думала, ты нормальный. Я думала, мы друзья. Я думала, я тебе нравлюсь, – вырываю свои руки, вытирая льющиеся по щекам слезы, потому что не могу больше. Не сейчас и не с ним. Я поверила ему, думала, что наконец-то встретила хорошего человека, друга… того, с кем можно быть собой. Того, в кого я, кажется, влюбилась.

Богдан немного отстраняется. Смотрит как на маленького, избалованного ребенка.

– Че ты ревешь-то, Гольштейн? Я думал, ты такого даже не умеешь, – прижимает меня к себе. А я не сопротивляюсь, не могу. Нет сил. Больше уже нет сил. – Пошли, – отстраняется.

– Куда? – хлюпаю красным носом, недоверчиво поглядывая на решительно настроившегося Богдана.

– К Сомову твоему, спросим, когда эт я ему такое говорил и на кого спорил. Пошли-пошли. А то заледенеешь в своем пиджаке.

Когда мы заходим в класс, Богдан держит меня за руку, а Сомов, до этого лыбящийся и громко рассказывающий всем эту историю, спрыгивает с парты, шугаясь в сторону.

– Павлик, а ну-ка, расскажи и мне, – с вызовом, – я тоже посмеюсь.

– Не подходи, Шелест, – Сомов хватает стул.

– Псих, ты поспокойнее, – Богдан убирает руки в карманы, а я дрожу от страха. Чувствую, как каждый волосок на теле

встает дыбом.

– Сомов, поставь стул, – кто-то из Пашкиной свиты пытается поставить на место его кашеобразные мозги, но, кажется, это совсем не помогает.

Все находятся в напряжении, все, кроме Шелеста. Он все так же лыбится, словно стоит на подиуме. Позер, блин.

– Ладно, укротитель стульев. Мы с тобой потом поговорим, – Богдан отворачивается, отодвигая меня чуть в сторону. Сомов отпускает стул, он с грохотом становится на пол, и именно в этот момент Богдан разворачивается. В два шага преодолевая разделяющее их расстояние. Ухватив придурка за грудки, он прижимает его к стенке. Тот что-то орет, но Шелест лишь делает захват, после которого отшвыривает Пашку, не забывая напоследок съездить ему по морде.

Пашка валяется на полу, класс собирается толпой вокруг этого тела, а Богдан быстро уходит из класса. Я же стою как дура посреди кабинета, не зная, что делать. Бежать за Шелестом или остаться на урок.

– Что, довольна, Гольштейн? – шипит Соколова, нависающая над Сомовым.

– Более чем, – откидываю волосы назад, смотря на нее с вызовом, но она лишь отворачивается.

Школу сотрясает звонок, и я понимаю, что в класс вот-вот придет учитель. Хватаю учебник и уже на ходу засовываю тот в сумку.

– Богдан, – ору, пытаясь его догнать.

Шелест же идет, словно не слышит моих воплей.

– Богдан, – хватаю за руку, пытаясь остановить эту машину.

– Что?

– Извини меня. Я, прости… – облизываю губы, краснея от его злобного взгляда.

– Знаешь, Герда, ты права, нам не стоит общаться.

– Что? Почему? – вздрагиваю от его слов, словно от пощечины.

– Ты прибежала кидаться в меня обвинениями сразу. Ты даже не думала, сразу сделала меня виноватым. Хотя я не давал тебе повода так обо мне думать, Герда, не давал.

– Богдан, я, просто…прости, – скулю, как собачонка, но Шелесту, кажется, плевать, он даже не смотрит в мою сторону.

– Иди на урок, – с этими словами он выходит во двор школы, оставляя меня одну посреди пустого коридора.

Чувствую себя раздавленной. Что мне теперь делать? Возвращаться в класс нет ни сил, ни желания. Всхлипнув, иду в столовую. Сажусь в самый дальний угол и сижу так до большой перемены. На ней-то и начинается самое интересное.

Глава 16

Богдан.

Оставив Геру в коридоре, иду в спортзал. Во мне кипит злость, и если я сейчас не сниму стресс, то точно кого-нибудь выхлестну. Торчу в секции карате до обеда. Хорошо, что занятия идут постоянно и внимания я не привлекаю.

На большой перемене возвращаюсь в школу. Не мешало бы пожрать. По дороге встречаю Катюху, она подбегает ко мне с ошалелыми глазами.

– Шелест, блин, тебя исключить хотят, – переступает с ноги на ногу, – пошли в подсобку, расскажу все.

Мы быстро спускаемся вниз. Катька запрыгивает на стол.

– Че ты несешь?

– Я? Это ты. Ты зачем Павлика вырубил? Его папашка опять приперся к директрисе. Они там уже совет собрали, чтобы тебя отчислить.

– Че за дурь? Этот ущерб сам стулом махал.

– Короче, если что, я за тебя.

– Спасибо за заботу. Где, ты говоришь, они все?

– В актовом зале. Ты что? Собрался туда идти? Ты больной? Сиди здесь, может, все мирно и решится.

– Ага, как же.

Бегом несусь в актовый. У двери замираю и считаю до пяти.

Пять. Открываю дверь.

– Здрасьте, – ищу глазами Марину.

Она стоит у окна. На меня не смотрит. Черт, я опять ее подвел. Сжимаю руки в кулаки.

– Явился, – бубнит директриса.

Оборачиваюсь, натыкаясь на улыбающуюся рожу Павлика. Ну не с*ка ли?

– Одно предупреждение у тебя уже было.

Киваю.

– Ты же понимаешь, что, когда мы разговаривали с тобой в прошлый раз, я не шутила.

– Понимаю.

– Тогда ты знаешь, что будет дальше.

– Не хочу себя оправдывать, но виноваты мы оба…

Маргарита Владимировна скептически улыбается. Она уже все решила. Ну или отец Сомова ей забашлял.

– Что-то на твоем лице я не вижу ни единого этому подтвержде…

Дверь в зал распахивается с грохотом. Все присутствующие молниеносно направляют туда взгляды.

– Здравствуйте, – Герда, запыхавшаяся от быстрого бега, быстро сканирует присутствующих.

– Тебе чего, Гольштейн? Выйди! Не видишь, у нас совет!

– Это я во всем виновата, – говорит громко, делая шаг в сторону Маргариты, – Богдан заступился за меня. Его не нужно исключать. Пожалуйста. Сомов сам все спровоциро-

вал, – кидает на него злобный взгляд, – сам. Он хотел ударить Шелеста стулом. Что ему оставалось делать? Мы все виноваты.

– Это правда? – директриса хмурится, многозначительно смотря в мою сторону.

– Ну, как бы да.

– Ты у нас что, рыцарь?

Отрицательно качаю головой.

– Ладно, – раздраженно смотрит на Сомова, – все трое до экзаменов будете отрабатывать свое плохое поведение работами по школе.

Гера несколько раз кивает, расплываясь в благодарной улыбке.

– Шелест. Ты меня понял?

– Понял-понял.

– Маргарита Владимировна, – вмешивается отец Сомова, – вам не кажется…

– Не кажется. Девочка права, виноваты все. Поэтому и исключать нужно всех троих, – склоняет голову.

Сомов старший ретируется.

– Вот и отлично. Каждое утро вам будут давать задания, которые нужно выполнять после уроков.

Сомов прожигает Геру взглядом. Еще немного – и он прямо здесь вцепится ей в волосы.

– Герда, Богдан, зайдите в мой кабинет, – после всех речей просит Ма и удаляется из зала.

Выхожу за дверь. Гера идет следом. Молчим. В кабинете атмосфера очень уж нехорошая.

Сажусь в кресло, барабаня пальцами по боковой спинке. Герда усаживается на стул.

– Вы что вообще творите? – без подводок начинает Марина, поворачиваясь к нам лицом. Она стоит у окна.

– Извините.

Смотрю на красную Геру. Молчу.

– А ты извиниться не хочешь?

– Перед тобой да, мне стыдно, что все выставили так. Но я не виноват.

– Вы только посмотрите на него. Богдан, – голос становится строгим, – я тебя выпорю в следующий раз. Один стульями дерется, другой, кандидат в мастера спорта, между прочим, применяет приемы ВНЕ ринга, третья вообще до потери сознания напивается, – Марина разводит руками.

Издаю смешок, вспоминаю Геру с ее пируэтами. Гольштейн становится настоящим помидором, все ниже пряча взгляд.

– Еще раз, Богдан, еще хоть раз, – размахивает руками, – убери свою улыбку!

– Я все понял, – говорю спокойно, – абсолютно.

Марина прожигающим взглядом смотрит мне в глаза, и я чувствую, как ее медленно попускает.

– Ладно, идите.

Гольштейн поднимается на ноги, закрывая лицо ладонью.

– Герда, у тебя все в порядке? – интересуется Ма.

А я и так прекрасно понимаю, что них*ра у нее не в порядке. В два шага преодолеваю расстояние между нами, резко отнимая ее руку от лица. Как я и думал, все в крови.

Марина вздрагивает, начиная рыться в шкафах.

– Что с тобой? Врача, Богдан, нужно отвести ее к врачу.

– Не надо, – мотает головой, – сейчас пройдет.

– Нос зажимай, как я тебе показывал, – убираю волосы от ее лица.

– Может, перекись?

– Не надо, – уже я, – дай ей салфетки влажные.

Ма достает из сумки салфетки, протягивает мне пачку.

– Давай, Гера, вытри нос. Все уже прошло. Разжимай пальцы.

Гольштейн покорно делает все, что я говорю.

– Мы пошли на урок?

Марина кивает, явно находясь под впечатлением. Я знаю, что она не особо хорошо переносит вид крови, оттого всегда садится на боях подальше.

Как только выходим, прохожу вперед, но на секунду притормаживаю.

– Спасибо, – смотря поверх нее, – с твоей стороны было более чем человечно, – кривлю губы, продолжая движение, оставляя Геру возле кабинета.

На русском сижу с Куликовой, и, слава снепчату, она молчит. В сотый раз посмотрев на собачьи уши, ловлю себя на

мысли, что вся эта внеклассная работа мне нах*р не вперла.

Еще и с Сомовым в придачу. Раздраженно откладываю ручку, ловя на себе Герин взгляд. Отворачиваюсь. Не скажу, что меня обидели, словно кисейную барышню, но осадочек еще реально болтается на дне пробирки.

Было очень неприятно слышать от этого зазнавшегося одуванчика очередные обвинения в свой адрес.

Я, как полный дебил, бью из-за нее морду всякому мусору, и от нее же еще по роже получаю. Веселая перспективка. Меня не устраивает.

– Богдан, ты поговорил с Сережей? – шепчет Куликова.

– Сегодня. Мы как раз договорились пересечься.

– Спасибо.

– Спасибо не отделаешься.

– Ты на что намекаешь?

– Да успокойся ты, озабоченная, я не об этом. О, все спросить хотел, правда, что Гера тебе волосы повыдирала? – поворачиваюсь в ее сторону.

– Она еще за это ответит. Сучка.

– Ты поспокойнее, Катюша.

– Только не говори, что запал на нее, – замолкает, как-то странно щурясь. – Серьезно? Ты на нее запал? Блин, Шелест, я думала, хоть ты нормальный, – цокая языком, выпучивая глаза.

Ржу.

– Да я вроде не жалуюсь.

– Ты меня расстроил, – театрально накрывая лоб рукой, – но я ей все равно отомщу, нашей отличнице, не так жестко, как хотела, но знай, просто так я это не оставлю.

– Катюша, – натягиваю «миленькую» улыбку, – подумай хорошо.

– Ладно. Пусть дышит, Мелкова убеди.

После уроков еду в зал. Не успело пройти первенство, как Иваныч начал усиленно готовиться к сборам.

Пока обходится без жести, но это только пока.

Разогревшись, вылезаю на ринг. Мишаня принимает стойку, отрабатываю удары, прессингую, жестко.

Чувствую капли пота на лице.

– Хорош, – меняйтесь.

Теперь я в качестве живой грушки для Мишкиных ударов. Иногда прям сильно хочется у*бать в ответ. Сегодня я реально на взводе, и это не есть хорошо. Раздраженно отхожу в сторону после очередной команды тренера.

– Шелест, ты сегодня совсем одурел? Еще раз подобное – и ты никуда не едешь.

Киваю. Видимо, отправленный в нокаут Артем стал апогеем моего перебора. А ведь спарринг был вполсилы.

На улицу выползаю ближе к восьми. Меня уже ждет Мелок.

– Здорово!

– Здорово!

– Спасибо, что сюда припер. Я бы физически никуда не

доехал. Сдохну ща.

– Опять всех уработал?

– Не, – сцепляю пальцы в замок на затылке, потягиваюсь, – пойдем упадем в Мак, а то холодно.

– Пошли.

***

Засунув руки в карманы, иду к метро. С Серым мы разошлись часа как пол. У него тоже напряг со временем и нелады с комендантским часом. Быстро обсудили все, что на повестке, этот баран только раза с пятого согласился принять Катюхино предложение о др.

У дома в глаза сразу бросается черный мерседес. Не дай бог… на ум приходит Сомовский батя.

Прохожу мимо тачки, замечая водителя. Открываю дверь тихо. Бесшумно снимаю обувь и куртку. Из кухни доносятся голоса. На паркете полоска яркого света.

Интересно.

Шагаю в глубь дома, замирая сбоку от прохода.

– Вы извините меня, правда, мне очень стыдно, – пискливым голоском лопочет Гера, – я на самом деле вообще почти не пью, а тут так вышло, очень неудобно. И вся эта драка, если бы я промолчала, Богдан бы ничего не сделал…

– Не волнуйся так, – Мать улыбается, слышу, – ты меня, конечно, шокировала, но в жизни бывает и похлеще.

– Страшно представить.

– И не стоит.

– А Богдан точно вернется?

– Я даже боюсь спросить, куда он может деться?

– Несу чушь, просто волнуюсь. А вдруг он не захочет со мной разговаривать.

– Не захочет сегодня, поговорите завтра. Все просто, Герда.

– Вы такая классная. Понимающая. Богдану повезло, вот моя мама сказала бы мне что-нибудь нелицеприятное по этому поводу.

– У вас с ней не очень хорошие отношения?

– Я бы сказала, у нас с ней их нет.

– Может быть, чаю?

– Не откажусь.

Какая милая беседа. Закатываю глаза, а потом вздрагиваю. Орущий как больной смартфон сдает меня с потрохами. Провожу пальцем по экрану, выходя в проход. Две пары глаз смотрят на меня так, словно я призрак.

– Да, – в трубку, – привет, Танюш, – кидаю взгляд на Геру, – хорошо, я только «за». Ага, спокойной ночи.

Герда недовольно смотрит в мое лицо. Еще секунда – и она меня расплавит своим взглядом.

– И давно ты тут подслушиваешь? – Ма еле ощутимо улыбается.

– С того момента, как она извинялась за свою пьянку.

– Спасибо, все, Марина Юрьевна, я лучше пойду, – Герда подрывается со стула и быстро идет в прихожую.

– Богдан!

– Что – Богдан? Шуток не понимает?

Ма закатывает глаза и отворачивается к плите, зажигая конфорку.

Иду к двери, слыша, как неуклюже Гольштейн натягивает сапоги.

– Гера, не дуйся, – опираюсь на дверной косяк плечом.

– Больно надо. Мне все равно.

– А приходила зачем?

– Не твое дело. Я не к тебе приходила, – возится со змейкой, бегунок не идет вверх.

– Врать нехорошо.

– Отвали от меня, – начинает нервничать, еще немного – и она вырвет замочек с мясом.

Подхожу ближе, присаживаясь на корточки. Гера вздрагивает. Убираю ее руки, медленно тяну бегунок вверх. Готово.

– Я хотела извиниться, а ты… ты, – легонько бьется своим лбом о мой.

– Я извинил, – выпрямляюсь, поднимаю ее за собой.

– А я теперь обиделась! – надувает щеки, смахивая на хомяка. – Что она хотела?

– Кто?

– Эта твоя Танюша, – кривит лицо.

Походу, кто-то ревнует.

– А я должен ответить?

– Ты мне ничего не должен, и вообще, отстань от меня.

– Да я и не приставал, – поднимаю руки, показывая ладони.

Герда злится еще больше. Нервно сдергивает с вешалки куртку, натягивая ту на себя. Рука не с первого раза попадает в рукав, беся ее до предела.

Останавливаю ее дерганья, с еле ощутимой силой сдавливая Герины запястья.

– Давай встречаться, – скорее не спрашиваю, а утверждаю, да, возможно, в немного странной форме, – ты мне очень нравишься.

Гера застывает, медленно поднимая на меня глаза. Сжимаю ее ладонь.

Растерянно кивает.

Она целует первая. Быстро. Едва касаясь губами моих.

– Мне уже пора. До завтра?!

– До завтра.

Дергаю ее за руку на себя, крепко стискиваю в объятиях. Целую. Это не мимолетное касание губ, это снос башки. Хочу ее сожрать. Пальцы гладят бархатистую кожу, а я понимаю, что просто не могу от нее оторваться. В штанах все каменеет. Гера отталкивает, очевидно, неплохо так все прочувствовав. Стоим мы неприлично близко.

Смотрит на меня растерянно.

– Природа, – пожимаю плечами, легонько щелкая ее по

носу.

– Да ну тебя, – смеется, – пока.

– Пока, – открываю ей дверь.

Герда уходит, напоследок помахав рукой.

Закрываю дверь, упираясь в нее головой. С*ка. Возбуждение просто адское. В самую бы пору позвонить Куликовой, но и тут облом.

Глава 17

Герда.

Вот так просто… давай встречаться… хотя, а чего ты хотела? Шоколадный фонтан и миллион роз? Нет, не хотела. Ничего не хотела, но почему-то именно сейчас поняла, что мне были необходимы эти слова. Я до дикого безумия, сама того не подозревая, нуждалась в этом предложении. Нуждалась в Богдане.

За какие-то пару месяцев он привнес в мою жизнь столько, сколько большинство не смогли внести за годы.

Смотрю на него, а слов нет. Тупо киваю. Странная реакция, наверное, до жути неправильная, но не могу иначе. Я в замешательстве, а по телу растекается тепло. Меня окутывает негой спокойствия и дикого восторга. Два слова поменяли все. Перевернули с ног на голову. Богдан смотрит на меня с едва заметной улыбкой. Он же тоже волнуется? Правда?

Сжимает мою руку.

Я приехала сюда извиниться, потому что была не права. Потому что, как и всегда, решила, что меня предают. Было больно осознавать, что и Шелест так подумал. Слова Сомова так быстро застряли в моей голове, заставили поверить. И я поверила. Но, когда увидела реакцию Богдана, пожалела миллион раз о том, как повела себя. Я ударила человека, который все это время пытался мне помочь. Помогал. Един-

ственного человека, которому не все равно, что со мной происходит.

Сидя в столовой, я совсем не думала, что ко мне подсядет Катя. Ее гневный и дерзкий выпад заставил мою совесть проснуться, и я даже не смела открыть рот, выслушивая ее претензии.

Она смотрела на меня как на мусор.

– Из-за тебя, папина принцесса, Богданчика могут вышвырнуть, из-за тебя и твоей сучности. Это ты натравила его на Сомова. Ты прекрасно знала, что он отреагирует так, знала и все равно это сделала. Обиженная. Посмотрите-ка, плохие одноклассники вновь обидели нашу принцессу. Если хочешь знать, это я, я и Сомов, спорили, ну и еще полшколы. Шелесту эти игры не нужны. Это не в его характере. Он виноват только в том, что вообще решил с тобой общаться, наивный дурак. Включи свою башку и подумай хорошенько, может ли человек, постоянно спасающий твой зад, без всяких требований, поступить так мерзко? Подумай! Знаешь, даже как-то обидно, он за тобой так волочится. Было бы за кем! Хоть раз в жизни возьми на себя ответственность за свои дрянные поступки, Гера. Если что, они в актовом зале…

С этими словами она позерно поднялась со стула и покинула столовую. Катька говорила это настолько громко, что, когда ушла, любопытствующие взгляды еще долго были прикованы к моему столу.

Что я чувствовала в тот момент? Отчаянье. Стыд. И какую-то пустоту. Быстро выйдя в коридор, я сломя голову побежала в актовый зал.

Куликова оказалась права, во всем. Я виновата. Не Богдан, я.

Смотрю на наши переплетенные пальцы, поднимаю взгляд к его лицу и, не думая ни о чем, встаю на цыпочки, едва касаясь губами губ.

Я ему нравлюсь. Очень нравлюсь. Его слова на репите в голове, и я почти не осознаю, как сажусь в машину. Водитель смотрит на меня, как и всегда, отстраненно.

Только переступаю порог собственного дома, и тут же в спину летят мамины крики:

– И где ты шлялась? – мать искрится в своей злости. – Пропустила ужин, отец в бешенстве!

Милый дом встречает меня, как и всегда, с любовью.

– Я поужинала в городе, – отмахиваюсь от нее, поднимаясь наверх.

– Стой. Мы с тобой не договорили, – мама хватает меня за руку, с силой сдавливая запястье. – Ты хоть представляешь своей глупой башкой, что мне пришлось от него выслушать? Где ты была?

– У Со… – осекаюсь, понимая, что он меня не прикроет, – у Вики.

– У кого?

– Девочка из параллельного класса.

– Какая девочка? От тебя несет мужскими духами, причем очень и очень дешевыми, – кривит лицо.

Вздрагиваю. На пороге гостиной прямо за спиной матери стоит отец. Его гневный взгляд вновь превращает меня в маленькую девочку, обязанную подчиняться. Я по инерции опускаю глаза, с силой сдавливая пальцы в кулак.

Мать мгновенно замечает изменения в моем лице, нервно прикусывая губу и отпуская мое запястье. Ее последние слова… даже она не хотела, чтобы отец их услышал.

– Значит, мужскими духами, – отец делает скорбное лицо, вздыхает. – Как я понимаю, это не твой дружок Сомов, да?

Отрицательно мотаю головой. Едва-едва смотря на отца.

– Броня, – мама расплывается в улыбке, – молодость, – она нервничает, заламывает пальцы.

Отец пронзает ее осуждающим взглядом.

– Ко мне в кабинет, живо.

Говорит ровно. Не повышая голос совершенно. Его мрачная аура медленно исчезает из комнаты. Смотрю на темный коридор, не решаясь сделать шаг. Мама толкает меня вперед, что-то цыкая. Обнимаю себя руками, медленно приближаясь к его кабинету.

Внутри за огромной дубовой дверью – отец. Он сидит за массивным столом, смотрит снисходительно. Даже смешно. Разве родители так смотрят на своих детей? Кажется, что я в этом доме что-то вроде прислуги… или зверушки для битья.

– Садись, – кивает в сторону кресла.

Усаживаюсь в кожаное кресло из телячьей кожи. Руки не опускаю. До сих пор обнимаю себя за плечи. Мне жутко.

– Я тебя внимательно слушаю, дочь.

Бегаю глазами по предметам интерьера, боясь открыть рот.

– Герда, не испытывай мое терпение. Где ты была?

– У одноклассника, – набираю в грудь побольше воздуха, – он сын нашего завуча, – киваю в подтверждение своих же слов.

– Допустим. А что ты делала в его доме?

– Хотела извиниться.

– За что?

– За то, что наговорила ему гадостей, не разобравшись в ситуации.

Папа смотрит в окно. Думает. По его лицу не прочтешь, к чему готовиться, он непредсказуем. Что за казнь он придумает мне на этот раз?!

– Пригласи его к нам на ужин. Скажем, в пятницу. Мне интересно посмотреть на этого юношу.

– Он не хомяк в клетке… – повышаю голос и обрываю себя.

Отец смеется. Мягкий. Тихий смех. Он еще ужасней. Покрываюсь мурашками. И я ретируюсь. Как и всегда. Слабачка. Отец что-то задумал. Только что?

– Пригласи.

Киваю.

– Вот и отлично. Спокойной ночи, милая!

– Спокойной, папа.

На ватных ногах выхожу в коридор, медленно шагая к лестнице. Мама стоит на втором этаже. Ждет меня.

– Что он сказал? Опять запер дома?

– Нет. Захотел познакомиться с Богданом.

– С кем?

– С тем, чьими духами от меня несет, – прожигаю ее злобным взглядом и бегу в комнату.

Закрываю дверь на замок.

Просыпаюсь от мерзкого сигнала будильника. Не люблю вставать рано. Всю жизнь борюсь за шанс поспать на десять минут подольше. Быстро умываюсь и укладываю волосы. Распущенные мягкие кудри. Натянув колготки, опускаю красную клетчатую юбку вниз, чуть плотнее заправляя в нее белую футболку, накидываю темно-синий пиджак и спускаюсь в столовую.

– Всем доброе утро, – присаживаюсь на стул, и в ту же минуту передо мной появляется поднос с кофе и омлетом, – спасибо, Люб.

– Броня, – мама протягивает отцу планшет, – я давно хочу сменить машину. Ты не мог бы увеличить сумму лимита моей карты?!

Отец небрежно смотрит на картинку и кивает.

– Спасибо, дорогой. Ты не представляешь, какая это машина, просто секс.

Отец закатывает глаза, отрезая кусочек бекона.

– Герда, папа сказал, что в пятницу у нас будут гости? – улыбается.

Мне не нравится эта ее улыбка. Гадкая. Словно что-то задумала.

– Возможно.

Отец вопросительно приподымает бровь.

– Вдруг он откажет? У него могут быть дела, он спортсмен, – уточняю.

– Красавчик с кубиками пресса, – встревает мама, мечтательно вздыхая.

– Мы с ним не в таких отношениях. Чтобы я разглядывала его пресс, – говорю громко.

Отец, кажется, очень доволен моим ответом, а вот мама бесится. Провокация не удалась.

– Можно я пойду? А то у нас первая алгебра, ты же знаешь нашу классную.

– Иди.

– Всем хорошего дня, – стараюсь улыбаться как можно искренней.

Вылетаю во двор в полном ужасе. Что мне теперь делать? Как я его позову… что скажу? Это все будет выглядеть по-идиотски. Мне стыдно его приглашать, стыдно за то, что у меня такие родители. Он подумает, что я такая же… от осинки… всхлипываю, с силой хлопая дверью.

– Поехали.

В школе чувствую себя не в своей тарелке. Не знаю, куда себя деть. Словно я вновь пришла сюда первый раз. Именно так я себя тогда и ощущала. Чужой. Впрочем, за годы мало что изменилось…

Мысленно успокаиваюсь и захожу в класс. Соколова смотрит на меня с отвращением, я просто игнорирую и прохожу мимо. Чувствую на себе взгляды одноклассников. Тот же Сомов – мне кажется, дай ему кто-нибудь в руки нож, и от меня не останется ни кусочка.

Спокойно, Герда. Спокойно.

Усаживаюсь на свое место, медленно вытаскивая тетрадь и учебник. Все это время в классе стоит гробовая тишина. Нервничаю. Трогаю волосы руками, откидываю за спину, плотно прижимаясь к спинке стула. Смотрю перед собой… звенит звонок, и атмосфера становится немного легче.

Выдыхаю.

В коридоре слышится знакомое ржание.

Шелест.

Где-то через десять секунд в класс вваливаются Богдан и Макс.

Федосеев с грохотом кидает рюкзак на парту позади меня, отчего я вздрагиваю.

Что делать? Что-то сказать? Как реагировать? Богдан сам что-то скажет мне или… в голове пробегает миллион вариантов, на деле же проходит пара секунд. Часто дышу, полностью теряясь в пространстве.

Теплая ладонь ложится на мое плечо. Богдан упирается коленом в свой стул, притягивает меня к себе, целуя в макушку. Касаюсь пальцами его руки, которая покоится где-то на уровне шеи. Поднимаю голову. Улыбаюсь. Смущенно. Чувствую, что все взгляды в классе прикованы к нам. Одноклассники смотрят с любопытством, кто-то – с желчью, а кто-то – с открытой неприязнью.

– Так и что там? – подмигивает и поворачивается в Максу.

– Так вот, дня на два мне нужно схорониться. Батя прилетает. Такой пиз*ец устроит. За все меня разъ*бет.

– Он тебя нагнет, а ты потом у меня будешь раны зализывать, умно.

Чувствую, как его пальцы поглаживают мое плечо.

– У Ма спрошу. Не обессудь.

– Да мне хоть как, только бы заныкаться.

Шелест издает смешок.

– Если что, есть вариант у Куликовой схорониться. Она не откажет, да, Катюш? – орет на весь класс.

– Ну, – задумчиво стреляет глазками, – я подумаю, – обнажает зубки. – А вы, – прикусывает губу, указывая пальчиком то на меня, то на Богдана, – теперь вместе?

– Ну, ты помнишь, что с Варварами бывает, да? – парирует Богдан.

Я молчу. Мне сказать нечего. И честно, не очень хочется. Потому что складывается стойкое ощущение, что за меня есть кому ответить. И этот ответ очень даже устроит.

– Я-то помню. Но ты тоже не забывай про Сережин день рождения. Ты один придешь или с ней?

– Ты все об этом. С Гердой придем, да?

Уже, видимо, мне. Киваю, одаривая Катю улыбкой. Прибила бы я эту Катю. Хотя, если бы не она, я бы не пошла тогда в актовый, и, возможно, Шелеста бы выгнали.

– Чет Васильны все нет, уже пятнадцать минут прошло. Давайте свалим, а?

Кто-то подает эту гениальную идею. И все, конечно же, не против. Быстренько пакуют сумочки и рюкзачки, направляясь к выходу. Шелесту вообще ничего паковать не надо, он ничего и не доставал.

Богдан выпускает меня из объятий, закидывая на плечо рюкзак.

– Мы тебя ждем, – касается моей руки.

Они с Максом что-то обсуждают и медленно идут к двери.

Я остаюсь сидеть за партой. Какой смысл уходить, если нам все равно влетит? И заданий надают. Это же Васильевна. Она же не простит. Нет.

– У, это надолго, – шипит Макс.

– Чего?

Жмурюсь.

– Иди тогда, я потом.

Видимо, Федосеев уходит, потому что Шелест почти сразу оказывается предо мной. Запрыгивает на учительский стол, упираясь ладонями в колени.

– И?

– Что? – немного эмоциональней, чем хотела.

– Все ушли, ты осталась. Так не делается.

– Мне все равно, я не стадо, – хмурюсь.

– Я тоже, – пожимает плечами, на губах эта его мерзопакостная улыбочка, – это коллективное решение.

– Одно и то же, – складываю руки на груди.

– Гера, пошли уже, – спрыгивает со стола, – не выпендривайся, – ухмыляется.

– Хам!

– Знаю, – расстегивает молнию на моей сумке, складывая туда учебник, а потом и тетрадь, предварительно вырвав ту из моих рук, – все, портфельчик собран, пошли.

– Да Богдан! – вскакиваю со своего места. – Это неправильно, понимаешь!

– Понимаю, – подходит совсем близко, его ладонь уже лежит на моей талии, – пошли, – шепчет почти в губы, – идем, – тихонько тянет за руку.

Мне нравятся эти касания. Они другие. С Сомовом все было не так. Он меня бесил. А перед Шелестом я готова растечься лужицей и сделать все, что он скажет. Ненормальная.

– Ладно, – а самой до дрожи в коленках хочется уйти с ним. – Только в первый и последний раз.

– Угу, – улыбается, пропуская меня вперед.

Чувствую его за спиной и бешусь оттого, что он меня не поцеловал. Манипулятор чертов.

Глава 18

Богдан.

После шестого урока уже собираюсь свалить домой, но Ма, кажется, читает мои мысли, поэтому ждет у парадной двери. Надо было через черный.

Плакала моя свобода.

– К завхозу, – улыбается, – живо.

– Слушаюсь, – поднимаю руки, – и повинуюсь.

– Давай-давай, – усмехается, шагая следом.

Вот так, под конвоем, я вваливаюсь в кабинет завхозихи. Полненькая, дамочка с красновато-рыжими волосами, противным голосом и замашками директора.

Она уже успела нагрузить Сома своими приказами, следующая на очереди, кажись, Гера. Прости, малая, но я совсем не в восторге от этих работ, хотя…

– Вы двое вымоете в актовом зале все окна, снимете занавески и принесете мне.

Киваю. В соседнем кабинете Лариса Анатольевна с серьезным видом вручает мне ведра и тряпки. Гера стоит, будто ни при чем.

В актовый идем молча. Гольштейн топает позади, постоянно оглядываясь по сторонам.

Кидаю все это оборудование на пол и сажусь на подоконник.

– Гера, у тебя такой видок, будто ты труп увидела.

– Нет, – нервно улыбается, – я просто никогда не мыла окна. Люба дома моет такой губкой на регулируемой палке, что-то типа швабры, – задумчиво смотрит на ведра, – а тут даже перчаток не дали.

– Как все запущено.

– Почему?

– Не парься, – отмахиваюсь, не желая вдаваться в подробности и говорить о том, как мы мыли туалеты в интернате.

Пока Умка примеряет в ладони губки, отворачиваюсь в сторону сцены. Огромные красные шторы по обе стороны очень привлекают внимание.

– Пойдем, – в голову закрадывается идейка. Спрыгиваю с подоконника, сжимаю Герину ладонь.

– Куда?

Молчу. Пересекаем зал.

Отодвинув немного ткань от прохода, пропускаю Геру вперед. Мы на краю сцены, как раз сковываемые занавесом.

– Богдан, – оборачивается, сжимаю ее талию, усаживая на сцену.

Гольштейн вздрагивает, осматриваясь.

– Ща.

Запрыгиваю на сцену, подтаскивая к нам валяющийся в углу мат. Кажется, вчера тут была репетиция какого-то спектакля.

Заваливаюсь на спину, закидывая руки за голову.

Гера так и сидит на самом краю сцены. В зале тишина. Я так за*бался за эти дни в зале, что меня просто вырубает. Встряхиваю голову. Часто моргаю.

– Умка, иди сюда, я тебя не съем.

– Точно? – улыбается.

– Может, только чуть-чуть.

Гера садится на мат, вполоборота ко мне.

Приподымаюсь, чтобы сесть. Плотно прижимаюсь спиной к стене, широко расставив ноги. В пару движений подтаскиваю Геру к себе, одуван упирается спиной в мою грудь, резко сжимая колени.

– Не нервничай так, – стискиваю ее сильнее, запрокидывая голову.

– А если кто-то зайдет?

– Не зайдет.

Гера закатывает глаза, но на губах улыбка.

До боли во всем теле хочу ее поцеловать. Она такая красивая. Так близко.

– Богдан, – уже без улыбки, – я хотела тебе сказать…

– Говори.

– Точнее, спросить.

– Спрашивай.

– Мой отец…

Кладу ладонь на ее живот. Гера, ну давай мы поговорим потом, прошу тебя… раз, два, три. Убираю руку. Я сосредоточен и готов слушать.

– Что-то случилось?

– Нет… то есть, да. Он хочет, чтобы в эту пятницу ты пришел к нам на ужин, – резко замолкает и опускает глаза.

Так, походу, сегодня без интима, сегодня опять только сопливчики.

– Я приду, – отвечаю, даже не думая. А че тут, собственно, думать?!

– Да? – удивленно.

– А почему нет?

– Не знаю… просто я подумала, что тебе это не нуж… в общем, спасибо.

– Да пока не за что.

– Только у меня очень непростые родители… я заранее хочу извиниться за все то, что может произойти.

– О как, мне стало гораздо интересней.

– И прекрати меня лапать, где нельзя.

– А где нельзя?

– Богдан, – оборачивается.

– Что? – возвращаю ладонь на ее живот. – Разве это плохо? Я тебе ничего такого не предлагаю. Просто хочу тебя потрогать, это нормально.

– Это неправильно.

– Почему?

– Шелест, четыре дня назад мне хотелось тебя придушить.

– А сейчас не хочется?

– Чуть-чуть.

– Аналогично, – запускаю пальцы в ее волосы.

– Гад, – со смехом.

– Знаю.

Целую ее в шею, медленно опуская руку с живота на бедро. Короткая юбка слегка задралась вверх, поэтому я здесь даже ни при чем. Гера не шевелится и почти не дышит. Интересная реакция. Либо я что-то не догоняю, либо она считает меня отбитым маньячиной. Хочу ее поцеловать, но Гера уворачивается.

– Прости, – шепотом, – я так не могу, слишком быстро, я так не привыкла… извини, – вновь заслоняется своей проклятой стеночкой отчужденности.

Убираю руки.

– Умка, – кажется, до меня дошло, – ответь-ка мне на один вопрос.

– Какой?

– А у тебя с Павликом ведь не было, да?

– Нет, – резко оборачивается и смотрит точно как на придурка, – конечно, нет, – округляет глаза.

– И ни с кем другим тоже?

– Что за дурацкие вопросы? Нет!

– А хочется? – стараюсь как можно дольше продержать на лице маску серьезности.

– Шелест, ты издеваешься? – повышает голос, недовольство плещет через край.

Гера дуется, а я больше не могу сдерживать смех.

– Шутки шучу, не дуйся.

– Да ну тебя.

– А мне вот хочется, – вздыхаю.

Гера каменеет.

– Пошутил, – выставляю ладонь вперед. Ага, хотел бы, но в каждой шутке доля шутки.

Гера улыбается. Мне нравится ее улыбка. Так она улыбается нечасто.

– Я не хочу идти на вечеринку к Куликовой, – морщит нос.

– Не иди.

– Ты пойдешь один?

– Пойду.

Видимо, Гольштейн хотела услышать что-то другое, но не услышит.

– И там будет эта твоя Танюша, – щурит глазки.

– Будет, – киваю.

– Она мне не нравится.

– Гера, мы с ней вместе выросли в одном детдоме, она хороший человек и друг. Я не перестану с ней общаться только потому, что она тебе не нравится.

Умка тушуется, поджимая губы.

– Это так хорошо, – кладет голову на мое плечо, – что у тебя появилась Марина Юрьевна и тебе не нужно больше там жить… Она очень классная. Это, наверное, так страшно, жить в дет… – обрывает себя, – прости.

– Ко всему привыкаешь.

– Богдан, – очень тихо, – что случилось с твоими родителями?

Чувствую ее дискомфорт. Она явно жалеет, что решилась спросить.

– Авария. Я толком не помню, малой совсем был. Потом уже узнал, что они вылетели на встречку в ливень. Машину занесло, а в лобовую КамАЗ.

Говорю тихо. Не люблю эту тему. И воспоминания эти тоже.

– Извини, мне стоило промолчать.

– Все нормально, – чувствую, как Гера сжимает мою ладонь. Успокаивает, видимо. Улыбаюсь внутри. – У тебя плохие отношения дома?

– Скорее да, чем нет. Они хотят видеть меня такой, как удобно им. Я долгое время училась дома, это была идея отца. Он помешан на том, какой идеальной должна быть его дочь. Каждый промах, каждая плохая оценка говорит ему о моей никчемности. Это сложно и обидно, когда тебя считают такой…

Да. Не семейка – сказка. Как она еще умом не тронулась? Беспрекословно выполнять все, что тебе говорят…

– Я так хочу закончить школу. Это, наверное, глупо, но мне кажется, что я стану чуточку свободнее. Может, он, наконец, от меня отстанет.

Наивная моя Умка.

– Пойдем в воскресенье в кино? Что тебе нравится? – пе-

ревожу тему.

– Не знаю, нет определенного жанра.

– То есть, если я выберу мордобой, ты не будешь против?

– Нет, – пожимает плечами.

– Выбирай сама..

– Тогда пойдем на мультик какой-нибудь

Киваю. Гера еще совсем малышка, которой никто и никогда не дает права выбора. Пусть оно у нее будет, возможно, в какой-то мелочи, но ей это важно. Я уверен.

Гера поворачивается немного боком, укладывая голову мне на грудь. Заключаю ее в кольцо рук, целуя в макушку.

Чувствую, как ее пальцы вырисовывают узоры на моей рубашке.

Глава 19

Герда.

Мне так спокойно. Мне никогда не было так уютно. Даже наедине с самой собой я не чувствую такого уровня комфорта, как с ним. Хочется говорить. Слушать.

Хочется рассказать ему все, все, все и обо всем расспросить. Это же, наверное, нормально? Хочется ему доверять. Очень.

– Богдан, уже семь. Мы просидели здесь почти четыре часа и ничего не прибрали.

– Завтра доделаем, – отмахивается, – я поговорю с завхозом.

Даже страшно представить, что он ей скажет. Хотя с его харизмой, думаю, она ему все простит. К этому выводу я пришла не так давно. Но Шелест действительно очень обаятельный. Ему все сходит с рук. Он умеет говорить, умеет найти к людям подход. Когда я не могу лишний раз сказать и слова. Надменный взгляд куда проще.

Разве человек может быть таким? Бескорыстным, веселым, легким? Может, после всего того, что ему пришлось пережить? Я бы умерла. Я бы точно не смогла так, как он. А он улыбается.

– Мне пора домой, – вздыхаю, а самой совсем не хочется уходить.

– Пошли, провожу. Хотя бы до машины.

Киваю, но остаюсь сидеть на месте. Шелест смотрит вопросительно. Облизываю губы, собираясь с духом. Хочу его поцеловать, но у меня с этим проблема. Не с поцелуем, а с решениями. Мне они тяжело даются. Касаюсь пальчиками его щеки, всматриваясь в темные глаза. Сердце стучит как бешеное. Чувствую его ладонь на своей ноге, и в этот раз мне совсем не до нотаций.

Упираюсь в его грудь, придвигаясь ближе. Богдан внимательно смотрит в мое лицо, вижу, как уголки его губ совсем немного ползут вверх. Он прекрасно понимает, что я стесняюсь или боюсь, назвать можно как угодно.

Опуская взгляд на его губы и, больше не думая и секунды, целую. Меня накрывает волной жара. Его горячая рука медленно перемещается с колена на бедро, чувствую мурашки. Меня не покидает это странное, поселившееся в голове ощущение. Оно стойкое и очень мерзкое. Вдруг он просто хочет со мной переспать. Вдруг это талантливая игра. Целую, а сама сильнее зажмуриваю глаза, чтобы не выступили слезы. Я просто умру, если это окажется так. Хотя, может, так и должно быть? Может, стоит сразу ему дать то, что он хочет. Не мучить себя? Потому что я все равно не смогу отказаться от него.

Богдан резко отстраняется. Проводит пальцами по моей щеке, и только через секунду я понимаю, что лью слезы.

– Девушка, не подскажете, куда Герда ушла? – тихим,

немного хриплым голосом.

– Ты на самом деле не спорил? – сжимаю в кулак ворот его рубашки. – Не спорил же. Я знаю, что не спорил, – всхлипываю, – ты не мог. Ты не такой, я знаю.

– А ноги все оттуда же. Гера, если бы я спорил, ты бы мне уже давно дала, – отцепляет мою руку.

Сколько самоуверенности. Хотя, кажется, в его словах одна правда.

– Я не хотела тебя обидеть, мне просто страшно.

– Почему? – в самое ухо, стискивая меня в объятиях.

– Ты слишком хороший.

Шелест смеется.

– Умка, ты меня еще не знаешь. Я могу быть очень и очень плохим, – все тем же шепотом, – поэтому будь умницей и не хулигань.

Теперь смеюсь уже я. С надрывом.

– Когда Куликова устраивает вечеринку?

– Завтра. Завтра же пятница?

– Да.

– Завтра. А что?

– Я передумала, я пойду с тобой.

– И какова причина столь резких перемен?

– Хочу быть умницей, – приподнимаю бровь, смотря ему в глаза.

– Зачет. Пятерка тебе, малая, за поведение.

– Рано Вы, Богдан… как у тебя отчество?

– Николаевич.

– Богдан Николаевич, мне оценки за поведение ставите, это надо делать после вечеринки, а не до.

– Ха, согласен. Ладно, пошли, а то влетит тебе по заднице дома, и никуда завтра не пойдешь.

Поднимается, подавая мне руку.

– Юбку поправь и пиджак.

Одергиваю юбку, приглаживая края пиджака. Шелест же слегка одергивает ворот рубашки.

Он провожает меня до машины, чмокает в губы и, захлопнув дверцу, уходит.

По дороге домой не могу найти себе места. Постоянно ерзаю. Меня переполняют эмоции, и я безумно жду завтра. Я хочу как можно дольше находиться рядом с ним. Потому что с ним мне легко, с ним я не чувствую себя никчемной.

Дома стаскиваю сапоги и прямиком иду в кухню.

– Любава, привет!

– Привет, моя красавица, как твои дела?

– Лучше всех. Можно мне чай и конфет?

– Конечно, моя хорошая. Как в школе? С Павликом не помирилась?

– Не…

– И правильно. Никогда он мне не нравился, глаза хитрющие.

– Это да, – смотрю в окно, размышляя над тем, как отпроситься на вечеринку.

– Держи чаек и конфетки.

– Спасибо, – делаю глоток и разворачиваю конфету, – Люб, к нам в субботу придут гости.

– Ох, одноклассник, твоя мать мне уже столько понарассказывала, что страшно.

– В смысле?

– Не надо тебе, девочка, с ним общаться.

– Почему? Что она сказала-то?

– Мальчик не твоего уровня и…

– Люба, ты чего? Я думала, кому-кому, но тебе в этом доме…

– Тише. Не кричи. Я это говорю, потому что они тебе жизни не дадут. Родители твои, – говорит отрывисто и с недовольством, – и так затюкали. Пойду я, у меня там еще уборка.

Люба уходит.

А она права. Жизни они мне не дадут. Отец по щелчку пальцев может запереть меня дома. И Богдана я больше никогда не увижу. Вздыхаю.

– О, ты уже дома, – мама, стуча каблучками, проходит в кухню и садится на соседний стул, – мы с отцом завтра с утра улетаем в Берлин, у него какая-то сделка, на которой нужно и мое присутствие, – гордо задирает подбородок.

А вот эта новость меня радует. Ужина не будет. Прекрасно. И на вечеринку отпрашиваться не придется. Просто уйду и все. Переночую у Куликовой.

Какие бы у нас отношения ни были, но комнаты ей точно

будет не жалко.

– Здорово, – улыбаюсь, – побудете с папой вдвоем.

– Поможешь собрать чемодан?

– Конечно.

Мама, почти летя, бежит в комнату. Иду следом.

– Хочу взять вот это платье, надену его на ужин.

– Классное. И черное какое-нибудь возьми, пригодится.

– Герда, ты права. От Шанель. Куда же без черного платья от Шанель, – улыбается. Сейчас у нее искренняя улыбка. Другая. Сегодня мама настоящая. Может быть, если бы отец любил ее хоть немного, у меня была бы мать.

Она что-то говорит, жестикулирует, но я словно в банке. Слышу лишь редкие фразы…

– Так что Броня сказал перенести ужин на следующее воскресенье.

– Хорошо. Мамуль, я пойду в комнату, спать так хочется. Все эти дополнительные занятия очень выматывают, – вру, потому что не могу сказать, что за плохое поведение хожу на отработки.

– Иди, конечно.

– Спокойной ночи.

После душа забираюсь на кровать, прихватив учебники. Нужно сделать домашку.

Пока перевожу английский, совсем не замечаю сообщения в вотсап. Открываю его, уже когда укладываюсь спать.

«Все хорошо? Не ругали тебя дома?»

Богдан – сама забота.

«Нет. Все хорошо»

Ответ приходит ровно через восемь минут. Я засекала.

«Отлично. Еще не спишь?»

«В процессе»

«Тогда спокойной ночи и до завтра»

«И тебе. Целую»

Нажимаю «отправить» и закрываю глаза. Телефон пиликает, сообщая об ответе.

«Целую. И хочу тебя потрогать, ну ты знаешь, да?!»

Кладу телефон на тумбочку, накрываясь одеялом с головой. Во мне через край плещутся чувства. Радость, волнение, страх, нежность, растерянность. Я не до конца уверена в завтрашнем дне, но мне очень хочется надеяться, что все это не мое воображение.

Глава 20

Богдан.

– Богдан, ты так проспишь, – мама стучит в дверь и заходит в комнату.

– Я уже встал.

– Ты даже глаза не открыл.

– Я поздно лег.

– И чем был занят?

– Бой вчера был. Я не мог пропустить.

– Можно было посмотреть запись сегодня.

– Ты чего? Это не то, – тянусь за телефоном, – пять минут, и я спущусь.

– Давай, иначе поедешь на автобусе.

– Ок.

Марина уходит. Зеваю, еле удерживая глаза в открытом положении. Бой реально был ах*енный. И плевать, что спать я упал часа в три. Четыре часа сна, конечно, никого не красят, но и сдохнуть не сулят.

Скидываю одеяло и тащусь в душ. Минут через пятнадцать мы с Ма уже выезжаем в школу.

– Сегодня тоже отработки, ты не забыл?

– Помню.

– Герда все же молодец, оправдала тебя, оболтуса. Честно, не ожидала от нее.

– Ага, сама спровоцировала, сама и оправдала, во позиция, – сжимаю кулак, вытягивая большой палец вверх.

– Да-да, но окна ты с ней мыть ходишь, – смеется.

– Откуда ты все знаешь? На мне жучок?

– Конечно, а ты как думал?

– Как-то так и думал. Слушай, поделись, когда тесты по хим-био будут…

– На следующей неделе, а что? – переключает скорость, медленно перестраиваясь в соседнюю полосу.

– Надо быть готовым и написать хуже Геры.

– Это зачем?

– Чтобы ее двинутый папаша не выносил ей мозг.

– У них все так серьезно?

– Там вообще мрак.

– Дела, – сворачивает на парковку школы, – но мне было очень приятно, что мой сыночек написал тест лучше всех.

– Ну тебе же будет не менее приятно, если я напишу чуть хуже этих лучше всех?

– Не будет, конечно. Вот смотрю я на тебя и поражаюсь твоей самоуверенности, мне бы такую.

– Поделиться? – выхожу из машины.

– Я бы не отказалась, – ставит машину на сигнализацию.

– Слушай, спросить хотел, можно на следующей неделе Макс у нас пару дней поночует?

– А что случилось?

– Вечером расскажу, посмеешься.

– Вечером послушаю. Тогда же и дам ответ.

– Договорились. Я на урок. Удачки.

– Беги уже.

– А слушай, я сегодня на день рождения иду. К Сереге. Катька ему решила устроить празднование, – замечаю боковым зрением подъехавшую тачку Геры.

– Хорошо. Только недолго.

– А можно долго? Завтра суббота.

– Нет. Ты себя плохо вел.

– Серьезно?

– Серьезно.

– И ты не передумаешь?

– Не передумаю.

– Ну может…

– Богдан, иди уже. Тебя там, кажется, ждут, – кивает в сторону.

Умка стоит у ступенек школы.

– Ладно. Пошел я. Но про др подумай, – целую Ма в щеку и быстренько сваливаю.

Гера сжимает в руках сумку, смотря себе под ноги, вращаясь из стороны в сторону.

– Привет, – касаюсь ладонью ее спины, – поцелуемся?

Ответ я знаю. Сзади топает Ма.

– Привет, – протягивает мне руку, – потом.

Сжимаю ее ладонь, немного поправляя лямку рюкзака, и, взбежав по ступенькам, открываю дверь. Пропускаю Геру

вперед.

– Мои родители уехали сегодня с утра и на все выходные. Теперь я точно могу пойти с тобой.

– Отлично.

– А что ты будешь дарить? Нужно же мне тоже что-то купить…

– Блютусные уши и пачку презиков, – вешаю куртку.

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Я в шоке…

– От ушей или от…

– Молчи, – касается пальцами моих губ, смеется.

– Странная ты.

Гера копошится с пальто, я уже стою у окна. Жду. Мимо проплывает Сомов за руку с Соколовой, Умка выходит, как раз когда они маршируют мимо выхода из раздевалки.

– Богдан, – демонстративно, – посмотри, пожалуйста, у меня, кажется, сережка расстегнулась.

Показушница. Отталкиваюсь от подоконника, подходя к ней. Гера теребит пальцами уши, а мне остается только закатить глаза.

– Пошли уже, – тихо, – сережки у нее.

– А чего они?! – морщит нос.

– Еще раз такое выкинешь, я тебя прибью, – целую и подталкиваю в сторону лестницы.

– А что я такого сделала?

– Наши с тобой отношения – это только наши с тобой отношения. Не надо устраивать показуху. Мне это не нравится.

– А если мне не нравится, что тебе не нравится?

– Подай мне письменную жалобу, я рассмотрю в течение недели.

– Ага, сейчас, уже пошла писать.

– Я серьезно про показуху.

– Я поняла, извини, привычка.

– Привычка кого-нибудь уколоть.

– Она самая.

– Какой кошмар.

– Не то слово.

– О, Ма сказала, что тесты твои на следующей неделе будут.

– Почему это они мои?

– Даже и не знаю, – заходим в класс.

Первая – биология.

– Ты же со мной сядешь? – оборачивается, шагая вперед.

Гера садится за первую парту. Сомов пересел к Соколихе на соседний ряд.

– Ага, – падаю на стул рядом с одуваном.

Звенит звонок. Катюша забегает в класс с растрепанной головой, привлекая к себе все внимание.

– Такое ощущение, что она с кем-то… – Гера замолкает, – и пришла на урок.

– Да не ощущение, – оборачиваюсь в Катюшину сторону, –

суровая реальность, – закусываю колпачок от ручки.

– Фу, – поворачивается ко мне, – когда, ты там говоришь, тест?

– На следующей неделе.

– Надо подготовиться.

– Готовься, готовься.

– А ты?

– И я.

Биологичка шумно заходит в класс, все встают.

– Присаживайтесь, проверим домашнее задание.

Смотрю на Геру, она по уши погрязла в учебнике.

***

После уроков иду к завхозу с улыбкой и коробкой конфет. Мне очень нужно сегодня свалить.

– Лариса Анатольевна, вы, как всегда, прекрасно выглядите, – давлю лыбу.

– Чего тебе, Шелест?

– Ларисочка Анатольевна, можно мы с Гольштейн все в понедельник сделаем?

– С чего бы вдруг?

– Очень надо. Все что угодно просите, – кладу на стол коробку конфет.

– Подготовился, значит.

– Малек.

– Ладно, шут с тобой, иди, в понедельник все сделаешь. А просьбу я за выходные придумаю.

– Заметано. Классная прическа.

– Спасибо, ну и жук ты, Богдан.

Улыбаюсь и выхожу из кабинета.

Домой приезжаю где-то через час. Великая слава Иванычу, который отменил сегодня треню. Открываю дверь и сразу же натыкаюсь на Марину. Бл*!

– Я что-то не поняла? Ты где сейчас должен быть?

– Я отпросился, – стаскиваю куртку.

– И Лариса Анатольевна тебя отпустила?

– Ага.

– Странно. Очень странно, обычно она непреклонна.

– Я поулыбался…

Марина смеется.

– Пошли тогда поедим. Заодно расскажешь свою смешную историю про Федосеева.

– А, точняк, пошли.

На кухне достаю тарелки. Пока мама разогревает суп, поднимаюсь наверх и вытряхиваю из шкафа черные джинсы. Еще бы рубашечку белую найти… Куликова же там почти светский раут зах*рачила. Что у нее в голове?

Да ну на*ер, футболка и пиджак, так пойду. Какая, к черту, рубашка?!

– Мам Марин, а где утюг?

Ору, спускаясь по лестнице.

– В кладовке в прихожей, а тебе зачем?

– Да пиджачок пригладить надо.

– Пошли поедим, и я потом поглажу.

– Спасибо.

Беру солонку, даже не пробуя суп. И так знаю, что не соленый. Ма всегда недосаливает.

– Соль – белый яд, ты помнишь?

– Ну я чутка потравлюсь, – вытаскиваю из пакетика кусок хлеба.

– Ой, Богдан.

– Ма, я тут думал насчет того, что ты говорила про поступление. Я думаю, что юрфак реально будет норм.

– Неожиданно.

– Ага, буду выступать от клуба и параллельно учиться. Года через пол уже заключу контракт с неплохим клубом… поэтому юрфак мне пригодится.

– Ты по-прежнему не хочешь оставить спорт как хобби?

– Нет.

Отвечаю отрывисто. Спорт я не брошу. Да и не интересно мне больше ничего. А хочется кайфовать оттого, что делаешь.

– Ладно. Я понимаю, что тебя не переубедить. Поэтому уже не раз думала о том, что делать дальше… у меня есть один знакомый, он помог мне обойти все формальности и временные рамки, когда мы оформляли документы по усыновлению. Так вот, он сможет как-то помочь и здесь…

– Не надо.

– Что? Почему? – с удивлением и едва заметной обидой.

Не хочу ее обижать. Она хочет помочь. Сделать как лучше… только вот я не желаю зависеть от какого-то левого дяди, и, ко всему, повторно вогнать ее перед ним в долги. Не делают такие люди ничего просто так. Нет.

– Я не буду ни от кого зависеть.

– Милый, зависеть все равно придется. От спонсора, от своей команды, придется, – спокойно с улыбкой, едва касаясь пальцами моей руки.

– Это все случиться потом, и ты не будешь в это втянута.

– Ты переживаешь за меня? – улыбка становится шире. – Саша – хороший человек, мы знаем друг друга сто лет.

– Ты ему уже звонила, да?

Не сложно догадаться.

– Звонила, – Ма, как школьница, опускает глаза, – я хочу как лучше.

– Ладно. Хорошо, не буду спорить.

Пусть она думает, что я не против. Дам отказ этому дяденьке лично.

– А, про Федосеева. Ты же знаешь, что у него вечные тусы?

– Конечно, вы ползимы там торчали.

– Во-от, у него батя прилетает, и будет Максону головомойка за все. Ему надо где-то отсидеться.

– Ну, лично я не против, чтобы Федосееву устроили линчевание, у него успеваемость всю статистику вашему классу портит.

– Значит, нет?

– Я позвоню его отцу и приглашу к себе в кабинет. Думаю, обойдемся без жертв.

– Слабо верится.

– Ты помнишь, что сегодня в двенадцать уже сидишь в своей комнате и смотришь телевизор?

– Ну, Ма, давай в час?

– Сейчас будет десять.

– Ладно, слушаюсь и повинуюсь.

После обеда, пока Марина гладит пиджак, мою посуду. В ушах бит, и я в нирване.

В семь уже подъезжаю к Катькиному дому. Заморочилась деваха.

Гирлянды, украшения, официанты… Ну, Мелок «обрадуется».

Со стороны наблюдаю за этим представлением, жду Геру.

– Привет, – холодные ладони накрывают мои глаза.

– Привет, – завожу руки за себя, обнимая Умку.

– Давно ждешь? – опускает ладони.

– Не, – оборачиваюсь к ней.

– Тут есть шоколадный фонтанчик.

– Искупаемся?

– Не сегодня. А где твой друг?

– Да без понятия, я здесь вообще никого не знаю.

– Да? Я думала, Катя устаревает дэрэшку, а не очередную вечеринку.

– Да не наше дело.

– Чуть-чуть наше, – морщит нос.

– О, Танюха, – Мелкова стоит в полной растерянности.

Иду в ее сторону, чувствуя, с какой силой Гера вцепилась в мою руку.

– Привет, потеряшка!

– Привет, Богдан, как хорошо, что я тебя встретила.

– А не только с Богданом здороваться не учили?

Гера, вашу мать. Танька бледнеет.

– Привет, – бормочет, явно теряя остатки настроения.

– И тебе не хворать.

Умка блистает в своем сарказме. Гадина.

– Гера…

– А что я такого сказала? Это правила приличия, здороваться с людьми.

– Помолчи, пожалуйста, – говорю тихо, чтобы слышала только она.

Гера цокает языком, закатывает глаза, но помалкивает.

– А Серый где?

– Катя его увела, я толком ничего не успела понять. Все это было плохой идеей, честно говоря. Чувствую себя здесь не в своей тарелке.

– Да я себя всю жизнь так чувствую, – встревает Умка, – не парься ты. Посмотри на них, как вообще среди большинства этих людей можно чувствовать себя нормально? Они же питекантропы…

Таня внимательно смотрит на Геру, пробегает глазами по гостиной, выдавливая улыбку.

– Я молодец? Я ее поддержала? – тыкает меня в бок.

– Просто сотый левел, – закидываю руку на ее плечо.

– Пойдемте что-нибудь съедим. Что мы тут стоим?

– Ага, к фонтанчику сходим, шоколада похлебаем.

– Богдан!

– Что – Богдан? Пошли. Танюх, что встала? Идем с нами.

До фонтана мы не доходим, тормозим у стола с клубникой в шоколаде. Пока Гера хомячит, как в последний раз, сканирую помещение – где этот Мелок?!

– Ешь. Что ты встала как в гостях?

Пока Гера командует Танькой, беру тайм-аут, незаметно исчезая.

Выхожу из гостиной, как раз натыкаясь на Мелка и Катьку.

– Здорово, ну ты, мать, устроила.

– Что? Что-то случилось?

– Да не.

– Богдан, ты Таню не видел? – беспокоится Серега.

– А, она там с Герой.

Катюша округляет глаза.

– Это его новая девушка, – объясняет Серому, – только я не понимаю, как принцесса осталась там с ней одна.

– Нормально. Харе на нее гнать

– Кто на нее вообще гонит? Она сама на всех кидается.

– Все, успокойся. Серый, с др, ну ты сам все знаешь.

Хлопаю его по плечу, отдавая свой подарочек.

Когда возвращаюсь к Гере, замираю на расстоянии несколько шагов. Она смотрит в одну точку, прижимая руки к груди. Знаю, куда она смотрит, и знаю, почему не шевелится. На другой стороне комнаты Катюша обнимается со своей матерью, смеется, та гладит ее по голове, что-то спрашивает у Серого.

Обнимаю Умку, прижимаясь щекой к ее виску.

– Пойдем домой.

– Я не хочу, – словно в трансе, все еще наблюдая за семейством Куликовых.

– Останешься у меня. Я посплю в гостиной.

– А Марина Юрьевна?

– А че она?

– Не будет против?

– Если я буду спать в гостиной, да еще по своему желанию, то точно не будет.

Глава 21

Герда.

К Богдану мы приезжаем довольно быстро. Настроение колышется где-то на нуле. Я сижу в его объятиях и жалею себя. Ну почему? Почему такая несправедливость? Чем я хуже Куликовой? Почему моя мама мне не подруга, а враг? Почему отец ненавидит все, что связано с моими друзьями? Что я сделала не так? Родилась?

– Приехали, пойдем.

Киваю и шагаю за ним следом. Мне в очередной раз стыдно перед Мариной, я представляю, что она и так обо мне думает. А я все навязываюсь и навязываюсь в их дом. Богдан открывает дверь и включает свет.

– Какая пунктуальность, даже раньше на целых два часа, – Баженова с улыбкой выходит в прихожую, кидая на меня заинтересованный и немного шокированный взгляд.

– Я не пила, – бубню себе под нос.

Богдан ржет и вешает свою куртку в шкаф.

– Это похвально. Объяснишь?

Богдан берет мое пальто и вешает на плечики.

– Гера переночует у меня в комнате, а я перекантуюсь на диване.

– Мне есть, о чем волноваться?

– Нет.

– Хорошо. Не забудь, у тебя с утра тренировка.

– Помню, конечно. Пошли, – уже мне.

Опустив глаза, иду за ним по лестнице.

– Мне кажется, она не очень довольна.

– Да нормально все. Не парься. Если и выскажется потом, то мне, ты здесь ни при чем.

Замираю посреди комнаты, понимая, что на мне длинное бледно-розовое платье, в котором совершенно неудобно жить вообще.

– Слушай, – подбираю слова, – можешь одолжить футболку и шорты? Я в этом розовом мешке больше ни минуты не выдержу.

Шелест улыбается и кидает мне вещи. Я смотрю то на дверь, то на него.

– Мне выйти? – указывает на дверь.

– Не мешало бы.

– Ок, ща, ток переоденусь. Можешь не выходить, – в своей гадской манере с улыбкой до ушей.

Пока я соображаю и моргаю глазами, Богдан расстегивает рубашку, стягивает ее с плеч и как попало кидает в шкаф. А мама была права, кубики у него реально есть. Господи, о чем я думаю?

Шелест напяливает футболку, быстро переодевает брюки и без слов выходит из комнаты.

Вздрагиваю, понимая, что представление, кажется, закончено. Кладу вещи на диван и только сейчас осознаю, что не

расстегну это платье без помощи. Молния очень маленькая, еще и сзади. Ладно, стоит попробовать, завожу руку за спину, протаскиваю змейку чуть ниже лопаток, и она застревает. Черт. И через ноги его не снять, корсет слишком узкий.

– Блин.

Выглядываю за дверь.

– Богдан, – не ору, но говорю чуть громче, чем обычно.

– Чего? – а вот он орет.

– Подойди, пожалуйста, – понимаю, что он в гостиной внизу.

На лестнице слышится топот, и я прячусь за дверь.

– Все, переоделась?

С этой фразой он залетает ко мне и хмурится.

– Помоги, – стою к нему спиной, – застряла.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что предлагаешь мне тебя раздеть?

– Я прошу тебя помочь расстегнуть змейку, которую заклинило.

– Ну это да, это другое дело, – сжимает края ткани у змейки и аккуратно тащит собачку вниз, перед этим подергав ее взад-вперед, – готово.

Крепче прижимаю лиф платья к груди. Шелест так и стоит за спиной, а у меня трясутся поджилки. Он же ничего не сделает? Да? Медленно выдыхаю.

– Гера, ты че трясешься так? – кладет ладонь мне на живот. – Ты же в лифчике. Чего я там не видел? Переодевайся

уже. Я не смотрю, отвернулся.

– У тебя зеркало на стене висит, не смотрит он, – все же стаскиваю платье, быстро надевая футболку. Она длинная на мой рост, поэтому можно не торопиться и уже нормально влезть в шорты.

– И что мы будет делать? Спать чет неохота, – а сам зевает и чешет затылок.

Насмотревшись, зеваю следом.

– Не знаю, но в игры твои я играть не буду.

– Я тебе и не предлагаю, ты слишком буйная после них. Киношку надо найти.

– Какую?

– Щас и посмотрим, – берет ноутбук и заваливается на диван.

Сажусь рядом, вытягивая ноги. Это божественно. Я так устала от каблуков, просто невыносимо.

Пока Богдан ищет фильм, рассматриваю его комнату. Ну ничего особенного, бардак, причем такой, что странно, как он себя с утра находит. На столе замечаю кубок, на крючке внутри полки висящие медали, проходные бейджи… на самой полке перчатки, не боксерские, а маленькие, с обрубленными пальцами.

Какие-то ручки, тетради, книги, последние в основном о бизнесменах, спортсменах, великих людях, много англоязычной классики. Что, честно говоря, шокирует.

– Ты читаешь оригиналы?

– Что? – понимает, куда я смотрю. – Так, не все понимаю. С фильмами попроще, на слух лучше воспринимаю.

Он говорит это обыденным тоном, а меня гложет зависть. Я шарю в английском, но даже я не читаю классику на языке оригинала, да и фильмы не смотрю. Кажется, я бездарна.

– Ну смотри, это вот недавно был, а это из старенького.

– Включай, что хочешь.

– Что опять случилось?

– Ничего, – отмахиваюсь, умом понимаю, что дуюсь на выдуманную собой же проблему… но, блин, я такой человек.

– Гера, – откладывает ноутбук, подтаскивая меня к себе. Он всегда это так делает, что у меня складывается впечатление, что я ничего не вешу, – ну, Гера, – целует в губы, щеки, нос. Это щекотно и смешно.

Не могу сдержаться и начинаю хохотать.

– Прекрати. Пожалуйста, вдруг Марина Юрьевна войдет.

Шелест закатывает глаза, но руки убирает. Находит свой фильм уже на телеке и, словно меня здесь нет, заваливается на кровать. Показательно складывает руки на груди, пялясь в экран.

– Богдан, – ложусь рядом, – ну, Шелест…

– Чего тебе, Гольштейн?

– Не дуйся.

Он молчит.

– Что за фильм? Это боевик?

– Нет.

– Фантастика?

– Нет.

– Комедия?

– Ага.

Такой Шелест меня бесит, и в то же время мне хочется его заобнимать. Он в своих обидках похож на плюшевого медведя.

– Ты мне тоже нравишься, очень-очень, – подползаю выше, упираясь лбом в его висок.

Богдан улыбается, его рука очень быстро оказывается за моей спиной. Он продолжает делать вид, что смотрит фильм, но сам перебирает пальцами мои волосы.

Опускаю голову на его руку, вытягиваясь на кровати. Не знаю, куда деть руки, но в итоге, переборов стеснение, обнимаю Богдана, прижимаясь ближе. Мне так спокойно. Тепло. Я словно в непробиваемом коконе. В нем настолько классно, что хочется продлить этот момент как можно дольше.

Богдан слишком неожиданно переворачивается на бок. Его ладонь гладит мое лицо, он смотрит на меня так, что хочется растаять. Меня переполняет нежность, трепет ощущается на кончиках пальцев.

Теперь поцелуй не становится неожиданностью. Он становится исполнением моего желания. Богдан целует с напором, еще немного, и точно откусит от меня кусок. Улыбаюсь. Отвечая на поцелуй с неменьшим азартом. Я погрязла в Шелесте настолько, что мне страшно представить день, в кото-

ром его не будет. От этих мыслей покрываюсь мурашками. Пока его руки заползают мне под футболку. Замираю. Приятно. Но… я не готова. Все это быстро. Быстро. Но Богдан просто кладет свою ладонь мне на спину, прижимая к себе сильнее. Его рука покоится и не ищет путей поползновения.

Отрываюсь от его губ, разглядывая лицо. Волевой подбородок, теплые шоколадные глаза, немного широкий нос и грубые, словно выточенные из камня, губы. Когда он ухмыляется, то похож на дьявола.

– Насмотрелась?

Вздрагиваю. В своих рассуждениях я немного потерялась в пространстве.

– Насмотрелась.

– Сколько там время? – тянется за телефоном. – Так, все, я спать, у меня завтра пробежка в шесть.

Он начинает подниматься. Хватаю его за руку.

– Не уходи, полежи со мной еще чуть-чуть.

***

Богдан.

Шесть утра. Тело затекло, поворачиваю голову, понимая почему. Гера… Я так и не ушел спать в гостиную. Меня вырубило здесь. Мама Марина будет не очень рада. Аккуратно поднимаюсь с кровати и спускаюсь на кухню.

– Доброе утро, – наливаю в стакан воды из бутылки.

– Доброе? Что-то я не заметила тебя в гостиной.

– Сорри, меня вырубило наверху.

– Богдан, – она откладывает полотенце, которым до этого вытирала руки, – я не монстр и все понимаю. Но вам сколько лет? Что за странные отношения? Вы еще в школе учитесь. А ведете себя так, словно жениться завтра собрались, – Ма негодует, и я ее отчасти, наверное, понимаю.

Сам об этом думал. О формате наших отношений. Все как-то быстро, открыто и, с*ка, душевно. Ладно, об этом позже.

– Ну, может, у нас любовь? – приподымаю бровь.

– Школу закончите и …

– И универ в придачу, и когда вам будет по тридцать лет, решайте за себя, – заканчиваю фразу за нее, – я понял, – на истину в своих словах не претендую.

– Все это не закончится хорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! – отрезает ледяным тоном.

Убираю руки в карманы и, делая скучающий вид, выхожу из кухни. Пойду на пробежку, мне не помешает проветрить мозг.

На улице медленно сходит снег, появляются грязные лужи, ускоряю темп, прибавляя громкость в наушниках.

В словах мамы Марины, конечно, много разумного. Она старше, умнее. Но я вроде тоже не дегенерат, и мозги у меня присутствуют. Не понимаю, что плохого в наших с Герой отношениях? Плохо от этого кому? Разве что Сомову с его

самолюбием. Перехожу на быстрый шаг. Две минуты, и наращиваю темп.

Сколько будет длиться это капанье на мозг? Я без претензий к Ма, но это бесит. Вот реально бесит. Хотя, думаю, после ужина с родителями Геры все станет кристально прозрачно. Вот там, я чувствую, будет интересная, но в то же время мерзкая беседа, а-ля головомойка.

Через час возвращаюсь домой. Громко хлопаю дверью. Не специально, не успеваю придержать. Снимаю кроссовки и иду в душ. Когда возвращаюсь, понимаю, что Ма уехала, тачки во дворе нет. Как и Геры, собственно. Вот это уже интереснее.

Звоню, Гера трубку не берет. Прекрасно. Видимо, мамино недовольство перетекло и на Гольштейн. Хотя на нее и наезжать не надо, она и так готова голову по ж*пу в песок засунуть.

– Ладно, идите вы все, – швыряю футболку в корзину для белья.

Минут через сорок спускаюсь в метро. Еще только девять, а я уже в зале. Что странно, слизняк Сомов тоже тут околачивается. А ему-то что не спится?

Иваныч, как и всегда, дрючит нас по полной. Сегодня рукопашка и трешевое тягание железа, после он зовет меня в свой кабинет.

Киваю и, вытерев морду полотенцем, закрываю за собой дверь.

– Присаживайся. Ты сегодня в очень хорошей форме, сразу видно, всю дурь из головы выкинул.

Ну-ну. Ирония – вещь такая.

– Богдан, тебе стоит сделать упор на самбо, но сейчас не об этом. После наших выступлений в Грозном тобой заинтересовалась одна команда, их руководитель будет здесь минут через десять.

– То есть?

– Думаю, да.

Стучу пальцами по столу. Честно, я ждал чего-то подобного, но не так скоро. Хотя – куй железо, пока горячо.

В дверь постучали. Иваныч пригласил чела в костюмчике зайти, а сам направился в зал.

– Юрий Ростиславович.

– Богдан, – ответно протягиваю руку.

– Не буду ходить вокруг да около, нас заинтересовало твое ведение боя. Это было достаточно интересно, – скользкая улыбка пробегает по загорелому лицу, – поэтому мы готовы предложить тебе присоединиться к нашей команде. С нами и твоим упорством у тебя будет хороший шанс выйти на профессиональный уровень. Наши бойцы участвуют в боях под эгидой FIGHT NIGHTS GLOBAL.

– Я могу подумать?

– А стоит?

– Думать всегда стоит. Дайте мне сутки. Завтра в это же время я дам свой ответ.

– Хорошо. Пусть будет так. Восемнадцать тебе в этом месяце?

– Двадцать седьмого.

– Хорошо, так и запишем – двадцать седьмого апреля. Завтра жду от тебя звонка, – протягивает мне свою визитку.

Домой прихожу ближе к вечеру. Мам Марина читает Достоевского. Прижимаюсь плечом к косяку, рассматривая ее под тусклым светом ночника. Иногда смотрю на нее и задаюсь вопросом: почему она все же одна? Красивая, стройная, с мозгами… или я чего-то не догоняю? Хотя, судя по тому, что она «знает», стоит только заговорить о будущем с Герой, видимо, все у нее было совсем не просто.

– Раздевайся и иди ужинать, – отчитывает, не поднимая глаз.

– Меня пригласили в команду. До завтра нужно дать ответ.

– Куда? – откладывает книгу.

– В *** , они проводят бои неплохого масштаба, если все делать правильно, можно засветиться и заинтересовать американские представительские клубы…

– И что ты решил? Я надеюсь, это в Москве?

– В Москве, думаю согласиться. Это хороший старт.

– Тогда поздравляю? – улыбается.

Вот такая Ма мне больше нравится.

– Спасибо.

– Пойдем, ужин разогрею.

– Ща, только руки помою. Мама, – ору из ванной, – а ты не в курсе, куда Гера так быстро делась?

Захожу в кухню, мама делает вид, что не слышит.

– Мама.

– Что?

– Герда, говорю, куда так быстро ускакала с утра? На звонки не отвечает…

– Богдан, давай потом.

– Давай сейчас, – знаю, что давлю на нее, но не хочу верить и слышать то, что это она настращала Геру.

– Мы друг друга немного не поняли…

– Спасибо, – сажусь на стул, – ты очень облегчила мне жизнь.

– Кажется, преподаватель из меня никакой, как и психолог.

– Забей. Давай ужинать.

Ем и думаю, как теперь лучше поступить… с Герой я помирюсь, это факт. Но вот сказать ей для этого что-то придется? Только что? Я не желаю выставлять Ма чудовищем, и прекрасно знаю, что она хороший человек. Не права, но говорила на эмоциях. Не понимаю ее маниакальной тревоги по этому поводу, ну да ладно.

«Гера, возьми трубку, нужно поговорить» – нажимаю «отправить». В ответ тишина.

Глава 22

Герда.

– Из этого не будет ничего хорошего, вы слишком разные, – Баженова хмурится, сжимая губы в тонкую линию, – Герда, я не отношусь к тебе плохо, просто пойми, ваши отношения напоминают гонки на огромнейших скоростях. Вы сходите с ума, сами того не замечая. Это ненормально. Точнее…

Стою, смотрю на нее и трясусь, словно листочек на ветру. Я знаю, что она права. Знаю, что я заигралась, решила, что могу все преодолеть. Решила, что самая обычная, что за моей спиной нет всей этой гнетущей ситуации дома. Нет отца тирана, нет состояния, которое давит и обязывает придерживаться определенных правил.

Глупая. Какая же я глупая…

– Я понимаю, извините, мне нужно идти.

Она что-то еще говорит. Хочет сгладить ситуацию, но мне все равно, поднимаюсь наверх. Втискиваюсь в свое платье. Без слов натягиваю пальто и сапоги, быстро уходя из этого дома. На улице иду куда глядят глаза. Денег у меня с собой нет. Только телефон. И, как назло, карта к нему не привязана. Шатаюсь так где-то час. Потом звоню водителю. Он забирает меня, сама не знаю откуда.

Захожу в свою комнату, и сердце предательски екает. На

дисплее высвечивается «Богдан», скидываю вызов, всхлипывая. Он звонит еще и еще, в итоге я просто выключаю телефон. Мне нечего ему сказать, и я понимаю, что все вокруг правы. И если Шелест может идти напролом, не считаясь с чужим мнением, то я – нет. Я жалкая трусишка, неспособная принять решение.

Закрываюсь в ванной. Набираю воды. Сижу так часа два, постоянно подливая погорячее. Тело становится ватным. Мне абсолютно все равно. Но когда ночью включаю телефон, видя смс от Богдана, эта агония начинается снова.

Утром в воскресенье возвращаются родители. На лицах, как всегда, недовольство. И почему они вечно настолько недовольны всем происходящим в их жизни, недоумеваю?

Все воскресенье занимаюсь какой-то ерундой и очень боюсь идти в школу. Шелест звонил мне еще несколько раз, но я не брала трубку. Уверена, он выскажется. Но только я выскажусь тоже!

Перевернувшись на другой бок, переключаю канал. Сто лет не смотрела телевизор, а сегодня от отчаяния и безделья докатилась и до него. Смотрю какой-то фильм. В подробности не вникаю. Он идет фоном. Я же думаю о словах Баженовой. Она не говорила их со злобой, нет, но она явно недовольна нашими с Богданом отношениями. Может, я надумываю, и она имела в виду что-то другое. Что-то вроде: будь аккуратнее со своими родителями? Может… но вряд ли. Поднимаюсь с кровати и, накинув куртку, выхожу во двор. Мама

стоит на верхней террасе и громко разговаривает по телефону. По ее тону, явно с мужчиной, по проходящему и слышащему ее трындеж отцу ясно, отчего громко.

– Ты на работу? – интересуюсь больше на автомате.

– Да, – поднимает глаза наверх, – дурдом.

Прячу улыбку. Я уже настолько привыкла к этому цирку, что реагирую на их отношение скорее как на каламбур, нежели на трагедию. Хотя каламбур в какой-то степени и есть трагедия.

– Как дела с учебой?

Ну да, больше спросить не о чем.

– Все хорошо. На следующей неделе еще один тест.

– Надеюсь, в этот раз лучший результат будет у тебя.

– Надеюсь, – чуть плотнее укутываюсь в куртку, отец смотрит с интересом.

– Надеешься?

– Ага. В тот раз Богдан написал его лучше меня.

– Так твой дружок и есть тот отличник?

– Ага.

– Становится все интересней, – убирает руку в карман, – не забудь пригласить его на ужин. И по поводу теста, ты же помнишь, что было в прошлый раз? Надеюсь, больше подобной оплошности не повторится.

Отец уходит, не дождавшись ответа, а я понимаю, что мы целых пять минут поговорили нормально. Он не орал, не давил, и пару раз на его лице проскользнула полуулыбка. Это

сон, или у меня окончательно поехала крыша. Сую руки в карманы, нащупывая телефон. Снимаю блокировку, но везде по нулям. Богдан больше не звонил и не писал. Хотя… я сама в этом виновата.

Поднимаю взгляд на мать, она вытягивает шею, наблюдая за отъезжающей машиной отца. Хмурится и убирает телефон от уха.

– Чего встала? Домой иди, уроки делай! – орет, как больная.

Я закатываю глаза и иду в сад.

В понедельник нам ко второму уроку. Всем, кроме меня, Шелеста и Сомова, мы идем на отработки. Захожу в кабинет завуча, потому что курирует все это она, и понимаю, что пришла первая.

Марина Юрьевна снимает очки, внимательно меня осматривая.

– Присаживайся.

– Спасибо, – сажусь на стул подальше от ее стола, она замечает мою робость, улыбается.

– Ты, наверное, записала меня во враги?

– Нет. С чего вы взяли?

– Быстро убежала, я не успела договорить.

– А было что-то еще? – приподымаю бровь.

– Было, но если беседа пойдет в таком тоне, то я точно скажу что-нибудь не то, – немного откидывается в кресле.

– Извините.

– Ничего. Герда, мои слова не были поводом тебя задеть. Ни в коем случае. Просто я хочу, чтобы вы были осторожными. Вы подростки, ваши отношения, это, конечно, нормально, но не стоит столь быстро переводить их на какой-то сверхсерьезный уровень, после будет больно падать. Когда поймете, что все не так идеально. А вы поймете, закончите школу, пуститесь в более-менее свободное плавание и столкнетесь со многими проблемами. Не торопите события.

– Мы не спим, если вы об этом.

– Ты меня, конечно, успокоила, но я не об этом. В конце концов, когда вам этого захочется, мои слова вас не остановят, поэтому здесь я как-то больше полагаюсь на вашу голову и умение брать на себя ответственность за свои поступки.

– То есть вы не против наших отношений?

– Нет, но если все будет медленно и без постоянных концертов, какие я наблюдаю последние две недели.

– Я вас поняла. Можно вопрос?

– Конечно.

– Вы сказали, что мы разные. Что вы имели ввиду?

– Ты привыкла жить иначе, чем Богдан. И это нормально. Я бы сказала, даже хорошо. Просто сейчас вы не видите в этом проблемы, но потом она вас обязательно настигнет.

Хочу ответить, но в кабинете появляется Сомов. Кидает на меня недовольный взгляд и садится в другом углу.

– Так, где Шелест? – Марина Юрьевна недовольно берет телефон, видимо звонит Богдану. – Живо ко мне в кабинет.

Минут через пять Шелест распахивает дверь, вальяжно заходя внутрь.

– Здесь я, здесь.

– Клоун, – бурчит Сомов.

– Че ты сказал?

– Богдан!

– Я молчу, – прижимается спиной к стене, складывая руки на груди. На меня не смотрит. Гад.

– Итак, сегодня у вас последний день отработки. Маргарита Владимировна пошутила о длительности ваших работ. Доделаете все, что на вас висит, актовый зал, например.

Богдан кивает.

– А после уроков пойдете разбирать школьный архив. За сколько дней справитесь, столько и останется вам работать после уроков.

Сомов ухмыляется и хватается за ручку двери.

– Я, кажется, еще никого не отпускала. Сядь на место. Богдан, физрук просил тебя помочь ему с подготовкой к соревнованиям для младших классов, подойдешь к нему, он тебе все расскажет. Ты у нас в этой ситуации самый виноватый, тебе и отдуваться. Вот теперь можете идти.

Сомов пулей вылетает из кабинета, а я иду в актовый зал. Богдан проваливается по дороге в черную дыру и приходит, уже когда я домываю последнее окно.

– Вот это картина, – хлопает в ладоши.

Молча кидаю тряпку в ведро и несу его на выход.

– Хорош дуться, я тут вообще ни при чем, – забирает у меня ведро.

– Я не дуюсь, – тру руки о брюки.

– Ну-ну. Че ты это ведро вообще схватила? Занавески снять надо, чтобы стразу все отдать.

– Тебе еще полы вымыть надо. Я не собираюсь тут все за двоих делать, даже не думай.

– Да? Зато вот решать за двоих у тебя получается неплохо.

Краснею.

– Да потому что все ко мне лезут. Что-то хотят доказать. Бесит, ясно тебе? – ору как ненормальная. – Меня все это бесит! Что они вообще знают? Ничего!

Накрываю лицо руками и начинаю рыдать. Причем громко так, взахлеб. Не знаю, почему реагирую так именно сейчас, но мне жутко обидно, что никто в меня не верит, в нас никто не верит.

– Умка, да чего ты всех слушаешь? – смеется.

Смешно ему. Вечно смешно. Всхлипываю.

– Ну говорят и говорят, пох*й.

– Я так не могу, у меня не получается.

– Не реви, – притягивает к себе, – побурчат и успокоятся. Моя Ма высказалась, теперь батю твоего послушаем. Когда там ужин?

– Только не это. Мне даже подумать страшно, что это будет.

– Нормально все будет, не ссы. Щас я полы быренько по-

мою, и пойдем.

– До урока десять минут.

– Успею, – отмахивается, засовывая швабру в ведро с грязной водой. Та еще помывочка.

***

После уроков мы разбираем школьный архив. Расставляем все папки по алфавиту, вклеиваем стикеры в справочники. Вообще работа непыльная. Но скучная.

Сомов злобно смотрит на Богдана, расставляя папки на буквы «И». Ему, идиоту, подходит.

– Ты во мне так дыру просмотришь.

Шелест смеется, разглядывая какие-то файлы. Глаз не поднимает.

А у меня кровь застывает. Не хочу повторений. И драк здесь тоже не хочу.

– Да нужен ты мне, выродок.

– Нарываешься? – спокойным тоном.

– Богдан, – вмешиваюсь, подскакивая со стула, – пойдем поедим. Я устала. Хватит на сегодня этих работ.

– Ага, – откладывает папку, хищно смотря на Павлика.

Атмосфера, я вам скажу, отвратительная и до жути пугающая.

– Богдан, – тихонько тяну его за рукав.

– Идем, – теперь уже смотрит на меня. Губ касается улыбка.

– Не реагируй на него, он же специально.

– А то я не знаю.

– Подожди, – чувствую вибрацию телефона в прижатой к боку сумке. – Да, пап.

– Герда, у меня сегодня более свободный вечер, потом я улетаю. Думаю, тебе стоит пригласить своего друга к нам сегодня. Скажем, в семь.

– Уже пять.

– И отлично.

– Пап… – он скидывает, вздыхаю.

– Че хотел?

– Сказал тебя сегодня к нам позвать.

– А, ну я согласен. Че у вас там на ужин? Знай, на меньшее, чем лобстеры, я не настроен.

– Богдан, как ты можешь быть таким спокойным? Меня лично тошнит, как только подумаю.

***

Богдан.

В семь захожу в особняк Гольштейнов. Да я пунктуален. Вид этого огромного элитного домины мне не доставляет и единицы эстетического удовольствия. Сплошной антиквариат. Чего-чего, а коллекционирование рухляди, причем за такой ценник, я не понимаю вообще.

Все такое мрачненькое, переполненное снобизмом и эмоциональной нестабильностью. Как они тут вообще живут? Повеситься хочется от одного вида.

И это только гостиная. Если что.

Полноватая женщина в униформе и с очень добрым лицом предлагает присесть. Киваю, садясь на диван. А, ну обувь, само собой, они не снимают.

Гера бегом спускается по лестнице. На ней оливковое платье с четвертным рукавом и серые капроновые колготки.

– Привет, – останавливается позади меня, упираясь руками в спинку дивана, – как тебе?

– Тебе честно?

– Хотелось бы.

– Как в склепе.

Домработница издает смешок и направляется прочь.

– Ты только маме это не ляпни, она устроит показательную истерику. Это ее интерьерчик. Идем в столовую, – протягивает руку.

– Ну пошли.

Что я чувствую? Да ни хрена. Мне пофиг. Гера переживает, по ней видно. Ну и я чего, чувствую, с какой силой она сжимает мою ладонь. Я же больше склонен думать, что я в цирке. Уверен, сегодня будут все – и клоуны, и тигры.

Сажусь на стул, Гера усаживается рядом.

– Успокойся ты уже, – смотрю на приборы, понимая, что я в ни х*ра не понимаю, – расскажи лучше в двух словах, что чем жрут.

– Все просто, рыба, там мясо, десерт, не заморачивайся, если что, смотри на меня. Я буду есть то же, что и ты, – улыбается.

Ну, пусть отвлекается на вилки.

Минут через пятнадцать в столовую втекает невысокий, жилистый мужик с легкой сединой и серыми глазами. Взгляд у него тяжелый, холодный. Он об этом знает и пользуется своим преимуществом. Сто пудов ждет, что я оплошаю и отвернусь. Прости, папаша, не угадал. Выдерживаю взгляд, еле сдерживаясь от улыбки.

– Бронислав Аристархович, – протягивает руку.

– Богдан Николаевич, – поднимаюсь со стула, отвечая на рукопожатие.

Он улыбается, а Гера толкает меня локтем в спину.

– Ольга, – уже не молодая, но молодящаяся, потасканная бабенка, как черт из табакерки, вылезает из-за спины Гериного бати, – Константиновна.

Хочет подать руку, но Гольштейн начинает садиться за стол, мешая ей. Ольга хмурится, но с улыбочкой присаживается напротив меня.

– Выпьешь?

Гольштейн кивает прислуге на свой стакан, и ему наливают коньяк.

– Не пью.

– Мы никому не скажем, – усмехается Герина мамашка.

– Да дело и не в этом.

– Люба, налей мне вина, – Ольга повышает голос и смотрит с прищуром. Она веселится, вся эта ситуация ее забавляет.

Интересная позиция для матери.

На стол ставят несколько вариантов жрачки. Не скажу, что я голоден, но как-то так получается, что похавать я готов всегда.

Ольга смотрит на мужа, на меня, Геру, тарелки и, скомандовав положить ей на блюдо какой-то салат с трюфелями, ехидно поднимает на меня взгляд.

– Может быть, салат? У нас, как в мишленовских ресторанах, самые свежие трюфели.

– Трюфели, – подцепляю на вилку, – никогда не пробовал, – боковым зрением замечаю, как Гера копается в тарелке, все ниже и ниже над ней склоняясь, – где-то читал, что на одном аукционе в Гонконге три миллионера скинулись и на троих взяли лот с этим семисотграммовым грибом за двести тысяч долларов.

– И как ты думаешь, стоит это того? Ты бы потратился? – вмешивается Бронислав.

– Сложно сказать, пока у меня нет таких денег. Когда заработаю, тогда и посмотрим.

– То есть ты уверен в том, что у тебя будут такие деньги?

– Конечно.

– Интересно, и как хочешь зарабатывать?

– Спортом.

– Спортом?

– Я занимаюсь вольной борьбой, в этом году сдам на мастера. Недавно вот пригласили в команду под эгидой непло-

хой питерской компании. Они проводят бои с иностранными бойцами.

– И?

– В следующем месяце еду на Россию, возьму золото, будет шанс, что заметит кто-то более весомый. Или же нынешний клуб организует хороший бой. Выиграю, заявлю о себе, заметят в UFC, а дальше – сами понимаете.

– Понимаю-понимаю. Интересный ты парень, а ты все «Сомов-Сомов», – с насмешкой глядя на жену, – он с Гердой столько лет общался, а я с ним за все время три раза поговорил, и то, он мне за это время сказал в триста раз меньше, чем этот парень за пятнадцать минут. Да, Герда?

– Да.

– Нравишься ты мне, ой нравишься, – Гольштейн смеется, – такого я точно не ждал.

– Я вас тоже иначе представлял.

– Моя дочь настращала? Она умеет. Винит меня во всех своих неудачах.

– Моя мама говорит, что вы просто слишком многое решаете за Герду, не даете права выбора….

– Шелест, Шелест… Герда говорила, что она завуч, что-то я Шелест не припомню.

– Она Баженова.

– Отец бросил?

– Нет, она меня усыновила.

Повисла тишина.

– Давно?

– Год как.

– И долго ты был в детдоме?

– С шести лет.

– Отважная женщина. Усыновить взрослого ребенка… Можешь ей, кстати, передать, что я подумаю над ее словами, но Герда не знает, чего хочет, вот ты – по тебе я вижу, чего ты хочешь, и добьешься, у тебя цель есть, а у нее…

– Вы не правы, – Гольштейн щурит глаза, ему не по кайфу, что сопляк вроде меня ставит его мнение под сомнение.

И ладно, я все равно уже рот открыл, заднюю не включу.

– Герда умная, у нее просто нет выбора. Как ей что-то хотеть, если вы это делаете за нее? – приподымаю бровь.

Повисает тишина. Ольга смотрит на меня насмешливо. Что-то типа: «Куда это ты, дурачок, лезешь? Но от шоу я не откажусь».

– Знаешь, а заходи к нам почаще, я буду рад с тобой побеседовать, – в итоге выдает Герин батя и добавляет: – Кстати, ты оружием не интересуешься?

– Нет, но, если предложите посмотреть, не откажусь.

– Пошли.

Мы идем по коридору, а потом спускаемся на цокольный этаж.

– Проходи.

Останавливаюсь чуть дальше двери, пробегая взглядом по висящему на стенах, стоящему в стеллажах оружию. Нехило.

Складывается ощущение, что это намек: тронешь мою дочь – отстрелю яйца.

Подхожу ближе к кольту, Гольштейн, как по щелчку, оказывается рядом, сжимая рукоять в ладони.

– Кольт 1849, этот экземпляр был предметом невероятной гордости и «визитной карточкой» Сэмюэля Кольта, он дарил и продавал их только самым значимым людям своего времени. В частности, три таких револьвера в качестве презента оказались во дворце Николая I – сейчас, кстати, выставляются в Эрмитаже. Это очень редкое оружие, в мире их осталось штук двадцать. Вокруг них всегда ажиотаж.

– Никогда не думал, что оружие – это интересно.

– Интересно… Богдан, ты хороший парень, но, если ты обидишь мою дочь, я очень расстроюсь.

– Это кто кого обидит еще, – шагаю дальше. Кажись, вальтер.

– Да?

– У Герды ваши гены.

– Рад это слышать, но ты же понимаешь, что вы вместе, пока учитесь… Школа, институт… а дальше ваши пути разойдутся.

– Слишком самоуверенное заявление, Бронислав Аристархович.

– Отнюдь. Герда сама тебя бросит, мне даже не придется ничего делать. Моя девочка выросла в другом мире, ей интересно быть с тобой, чувствовать свободу, пока на ее карте

полно денег. Не будет у нее денег, не будет и тебя.

– Вы не знаете свою дочь, она другая.

– Все мы другие, пока не сталкиваемся с проблемами. Ладно, не будем о грустном. Я не против того, чтобы вы встречались, как я и сказал, ты умный парень и очень мне импонируешь.

– Спасибо за доверие, – усмехаюсь. – А если я окажусь прав?

– Тогда прости, мне придется вмешаться.

– Как я и говорил, вы не даете ей права выбора.

– Что есть выбор в наше время? Самообман.

– Я могу идти? – больше насмешка, чем вопрос.

– Иди.

Возвращаюсь к столу, подумывая о том, что мама Марина все же реально права в своих предположениях. Причем сильнее, чем я ожидал.

Гера вскакивает со стула, на лице паника, ощущение, что я с войны пришел.

Ольга склоняет голову чуть вбок, делая глоток вина, облизывает губы, слегка вытягивая шею.

Не ясно, какого черта в моей башке селится эта мерзкая мысль, но, сука, чувство, что она меня клеит.

– Все хорошо? – Умка, задрав голову, смотрит мне в глаза.

– Да, – отвечаю из какого-то транса, – не переживай, – сжимаю ее руку.

– К завтраку не ждите, – кидает Гольштейн, проходя через

столовую.

– Куда ты?

Оглохнуть можно, как она орет.

– Не устраивай сцен, – смотрит на жену презрительно, – у нас гости.

– Ахах, он тр*хает нашу дочь, так что можно сказать, мы родственники!

Гера сжимается в клубок, стискивая мою руку, ее *бнутая мамаша смотрит на Умку с презрением.

– Мы не спим, – голосок звучит неуверенно, она вот-вот заплачет.

– Значит, он, как и твой отец, тр*хает кого-то за твоей спиной, доченька, – елейным голоском.

– По себе людей не судите, – что эта тетка о себе думает?

– Ты слышишь, как он разговаривает со мной в нашем доме?

Орет, а Гольштейн лишь усмехается.

– Я действительно буду рад видеть этого парня в нашем доме чаще.

– Идем, – подталкиваю Геру к лестнице, а сам киплю от злости.

Умка тонет в слезах, ее батя уходит как ни в чем не бывало, а мамаша орет матом ему вслед. Что-то из разряда «ты неблагодарная скотина».

Серпентарий.

– Не обращай на нее внимания. Ей же по кайфу, ты не ви-

дишь? – останавливаюсь на лестничном пролете, прижимаю Геру спиной к стене.

Герда хлюпает носом и вытирает пальцами слезы.

– Пойдем, – хватает меня за руку и тащит еще через пролет.

Размашисто открывает дверь своей комнаты и закрывает ее на замок с защелкой, как только мы оказывается внутри.

– Я умоюсь.

Киваю, осматривая комнату. Прохожу вдоль окна, скидываю ботинки и заваливаюсь на кровать, закидывая руки за голову.

Гольштейн возвращается из ванной, останавливаясь напротив.

– Успокоилась?

– Знаешь, если все только и делают акцент на сексе, может, переспим? Хотя бы будет, за что выслушивать, – говорит отрывисто, на эмоциях.

На них же стаскивает с себя платье в одно движение и кидает на пол.

Смотрит на меня, оставаясь в лифчике, трусах и колготках, закрывает грудь руками.

– Все, запал пропал? – сажусь на кровати, притягивая ее к себе. – Напяливай обратно.

– Извини, я дура.

– Да со всеми бывает.

– За что она так со мной? – смотрит сквозь меня, вновь

начиная плакать.

Убираю прядь ее волос за ухо, усаживая к себе на колени.

– Не плачь.

– Ты, наверное, думаешь, что я такая же?

– Мне вот больше думать совсем не о чем.

Гера кивает, а я спиной заваливаюсь на эту трехметровую кровать, утаскивая ее за собой.

Пытаюсь на чем-нибудь сконцентрироваться. Бедлам этого дома бедламом. Но это не помеха возбуждению от предстающей картинки. Я ее хочу. И ни черта не соображаю. Прикрываю глаза, надо на чем-нибудь сосредоточиться, а еще лучше встать в спарринг.

– Спасибо, что вытерпел все это, – Умка переворачивается набок, закидывая на меня ногу.

– Да пока не за что, убери оттуда ногу.

– Ой, прости, – закусывает пальчик.

– Ты меня провоцируешь?

– Нет, – улыбается, мотая головой.

– Ну-ну, – приподымаюсь, подтаскивая ее к себе, а потом укладываю на спину, наваливаясь сверху. Нех*р дразнить.

– Богдан.

– Что?

Рука сама ложится на ее бедро, слегка приподымая платье.

– Ты же шутишь?

– Нет.

– Да.

Целую, окончательно теряя контроль. Стискиваю ее в объятиях, главное, не раздавить. Гера отвечает на поцелуи, даже пытается взять инициативу. Я схожу по ней с ума. У меня крыша едет, как только я ее вижу, говорить о том, что со мной, когда я ее касаюсь, даже не стоит. Это наваждение.

Переворачиваюсь на спину. Гера оказывается сверху.

– Сними платье, – давлю на спину, заставляя наклониться, – сними.

Умка послушно стаскивает платье, снова прижимаясь ко мне.

Провожу ладонями по ее спине, животу, медленно поглаживая тонкую кожу, чувствуя жар в ладонях. Пальцы проскальзывают под край лифчика, Умка накрывает мои ладони своими.

– Я не трогаю, – шепчу ей на ухо.

– Почему мне кажется, что я тебя знала всегда? Почему мне не страшно?

– Потому что я красавчик, – убираю от нее руки, прикрывая глаза.

Гера хихикает, ерзая на мне, расплываясь в хитрой улыбке.

– Умка, бл*, – с силой сжимаю ее талию.

– Богдан, ты иногда бываешь очень грубым, – наигранно обиженно.

– Потому что я тебя хочу. Еще одна такая выходка, и я за

себя не отвечаю.

– Прям ваще?

– Прям ваще.

Глава 23

Герда.

Богдан уходит от меня почти в девять. Закрываю за ним дверь, нарываясь на яростный взгляд мамы. Хочется перекреститься.

– И как долго ты будешь таскать к нам в дом не пойми что?

Игнорирую и поднимаюсь наверх. Мама идет следом. Буравит спину взглядом и, как собака на поводке, заходит за мной в комнату.

– Мама, – вздыхаю, – если ты думаешь, что от твоих колкостей я начну к тебе прислушиваться… то ты ошибаешься.

– Я твоя мать и только я знаю, что для тебя лучше. Ты посмотри на него нормальными глазами, не пуская слюни! Он никто и звать его никак! Что он может привнести в твою жизнь? Нищий, да еще и с длинным языком. С кем ты связалась, Герда!?

– Тебе плевать, мама, не прикрывайся заботой. Ты просто бесишься, что он тебе ответил. Что не смотрит в рот и не боготворит. Эта единственная причина этой твоей речи.

– Какая же ты дура, еще не раз вспомнишь мои слова! Когда он тебя бросит и найдет идиотку посимпатичнее. Когда ты будешь по нему убиваться, я даже близко к тебе не подойду.

– Я спать, – говорю громко, смотрю на дверь, – можно мне

поспать?

Мама ничего не отвечает. Разворачивается и с громким хлопком двери выходит из моей комнаты.

Сжимаю пальцами виски. Я подавлена. Я не знаю, что Богдан думает на самом деле, и мне дико стыдно за все, что тут сегодня произошло. Как и всегда, ничего не могло зависеть от меня, но я так надеялась, что они хоть раз в жизни проявят по отношению ко мне человечность. Наивная.

После этой эпичной встречи дни побежали быстрее. Мы написали очередной тест, на котором Шелест опять вышел из аудитории раньше всех. Я смотрела ему вслед и надеялась, что напишу лучше. Вот так мерзко. Двулично. Но если я этого не сделаю, отец придет в ярость.

Через пять дней нас вновь собирают в актовом. Говорят о предстоящих экзаменах, о наших решениях и возможностях. Рассказывают про какие-то европейские вузы и, конечно же, про МГУ и МГИМО. Слушать особого интереса нет. Потому что если в том году я знала, что хочу учиться в Англии, то сейчас, сейчас я не имею никакого желания уезжать из Москвы. Потому что мой отъезд может лишить меня чего-то более важного, чем образование, которое я могу получить и здесь.

Богдан сжимает мою руку, когда начинают озвучивать баллы по тестам. Прислушиваюсь, затаив дыхание.

– Гольштейн, девяносто три балла. Это лучший результат из всех.

– Я первая? – оборачиваюсь к Богдану.

Он кивает.

– Я же говорил, все будет хорошо.

Меня успокаивает результат, но не дает покоя вопрос: неужели он специально написал хуже? Он же говорил что-то подобное, еще до того, как мы начали… боже, только не это.

Выходим из зала.

– Ты специально?

– Что?

Шелест стоит, убирая руки в карманы, на лице непонимание.

– Тест? Ты написал его хуже специально?

– Ну у тебя и фантазия, Умка, у меня просто не было времени готовиться, много тренировок. Пошли в архив.

Иду за ним следом, а у самой полнейший хаос в голове. Когда копаюсь в папках, наталкиваюсь на мысль о том, что, даже если он специально, это же неплохо? Он же делал это не для того, чтобы доказать, что все происходит так, как он хочет. Он сделал это, потому что хотел оградить меня от злости отца.

Обнимаю Богдана сзади. Он замирает, хотя до этого очень импульсивно раскидывал папки на стол по алфавиту.

– А вдруг кто-нибудь зайдет? – смеется.

– Ну и пусть, – говорю ему в спину.

– Такие повороты мне нравятся, – резко разворачивается

ко мне лицом, притягивая за талию к своему телу, – у меня есть идея, пошли сегодня со мной.

– Куда?

– На тренировку.

– Смеешься?

– Почему? У меня все равно сегодня только силовая, пошли.

– Ладно, только с одним условием.

– С каким?

– Без этих твоих штучек.

– Каких? – ухмыляется, сжимая ладонью мою грудь.

– Вот этих вот.

– Ну ты же в курсе… я хочу тебя…

– Потрогать?

– Да уже не только потрогать…

– Извращенец…

– Вот нифига. Нормальная человеческая реакция на противоположный пол.

– Ага, значит, на своих Катюш и Танюш ты так же реагируешь?

– Не так же, – кривит лицо…

– А как?

– Че начинается-то? Ты сейчас договоришься…

– Как страшно, – смеюсь, а саму немного потряхивает.

Как только разговор касается секса, у меня начинается паника. Жутчайшая паника. Еще эти мамины слова…

Богдан стискивает мою талию, усаживая на стол. Сам замирает между ног, касаясь ладонью моей шеи. Эти прикосновения сводят сума. Сколько бы я ни сопротивлялась, я балдею от всего происходящего. Он целует, поедает мой рот, не давая возможности вздохнуть.

Выворачиваюсь из его объятий, касаясь пальцами губ, останавливаю.

– Пойдем, ты звал меня с собой…

Шелест вздыхает, убирая руки в карманы.

– Ну пойдем, на матиках хоть поваляемся.

Протягивает мне руку, сжимаю его ладонь, спрыгивая со стола, быстро успевая поправить юбку до двери из архива.

У самого порога замираю, Богдан непонимающе оборачивается ко мне.

– Спасибо тебе, – не улыбаюсь, просто смотрю в его глаза, а после прижимаюсь к его крепкому телу.

Он знает, за что я его благодарю. Знает, поэтому молчит. Только поглаживает мои волосы…

В клубе мы договариваемся встретиться в пять. Отец доволен результатом теста, поэтому я могу идти на все четыре стороны. Натягиваю бирюзовые леггинсы и черный бра-топ, сверху надеваю длинную широкую белую майку, в рюкзак кидаю кроссовки и длинный свитер серого цвета.

Уже почти выхожу из дома, но мой порыв останавливает телефонный звонок.

– Богдан, я уже выезжаю.

– Гер, прости, сегодня никак, планы изменились, я сегодня в зале до ночи. Новый клуб, перемены… прости.

– Ничего, я все понимаю, – наигранно весело.

– Давай на выходных в кино сходим?

– Хорошо, удачной тренировки.

– Спасибо. Я вечером позвоню.

Скидываю звонок и присаживаюсь на диван в гостиной. Делать мне нечего. Совсем. Переодеваюсь в домашний костюм и сажусь за английский. Но в глубине души я зла. Мне обидно, что у него вновь свои планы, дела…

Я так зла на него. Почему я так часто на него злюсь? Обожаю и злюсь. Наверное, потому что только он и позволяет мне проявлять настоящие эмоции, не давит, не издевается, не вынуждает. Я с полной уверенностью могу сказать, что люблю. Люблю своего Богдана. Он самый замечательный. Мой.

От этих мыслей настроение меняется. Уныние пропадает.

На выходных мы в кино, конечно же, не пошли. Оно сам пришел ко мне домой. Отец заявил маме, что подает на развод.

Мама восприняла эту новость с усмешкой, а к вечеру ее увезли в больницу с нервным срывом.

Я никогда не видела ее такой. Она была похожа на побитую собаку. Сидела на кровати в углу палаты и смотрела в одну точку. Папа поднял ее выходку на смех, не поверил, что ей на самом деле плохо. А вот я поверила. Приехала к ней

в больницу и чуть сама не упала в обморок. Эта женщина совсем не была похожа на ту, которую я видела все эти годы. Ее взгляд, он говорил так много и таил в себе такие же глубины неизвестности.

Я сидела на стуле и молчала. Не знала, что сказать, а когда решила уйти, мама остановила меня. Нет, она не хватала за руки, плечи… она продолжала сидеть в своем коконе из пледа.

Но ее слова, они не дали мне переступить порог.

– Если ты будешь вести себя так и дальше, обязательно окажешься в такой же палате, – она слабо усмехнулась и продолжила: – Нельзя растворяться в мужчине, мама всегда говорила мне, что нужно уметь сохранить свое я. А я вот не смогла, – истерический смешок.

Этими словами она выбила воздух из моих легких в очередной раз.

Я задыхалась, а она говорила.

– Я любила больной любовью. Теперь расплачиваюсь. Не утони в этом мальчике, я вижу, как ты на него смотришь, мне знаком этот взгляд. Если что-то пойдет не так, будет очень больно. А больно непременно будет. Вы слишком разные.

Дальше я ее не слушала. Не хотела. Не могла.

Ехала домой под мамин голос, снова и снова повторяющийся стократным эхо в голове. Ехала и думала о том, что у Богдана, и правда, кроме меня есть своя жизнь, цели, планы. Она бьет ключом, не то что моя. Моя жизнь – это уроки и он.

За это время он стал центром моей вселенной. Я погрязла в нем и этих отношениях. А он? Что чувствует он?

Всю следующую неделю я нахожусь в раздрае. Шелест готовится к сборам, а в моем доме происходят кардинальные изменения. Отец привозит свою любовницу. Дашенька, знойная брюнетка, на пару лет старше меня. Становится смешно.

Мама тем временем выписывается из больницы и улетает в Париж. У нас там квартира. По щелчку начинается суд и деление имущества. Точнее, его видимость.

Отец скидывает с барского плеча московскую квартиру, майбах и какие-то деньги. Мать подавлена, но сделать ей что-то не под силу, она безразлично принимает то, что он ей выделил, не имея никаких материальных претензий. Это странно. Меня это даже немного пугает. Это на нее не то что не похоже, это вообще не она, но позвонить я не решаюсь, не знаю, что говорить. Да и нужны ли ей мои слова? Хочется поделиться этим с Богданом – что бы сделал он?

Дома начинается ремонт. Дашуля решает изменить здесь все под себя. Мне пофиг. Мою комнату они не трогают, поэтому пох*р. Да и не собираюсь я здесь жить после школы. Уеду на городскую квартиру.

Сижу в гостиной, где валяются какие-то ткани, пью кофе и думаю о подарке Богдану на день рождения, оно у него как раз после этих дурацких сборов.

– Привет!

Елейный голосок развеивает мои думы. Даша садится на диван напротив, закидывая ногу на ногу.

– Привет! – повторяет громче, истеричка…

– Да привет, привет, – смотрю в экран айфона.

– Что такая грустная? Не нравятся перемены в доме?

– Мне без разницы…

– Конечно, – обнажает зубы, – рассказывай, я бы была в ярости, если бы кто-то наводил в моем доме порядки…

– Слушай, – поднимаю на нее глаза, цепляясь взглядом за виднеющуюся капсулу нарощенных волос, – делай ты тут что хочешь, мне плевать на тебя и этот дом, просто не лезь ко мне, я по-хорошему прошу…

– А может быть и по-плохому?

– Может, моя дешевая кукла, конечно, может. Свободна, – делаю жест рукой и, закинув ногу на ногу, возвращаюсь в свой смартфон, он всяко интересней этой инфантильной дряни.

– Броня, – верещит, – твоя дочь меня оскорбляет.

Папа даже толком в дом войти не успевает, а эта курица несется к нему.

– Я все понимаю, ей обидно за мать, но это не повод…

– Папа, – встаю, вздыхая, – это все прекрасно, но ты же понимаешь, что я ни за кого не переживаю, у нас с вами не такие отношения, поэтому пусть Барби научится врать убедительнее, и, пожалуйста, не трогай мой этаж, – говорю монотонно, устало, ничего не хочу выяснять.

Папа молчит. Я не жду его реакцию, а тем более – не знаю чего ждать. Он может посмеяться, а может наорать. Мне все равно. Иду к лестнице.

– Герда, наша свадьба через четыре недели, двадцать восьмого.

– Я не забуду, но быть там не смогу.

– Не дерзи.

– У меня последний звонок, папочка…

Отец отводит взгляд, а мартышка лыбится как дура.

– Мы перенесем свадьбу…

– Бронечка…

– Даша, это не обсуждается, моя дочь должна присутствовать на моей свадьбе…

– На нашей, милый.

– На нашей.

Хочется закатить глаза. Только этой свадебки мне не хватало.

Пишу Шелесту в надежде, что хоть сегодня он сможет приехать, потому что последние дни мы общаемся только на переменах в школе, это раздражает.

Он обещает быть к семи. Хоть что-то хорошее.

Ловлю себя на мысли о том, что стоит начать поиски платья для выпускного. Надо обсудить это с Викой. В последние дни мы с ней стали чаще видеться, ходить в кафе, были на балете, в театре, вообще окультуриваемся по полной. Но если не врать, то я просто нахожу себе занятия, пытаясь чем-

то, кроме учебы, занять время, пока Богдана нет рядом. Пока он на тренировках, с мамой, друзьями. Пока он продолжает жить своей жизнью, я маленькими шажками выстраиваю свою. Не хочу в нем тонуть, хотя… думаю, уже утонула.

– Викусь, поехали завтра в ЦУМ. Платье посмотрим на двадцать восьмое.

– Читаешь мои мысли. Тоже хотела предложить. Только, может, не в ЦУМ…

– А что? Там хорошие магазины, поехали.

Скулю и только потом понимаю, что, скорее всего, многие бренды там Вике не по карману.

– Давай заедем на часик, а потом еще куда-нибудь.

– Хорошо.

Как бы я ее ни понимала, но я хочу брендовое платье. Дорогое, брендовое платье!

***

Богдан.

– Привет.

Машу Гере рукой, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

– Привет, замерз? – Умка замирает, накрывая ладонями мои щеки. – Холодный.

– Нормальный. Ты как?

– Сейчас сам увидишь, – сжимает мою руку и тянет в гостиную…

– У вас ремонт, что ли?

– Дашу-у-уля затеяла, а вот и она.

Из прохода выплывает высокая брюнетка в коротких спортивных шортах и топе, в который нехило так сложила свой четвертый размерчик. При виде нас у нее явно просыпается любопытство.

Деваха отворачивает крышку на бутылке минералки, делая пару глотков. Вода капает в разрез на топ, и она с улыбочкой стряхивает ее пальчиками с сисек.

– Герда, это твой друг? Познакомишь?

– Это Богдан, мой молодой человек, а это Дашуля, новая папина покупка, – с добродушной улыбкой излагает Гера.

А вот «покупка» меняется в лице, краснеет, теряется в словах и вылетает из комнаты.

– Нервная такая…

– Гера, ты страшный человек, – закидываю руку ей на плечо.

– А ты челюсть подбери, на сиськи он пялится.

– А что? Зачетные ж сиськи.

– Шелест, я тебя прибью сейчас.

– Все, все, – поднимаю ладони, – мир?

– Я подумаю, пошли ко мне.

Киваю. Честно говоря, сил сегодня куда-то ехать не было совсем. Но мы с Герой не виделись нормально уже неделю, и это начинает напрягать нас обоих. Поэтому, если я вырублюсь под какой-то кинчик, я вас предупреждал.

– Я так соскучилась.

Обнимаю Умку в ответ. От нее вкусно пахнет, она улыба-

ется. Люблю, когда она улыбается.

– Я тоже, – вдыхаю запах ее волос, – дверь закрыла?

Ладонь уже касается ее голой спины под задранной футболкой. Гера кивает, и мы заваливаемся на кровать. Хочется ее заобнимать.

– Сколько у тебя было девушек?

Неожиданный вопросик.

Молчу, не сильно хочу отвечать на подобное, точнее, вообще не хочу. Припадка мне здесь не нужно.

– Парочка.

– Мало верится, что их была всего парочка…

– Эт почему?

– Слишком ты самоуверенный…

– Дак я всегда такой.

– Я не о том. Я про интим…

– Не загоняйся, порно я смотрю. Дрочу и в ноут пялюсь.

– Откровенно.

– Ну дак.

Умка отворачивается. Прижимаясь спиной к моей груди. Мы лежим, поджав ножки, крепко друг в друга вцепившись. Гера ерзает, и это раздражает.

Мой мозг, и не только он, скоро разорвет к х*рам.

Гера, Гера… что в тебе такого особенного, чего нет в других? В сотый раз задаю себе этот вопрос, но никак не могу дать честный ответ. Раньше я не заморачивался по поводу девочек и их чувств. Если была возможность менять их

под времена года или названия месяцев, то почему бы и нет? Особенно если ведутся…

А ты? Ты меня бесишь и сводишь с ума. Мне нужна только ты и никто другой… я играю или люблю? Пусть лучше будет второе. Не хочу делать тебе больно. Никогда.

Непроизвольно тянусь к краю ее майки, слегка задирая ту на животе. Умка переворачивается на спину, затаив дыхание. С тем, чтобы расслабиться и довериться, у нас (нее) большие проблемы. Гера настолько неуверенная в себе, что трындец.

Хочется ее целовать. Просто целовать, но за этими поцелуями ее футболка улетает к чертям, впрочем, как и моя. Глажу ее спину, расстегивая застежку, продолжаю целовать. Ее голая грудь прижимается к моему торсу, хочется ее коснуться. У Геры красивая, идеальная грудь. Двоечка. И что бы она там ни надумала себе по поводу этой брюнетки, это все полнейший бред. Мне хочется, чтобы она не шарахалась, хочется, чтобы доверяла. Я не собираюсь ее насиловать, нет так нет. Но меня бесит ее недоверие, мне нужно понимать, что она мне верит. Я же ей верю.

Кусаю мочку уха, кайфуя от ее стонов. Ладонь задирает на ней юбку, разводя ножки в сторону. По телу пробегают мурашки. Давай, моя хорошая, не трусь.

Умка распахивает глаза, полные растерянности.

– Я просто хочу тебя потрогать, помнишь?

Кивает, поджимая губы, но глаза теплеют. Касаюсь ее тру-

сиков, которые вымокли насквозь. Улыбаюсь. Целую в губы, стягивая резинку вниз. Провожу пальцами по ее бедру, огибая то, чтобы оказаться на его внутренней поверхности.

Вхожу в нее пальцами, и у меня окончательно сносит крышу. Хочется жрать стоны наслаждения с ее губ, чувствовать, как ноготки впиваются в мои плечи, видеть затуманенный и оголяющий душу взгляд.

Умка стонет, начиная тянуться к моим пальцам, но я лишь перехватываю ее руки. Ни за что, я должен это видеть. Ускоряю темп и увеличиваю давление, и ее тело начинает содрогаться. Гера что-то неразборчиво бормочет, хватает ртом воздух, пытаясь убрать мою руку, стискивает ноги, мелко подрагивает. А потом перекатывается на бок, упираясь лбом мне в грудь. Прижимаю ее к себе.

– Умка, ты там жива?

– Дурак….

Подтягиваю ее выше, оказываясь лицом к лицу. Ладонь ложится на ее грудь, слегка сжимая.

– Я тебе с большой уверенностью могу сказать – твои сиськи лучше.

– Богдан, – цокает языком.

– Дурак, я помню. Доверяй мне, Гера, иначе это все фикция.

Зря я это сказал. Умка опускает глазки, а когда поднимает, они затянуты влажной пленочкой.

– Ты обалдела, что ли?

– Шелест, ты точно дурак, если ничего не видишь, идиот просто, – повышает голос, пытаясь вырваться.

Крепче сжимаю захват.

– Не злись. Просто не придумывай за меня в своей голове, а говори мне, слышишь? Обо всем. Не стесняйся меня, – стаскиваю с нее одеяло, – ты очень красивая, очень-очень. И почему ты думаешь иначе, я не понимаю?!

– Шелест, ты реальный? – спрашивает через пелену собственных слез. – Так бывает?

– С утра был реальный.

– Мне очень грустно, когда ты уходишь.

– Скоро все это закончится…

Гера напрягается, а я продолжаю:

– Школа закончится, будет целое лето.

– Будет целое лето тренировок.

– Значит, будешь сидеть со мной на тренировках.

– У вас в зале вечно потом воняет.

– Ну уж простите, что не розами.

– Прощаю. Богдан, – совсем тихо, – я так хочу, чтобы ты остался сегодня.

– Я тоже этого очень хочу. Все будет, Умка, чуть позже, но будет.

Глава 24

Богдан.

С*ка . С*ка . С*ка.

Это полный трындец. Мечусь по комнате с желанием расхр*начить тут все к чертям. Из-за перехода в новый клуб я про*рал время подачи заявки.

Распаляюсь в своей злости. Ни х*ра мне это не нравится. Бой пролетел мимо меня. Теперь только сборы. Хотя в них есть один плюс. Я про*бу свой др, чему несказанно рад. Так даже лучше.

Через неделю, вечером в пятницу, наша компания отчаливает из Москвы.

Две недели, чтобы разгрузить мозги, две недели на то, чтобы понять, что делать дальше.

Еще и приближающийся май… последний звонок, экзамены.

Двадцать седьмого с утра звонит мама.

– С днем рождения, расти большим и послушным, – смеется, – пусть у тебя все будет хорошо, мой дорогой.

– Спасибо, Ма, ты ради этого в шесть утра проснулась?

– Ну не могла я тебя последней поздравить.

– Спасибо, я вечером перезвоню, идти пора. Люблю тебя.

– И я тебя. Беги.

Ближе к обеду, как раз когда я на пробежке, звонит Гера.

– Мой хороший, поздравляю тебя с днем рождения и очень-очень скучаю. Сильно жду с большим сюрпризом!

– Спасибо.

– Ты чего такой грустный?

– Нормальный, не обращай внимания. Умка, давай потом созвонимся, у меня пробежка.

– Хорошо. Позвони, как сможешь.

Скидываю звонок, ускоряю темп.

Эта весенняя покатушка получается скучной. Все вялые и почти неподготовленные.

Через шестнадцать дней нудятины возвращаюсь в Москву.

Настроение на нуле. Злость так никуда и не делась. В новом клубе ко мне присматриваются и ссут делать ставку. Поэтому первый мой выход в свет будет не раньше июля. Шикарно.

– Я дома! – кидаю сумку у двери.

– Привет. Ты чего такой недовольный?

– Нормальный.

– Я вижу. В эти выходные нужно на дачу съездить. Папа просил помочь ему с теплицей.

– Ок.

– Я сегодня уезжаю в Питер на конференцию, ты помнишь?

– Помню, хорошо добраться.

– Спасибо. А ты чем займешься? Надеюсь, не проспишь

завтра школу?

– Не. Я на треню и спать. Ты на вокзал на такси? Тебя проводить?

– Не надо. Тренируйся. У меня маленький чемоданчик.

– Охотно верю, что он маленький.

– Иди уже в комнату.

Смеюсь и поднимаюсь к себе. Набираю Геру.

Гудки. Ответа нет. Еще раз. Она отвечает раза с четвертого.

– Привет, ты вернулся? – довольным голосом.

– Да. Ты где?

– Мы с Викой в «Пряностях». Приедешь?

– Фейсконтроль не пустит.

– Не поняла…

– Прикид не по моде.

– Что-то случилось? – меняет интонацию. – Вик, я сейчас, – слышу уже тише. – Все хорошо?

– Нормально.

– Мы же сегодня увидимся? Я соскучилась.

– Не знаю, у меня тренировка, а потом хочу поспать.

– Ладно, – слышу, что она расстроилась, – вечером позвоню.

– Угу, – откидываю телефон.

Все бесит. И эти вечные Герины шатания по мажорным забегаловкам. Не знаю, какого х*ена в меня вселяется вся эта злоба. Хотя… знаю, знаю, но не хочу даже думать об этом.

Меня уже передергивает от этих недотрогательных отношений. Хотя мозгами понимаю, что встречаемся мы месяца два…

Часов в семь подваливает Максом. Едем в какой-то бар в центре. Он не пафосный, просто популярный.

– Ты че такой злой? Из-за боя?

Медленно отвожу взгляд от барной стойки, где тусует милая блонди в ах*енно короткой юбке.

– Чего? – переспрашиваю, а Макс с усмешкой оборачивается на бар.

– Зачетная. Недотрах, что ли?

– Что-то вроде того, – стучу телефоном о стол, то и дело метая взгляды к этой мадам.

– Не мое дело, не лезу… но скажу…

– Давай-давай…

– Че ты мучаешься? Ну не дает Гольштейн…

– Язык вырву.

– Ок, по-другому, ну нет возможности спать с ней, сними стресс, трахни вон эту хотя бы, а то ты так на людей скоро бросаться начнешь.

– Скоро начну, – бормочу себе под нос.

– Вот и я о том.

У Макса осень интересное чувство слуха – слышать все, что его ушей касаться не должно.

– Потому что, судя по всему, перепадет тебе от любимой не скоро…

– Смешно…

– Я бы, Богдаш, сказал, грустно…

– Не без этого, – резко откладываю телефон, откидываясь на спинку дивана, вновь возвращаясь взглядом туда, куда не стоит.

– О, и подружка подошла. Давай их снимем, нормальные девчули, модельки.

Киваю, и Макс с довольной рожей идет к бару.

Барабаню пальцами по столу. И, словно специально, звонит Гера.

Отклоняю звонок, набирая в вотсап.

«Умка, я на тренировке. Позвоню, как освобожусь»

Кидаю телефон на стол и злюсь. На себя и на Геру. Будто чувствует.

«Хорошо. Я купила платье на выпускной, приезжай вечером, посмотришь. Я соскучилась»

Я тоже. Знала бы ты как. Я прилетел вчера утром. Мы виделись часа два вне школы.

Гера что-то говорила про сюрприз, но я настолько в своих мыслях и проблемах, что мне не до этого.

– Знакомьтесь, это Богдан, Лера, Света, – Макс садится на свое место, нахально улыбаясь брюнетке.

– Ты правда боксер?

Макс в своем репертуаре.

– Что-то вроде того, – усмехаюсь, рассматривая эту куклу. Смазливая, не отберешь.

Мы сидим в баре еще минут двадцать. Макс травит шутейки, я больше отстранен, но с каждой секундой сидящая рядом блонди придвигается все ближе.

– Может, поедем ко мне? У меня огромная хата. Вы как, девчонки?

Макс уже на веселье, выжрал четыре бутылки пива, теперь лыбится, как мартовский кот.

– Даже не знаю… – смущается брюнетка.

– Ты поедешь? – раздается сбоку.

Киваю. Девица улыбается.

У Максона как-то сразу оказываемся в спальне. Блонди снимает футболку, выставляя сиськи напоказ. Притягиваю ее к себе. Она что-то шепчет, не слушаю. Я как бы сюда не за ее болтовней пришел.

– Замолчи.

– Ты любишь погрубее?

Не отвечаю, прижимая ее спиной к огромной кровати. И она проворно стаскивает с себя трусы, пальцы расстегивают мой ремень.

Прикрываю глаза. Х*йня. Все это жалкий суррогат. Ну и самое главное, мне противно. Не от этой девки. От себя самого. Я, как последняя мразь, решил словить удовольствие и с верным взглядом припереться к Гере. Молодец. Мужик. Точнее, м*дак.

Отталкиваю кукляху.

– Ты чего? – хлопает ресницами.

– Закончили. Надевай трусы обратно, – скидываю ее с себя.

– Что-то не так?

– Прости, не стоит…

– Что?

– Не стоИт на тебя, говорю….

– Ты смеешься?

Смотрит на мои штаны и выпирающий член.

– Я серьезно. Хорошего вечера, – застегиваю ширинку и выхожу их комнаты.

– Урод! – летит вслед.

– Макс, я уехал, – кидаю по дороге Федосееву, тискающему модельку прямо в гостиной.

– Давай. Скажи Виталику, пусть тебя отвезет.

Выхожу во двор в еще большем бешенстве. Куда-куда, а к Гере я сегодня точно ни ногой, иначе я ее изнасилую. Закатываю глаза от своих же мыслей.

– Витальевич, подкинешь?

– Да не вопрос, я в машине покурю, Макс не против всегда. Ты как?

– Да мне пох… кури…

Минут через сорок пожимаю ему руку, вылезая у супермаркета. Надо купить что-то пожрать, дряни какой-нибудь.

Закидываю в пакет колу, чипсы, пиццу и х*рачу домой.

На подходе замечаю, что у дома кто-то трется, приблизившись, понимаю, что это Гера.

– Ты совсем ненормальная?

– Я нормальная, – целует в щеку.

– Сколько тут уже пороги околачиваешь?

– Минут десять.

– А позвонить?

– А вот только хотела.

– Заранее…

– Сюрприз, – пожимает плечами.

– А тачка где?

– Я на такси. У Вики ночую…

– Ясно, заходи…

Открываю дверь, Гера протискивается внутрь, снимая черную кожанку.

– Что ты там купил? – сует нос в пакет. – О, пицца, давай разогреем…

– Не наелась в рестике?

Герда ставит пакет на пол, внимательно меня рассматривая. Улыбка на ее лице гаснет.

– Скажи мне прямо, что случилось и что тебя не устраивает, потому что я не понимаю…

– Ничего. Нормально все, – беру пакет, собираясь уйти на кухню…

– Может, мне уйти?

– Может….

– Серьезно? Богдан, я уйду.

– Скатертью дорога…

Я зол на себя. Не могу находиться с ней рядом. Мне, с*ка, стыдно. Она приехала сюда, пока я там чуть не трахнул какую-то бл*дь. Молодец, Шелест. Ты ох*енен.

Хочу, чтобы она ушла. Пусть уйдет. А лучше пошлет меня куда-то подальше. По крайней мере сегодня мне этого очень хочется.

Ставлю пакет на стол, замирая от ее прикосновений. Гера обнимает меня, прижимаясь к моей спине.

– Зачем ты так? Я тебя ждала, соскучилась, думала, мы отметим твой день рождения, а ты ведешь себя как сволочь…

Отдираю от себя ее руки, резко разворачиваясь. Сначала хочу наорать, поругаться. Хочу, чтобы она отсюда ушла. Но, когда ловлю ее взгляд, все меняется. Хочу обнять ее что есть сил и никуда не отпускать.

Оседаю на стул, притягивая ее к себе.

– Прости, – прикрываю глаза. Гера перебирает пальчиками мои волосы.

– Все нормально, – издает смешок, но я знаю, что она сдерживает себя. Невероятно как сдерживает. Думаю, в своей голове она меня уже расчленила.

– Давай пиццу греть, я голодная-голодная.

Киваю.

– А Марина Юрьевна ведь сегодня уехала?

– Ага. А ты откуда знаешь?

– В школе слышала, – накручивает на палец прядь волос, – тогда я сегодня у тебя переночую… ты не против?

Я против!

– Не, конечно, оставайся…

– Хорошо. А то – уйди-уйди. Кофе хочу, где у вас кофемашина?

– В шкафчике…

– Это как?

– Турка называется.

– Смешно. Вари тогда мне кофе, я в этой штуке не умею.

– Переодеться можно?

– Даже не знаю…

Поднимаюсь к себе, стаскивая шмотье.

Быстро ополоснувшись в душе, надеваю серые спортивные штаны и футболку.

Гера тусует на кухне у микроволновки.

– Дай сюда, – отбираю у нее коробку, – ща ты разогреешь, дом спалишь.

– Я могу, – вытаскивает из пачки пару чипсин, – тебе Макс два раза звонил, – кивает на телефон, валяющийся на столе.

– Ага, – ставлю пиццу в микро.

– Ты меня даже не поцеловал, так соскучился сильно…

– Ты тоже…

Умка поднимается на носочки, обхватывая руками мою шею.

– Целую.

Прижимаю ее к себе, задыхаюсь от желания. Моя Умка невероятная. Я на ней просто помешался.

Глажу хрупкую спину, опуская руки ниже, подхватив под попу, Гера проворно обвивает меня ногами.

Разрываю поцелуй. Гера улыбается, касается пальцами моей щеки.

– Кофе выкипит, – целует меня в нос и пытается слезть на пол.

– Оно…

– Вообще-то он…

– Да пох*й.

– Богдан, – вздыхает, – может, поделишься? Честно говоря, я немного в шоке, ты таким никогда не был…

– Все бывает в первый раз, – почему-то звучит это двусмысленно.

– Только не говори, что такой злой, потому что у тебя…

Начинаю ржать во весь голос. Гера тушуется, нервно запихивая ладони в карманы джинсов.

– У тебя кто-то появился? – говорит совсем тихо, смотрит в пол.

Пять баллов, милая, ты меня сегодня по всем фронтам на лопатки.

– Че ты несешь?

– Говорю, что думаю.

– Ага, что думаю, то и говорю. Мне и тебя одной много, так что можешь быть спокойна. В клубе просто непонятки…

– А сразу нельзя сказать было?

– Сразу нельзя, ешь, – киваю на пиццу, – ты хотела…

– Да что-то аппетит пропал…

***

Герда.

Нет аппетита. Конечно, у меня нет аппетита. Я злюсь. Я так злюсь. То, как он себя ведет, мне хочется его придушить. Сейчас и здесь. Но я молчу. Выспрашиваю как дура, что произошло, нарываясь на стену холода и безразличия. Правда, таким я его еще не видела. Может, поэтому и засунула свою гордую злость куда подальше. Богдан – не такой простой человек, каким может казаться на первый взгляд. Он всегда знает, что сказать. Хороший манипулятор и болтун. Вот на что-что, а на его манипуляции я ведусь, как маленький ребенок.

Он непрост и очень силен. Именно поэтому он никогда не будет показывать свой характер и раздражение из-за пустяков. Видимо, произошло что-то на самом деле ужасное.

Слава Богу, что мои предположения он поднял на смех. У него никого нет. Выдохнуть. Эта мысль преследует меня уже парочку недель. Я понимаю, что это глупости… но во мне сидит что-то, что постоянно возвращает меня в день, когда мама кинула те слова… «Если он не спит с тобой, значит, с кем-то за твоей спиной». И это напрягает. Очень напрягает…

Он без колебаний развеивает мои предположения, ясно давая понять, что это из-за спорта. Спорт. Это то, что нико-

гда не оставит его в покое. Шелест помешанный. Он готов, как зомби, ползать на тренировки в любую погоду и в любом состоянии. Это стремление и дикое желание… ему можно только позавидовать. У него есть дело жизни.

– Будешь дуться?

Вырывает меня из размышлений.

– Да, буду дуться. Ты меня обидел.

– Чем?

– Ты специально сейчас?

– Нет, – наливает в кружку колу.

– А мне кажется, да.
– Ты под дверью топталась, чтобы поругаться?
– А не я первая и начала.
– Ну так а я уже закончил.
– Отлично. Как у тебя все просто…
– У меня все просто. А ты все заморачиваешься.
– Шелест…

Все, что могу выдать. Аргументов у меня больше нет. Да и не хочется мне развивать тему нашей ругани. Хочу спокойный вечер только вдвоем. К тому же такая возможность вы-

падает не часто. Иду за ним на второй этаж.

– Как сборы?

– Бывало и лучше, – кривит лицо, но потом сияет улыбкой, – че там у тебя за сюрприз-то? – укладывается на кровать, заводя руки за голову.

– Заинтриговала?

– Чутка.

Улыбаюсь. Теперь, главное, не испугаться и не отступить.

– Узнаешь, – двигаюсь к нему ближе…

– Мне как-то страшно…

– Да ну тебя, – смеюсь, проворно забираясь на Богдана. Пальцы холодеют.

Шелест вопросительно приподнимает бровь.

Медленно снимаю с себя футболку, стараясь смотреть ему в глаза. По телу проходят колкие мурашки.

Богдан смотрит на меня пожирающим взглядом. Я часто дышу, отчетливо чувствуя его возбуждение. Мне страшно, но в то же время дико интересно. Мне действительно этого хочется.

Ерзаю, Шелест приподымается, прижимая меня к себе. Его губы касаются моей шеи, ладони гладят спину, то и дело пролезая под лямки лифчика.

– Это и есть мой сюрприз? – шепчет в губы между поцелуями, они немного грубые, но от этого более чувственные…

Киваю. Знаю, что он улыбается. В одно мгновение мы уже сидим на кровати вдвоем. Я крепко обвиваю его ногами, по-

ка его пальцы играючи проходятся по груди, на границе, где заканчивается край чашечки лифчика и начинается кожа. Его движения медленные. Нежные. Пальцы отодвигают чашечку, освобождая ноющую от желания грудь. Выгибаюсь навстречу его губам, чувствуя, как они обхватывают тугой сосок, а руки проворно расстегивают застежку бюстгальтера. Вздрагиваю.

– Гера, это самый ах*енный сюрприз, – впивается в мою спину, заставляя сильнее поддаться его ласкам. – Расслабься, Умка.

– Помоги мне, я боюсь, – нервный смешок, и Шелест отстраняется.

– Ты уверена?

Киваю, обвивая его шею руками. Я больше чем просто уверена. Мне просто нужно немного отпустить себя. Я долго думала об этом. Все началось с обычной ревности и страха, а закончилось тем, что мне действительно нужно, чтобы Богдан стал первым. Правда нужно.

Даже если у нас ничего не получится, я буду знать, что мой первый раз был с любимым человеком.

Шелест заваливает меня на одеяло, в одно мгновение оказываясь сверху. Его пальцы переплетаются с моими, и он заносит наши руки за мою голову, крепко пригвождая к кровати.

– Ты очень красивая, – проворно опускается к ширинке моих джинсов, а меня накрывает волной дикого, переме-

шивающегося с неизведанным, но сумасшедшего желания узнать, как это… Богдан медленно тянет змейку вниз, вдавливая мое тело в кровать. Залезаю ладонями под его футболку, чувствуя, как каменеют его мышцы, и он почти сразу ее снимает, кидая на пол. Возвращается к наполовину стянутым с меня джинсам. Его холодные пальцы касаются моей кожи, он выводит линии по внутренней стороне бедра. Я же нахожусь в какой-то немой и до безумия нежной коме. Мне страшно и хорошо одновременно. Его руки блуждают по моему телу, заставляя подаваться им навстречу. Сильнее прижимаюсь к нему и таю в его объятиях. Упиваюсь его поцелуями. Терпкими, немного грубыми, выводящими меня на износ своей настойчивостью.

Тянусь к пледу, стесняясь его взглядов. Мне неуютно. Я стесняюсь себя и своего тела. Это очень раздражает. Богдан словно знает, что мне это нужно, накрывает нас одеялом. От этого куска ткани начинаю чувствовать себя более уверенно. Стеснение немного сбавляет обороты.

– Я тебя до сумасшествия хочу. Ты моя, – шепчет, вызывая во мне улыбку и трепет, – моя.

Его ладонь приглаживает мои волосы, опускаясь на щеку. Он смотрит в мои глаза, и я окончательно теряю связь с миром.

Нежные, прошибающие тело, движения его пальцев по возбужденной плоти. В животе скручивается тугой узел страсти и дикого желания. Издаю стон, когда его пальцы мед-

ленно входят в меня, растягивают…

– Тебе хорошо?

Кусаю губы, впиваясь пальцами в его плечи. Мне хорошо и хочется рыдать одновременно. Странные, динамичные ощущения. Сегодня они другие. Все другое. Замираю, собирая под ладонью простынь.

По телу проходит мелкая дрожь, а каждый его поцелуй напоминает электрический разряд. Все это кажется сладкой пыткой. Хочу свести ноги, но Шелест не позволяет. Стаскивает с меня трусики, шире разводя мои колени.

Все происходящее становится наивысшей точкой. Не понимаю, как у меня хватает смелости, сжимаю в ладони его плоть, прижимая головку к клитору.

– Мне с тобой очень хорошо, – шепчу, а он закрывает мой рот поцелуем, но это лишь чтобы отвлечь.

Потом я понимаю, что он шарит рукой под матрасом, в поисках презерватива.

Сильнее сжимаю его член, заставляя издать рык. Слышу назойливый шелест фольги, запах аптечки и замираю. Его рука подхватывает мою ногу под коленом. Он нависает надо мной, смотрит прямо в глаза. Чувствую его там.

– Прости, – шепчет, резко входя в меня. Всхлипываю. Зрачки расширяются, а мерзкая боль разрастается по всему телу.

Богдан не шевелится, только аккуратно отпускает мою ногу. Мне хочется расплакаться. Я не ожидала, что будет так

больно. Я, как и всегда, рисовала себе дурацкую радугу с единорогами. Его пальцы стирают слезинки с моих щек. Губы целуют шею, лицо.

– Не плачь, – все так же тихо, – я тебя люблю, Умка, я тебя люблю.

От этих слов сердце начинает биться чаще. И вот тут я уже готова разрыдаться. Его признание действует совсем не так, как он видимо ожидал. Я начинаю рыдать. Явно пугая.

– Я что-то не так сказал? Герда, ты чего?

Богдан убирает от лица мои ладони. Мотаю головой. Нужно успокоиться.

– Я тебя тоже люблю, – говорю сквозь слезы, – я… мне так стыдно, я ничего не умею, от меня одни проблемы.

– Не неси бред, – его язык касается моих губ, – все просто ах*енно.

Вцепляюсь в его плечи, набирая в легкие побольше воздуха. Сама подаюсь вперед, а Богдан протискивает свою ладонь под мою спину.

– Больно?

– Чуть-чуть…

Прикрываю глаза, вдыхая его запах.

Его движения медленные, аккуратные, но почему-то мне кажется, что даются они нелегко. Обхватываю его лицо руками, целую, сильнее подаюсь вперед, потому что мне хочется, чтобы хоть кто-то из нас смог себя отпустить. Боль уже не кажется такой адской. Ласки возбуждают.

Движения становятся быстрее, грубее, но это больше не отдается болью, скорее чем-то кайфовым. Меня разъедает это подступающее и в тот же момент ускользающее чувство. Мне безумно хочется, чтобы ему было хорошо. Ему же со мной хорошо?

Богдан замирает, содрогаясь, проходит немного времени, прежде чем он сгребает меня в охапку. На щеках снова выступают предательские слезы.

– Гера, блин, ты опять?

Мотаю головой, утыкаясь лицом ему в грудь.

– С днем рождения, мой хороший…

***

Богдан.

Спасибо за подарок, Гера, я чуть крышей не поехал.

Ну не тр*хал я девок без опыта. А походу, зря, знал бы, к чему быть готовым.

Эти слезы просто заводят в тупик. Мозг перестает соображать, и ты еще секунды висишь в прострации, совершенно не понимая, как реагировать. Мне, с*ка, страшно и п*здато одновременно. Моя любимая колючка.

Когда ты часто охреневаешь от происходящего, кажется, что тебя уже нечем удивить. Них*ра. Есть. Гера меня не то что удивила, она меня на лохмотья порезала. Ее решение, желание… вогнали в какое-то еще более уродское самокопание. Я лежал, смотрел на ее лицо, слышал тихое дыхание и

понимал, что, с*ка, чуть не сделал ошибку.

Еще чуть-чуть, и я бы изуродовал всякое понятие наших отношений. Не хочу себя оправдывать и сваливать все на спорт и некие неудачи, но почему-то думать так легче.

Эта ночь навсегда останется в моей памяти. Потом я буду не раз вспоминать многие из наших ночей и ненавидеть каждую из них. Потому что будет невыносимо больно. Но это будет потом. Сейчас же я почти обожествил эту девочку. Каждое ее слово, каждое касание, оно особенное, неподвластное объяснению моего блаженства. Эти глаза заставляют слетать с катушек вновь и вновь.

Только вот я пару часов назад чуть все не пох*рил. Напрочь извращая наши отношения. Спасибо тому, кто вовремя тряхнул мои поплывшие мозги.

– Умка моя, – сжимаю ее в объятиях, настолько хочется ее трогать. Медленно выхожу из нее, целуя пухлые, красные губы. – Я в душ, ТЫ пойдешь?

Отрицательно мотает головой.

– Пошли, – подтягиваю ее к себе…

Гера нерешительно встает с кровати, оглядываясь по сторонам. Явно в поисках очередной тряпки. Ну уж нет. Поднимаю ее на руки, спускаясь вниз.

– Гера, – касаюсь губами шеи, открывая воду, – не прячься, – убираю ее руки, которыми она закрывает грудь. – Мне тоже что-нибудь прикрыть?

По ванной прокатывается ее смех. У нее красивый смех.

Как и она сама.

Крепче прижимаю ее, и просто не могу отказать себе в удовольствии коснуться ее груди. Сжать этот розовый комочек.

Гера запрокидывает голову. А мне хочется. Ее хочется. И не так, как было только что. Иначе. Мозг соображает о нецелесообразности. Вопит – не сегодня. Но это его адекватная часть. Неадекватная уже все давно придумала и распланировала. И сделала это не сейчас, а многими днями ранее.

Теплая вода окутывает собой наши тела.

Мы стоим не шевелясь. Гера прикрывает глаза, ее губы, тело, просто не могу ее не трогать. Это шиза. Шиза в чистом виде.

Касаюсь ее ладонью между ног. Умка напрягается.

– Я сделал тебе очень больно?

– Не…, – всхлипывает, провожу пальцем по напухшему тугому бугорку, – …т!

Губ непроизвольно касается улыбка. Ее стоны выворачивают наизнанку.

Глава 25

Богдан.

Утро приходит как-то слишком быстро. Как Гера ни старалась, я не дал ей возможности одеться. Мне нравится так. Да, с*ка, всем так нравится, какая нах*р одежда?

– Спишь? – куда-то в мою шею.

Отрицательно мотаю головой.

– Сколько времени?

– Часов семь.

– Богдан, мы же опоздаем.

Не вижу, но знаю, как округляются ее глаза, меняется выражение лица.

– Пропустим один урок, не страшно.

– Нет, так нельзя, это…

Не слушаю ее бред, просто целую. Обхватываю ладонью ее спину, притягивая к себе. Утренний стояк уже дал о себе знать, и пока он совсем не связан с Герой, но еще парочка таких секунд, и все будет взаимосвязано.

– У меня все болит, – шепчет мне в губы.

– Я ничего не делаю, просто целую.

– Я тебя люблю, – облизывает свои пухлые губы, а костяшки пальцев поглаживают мою щеку.

Он ее слов накрывает каким-то сумасшествием. Хотя рядом с ней так всегда. Она настолько въелась мне в кровь, что

иногда становится страшно.

В школу приезжаем точь-в-точь к первому уроку. Гольштейн и общественный транспорт – это тот еще цирк. Короче, день, походу, у Геры не задался. Как, впрочем, и у меня. Потому что, стоит нам зайти в здание, у меня начинается какая-то паранойя. Хочется привязать Геру к себе веревкой и никуда не отпускать. Мне жизненно необходимо, чтобы она терлась где-нибудь перед глазами. А когда Сомов пялится на нее в спортзале, хочется придушить этого козла.

– Ты че такой дерганый?

Макс наклоняется завязать шнурки.

– Нормальный.

– Ты на Павлика так смотришь, точно ща ему душу вырвешь.

– Ему бы не помешало, – сквозь зубы.

– Я чего-то не знаю?

– Не, – моргаю, – нормально все, так чет, переклинило.

– Ты че свалил-то вчера?

– Макс, громче говори, – убираю руки в карманы.

– Сорри, не подумал, так что?

– Ничего. Не было меня вчера там.

– Само собой, – выпрямляется.

– Привет, Максим, – Гера подходит к нам с улыбкой…

– Здорово.

Тянет меня за край футболки. Наклоняюсь.

– Из-за тебя у меня все болит, – тихо и наигранно недо-

вольно.

Закидываю на нее руку, свесив через плечо.

– Слушайте, выпускной скоро, надо думать, что делать.

– Федосеев, что тебе все неймется? Обязательно надо нажраться, как свинья.

– Гольштейн, тебе бы тоже разок не мешало, а то столько нудятины. Тебе семьдесят лет, что ли?

– Отстань.

– Да я и не пристаю, не дай бог, – косится на меня и ржет. – Подруга твоя где?

– Я думала, ты должен быть в курсе, вы же встречаетесь.

– Мы не разговариваем.

– Это потому что ты вечно бухаешь и шляешься где-то.

Ухмыляюсь. Женская солидарность в Гере так и прет.

– Да не твое дело, – поворачивается ко мне, – я, короче, седня сваливаю. На созвоне.

Киваю.

– Куда это он?

– Не знаю.

– Все ты знаешь, врешь просто. У него девка какая-то?

– Гера, я же сказал, не знаю.

– Ой, знаешь что…

– Что? – приподымаю бровь, смотрю на нее с усмешкой.

– Ничего, – цокает языком и отворачивается.

– Ты чего такая нервная вообще?

– Ничего. Нормально все.

– Да-да, я вижу. Жалеешь? – раздражаюсь.

– Нет, конечно, нет, Богдан, – поднимается на носочки, чмокая в губы, – пойдем сегодня погуляем, погода такая хорошая.

– Пошли, конечно.

***

Май пролетает, как по щелчку. Последний звонок и белые бантики у Геры на хвостах остаются позади.

Впереди июнь, он наступает медленно, но тотально. Экзамены проедают весь мозг, Умка бегает как на иголках, трясясь каждую минуту. Ее папаша включает тяжелую артиллерию, почти запирая ее дома. Видимо, мстит, что Гера устроила представление на его свадьбе. Меня тоже какого-то х*ра туда позвали, это было забавно. А вот то, что Гера упала в огромный свадебный торт, запутавшись в подоле своего платья после парочки бокалов шампанского, было феерично.

Мне потребовалось титаническое усилие, чтобы не заржать. Полностью покрытая этим идиотским тортом, Гольштейн, недолго думая, прыгнула в бассейн, «случайно» зацепив с собой невесту. Гости в шоке, батя в ах*е, и только Умка, потупивши взгляд, делает вид, что она здесь вообще ни при чем. Цирк, короче.

Повеселилась, теперь сидит в башне. Рапунцель х*рова.

После всей этой фантасмагории подхожу к доске с результатами экзаменов. Ищу себя, утвердительно киваю. В прин-

ципе, примерно так я себя и оценивал. Теперь надо посмотреть, что там с Герой, ну норм. Выхожу из школы и сажусь на лавку у парковки. Жду Ма. Она как раз должна была освободиться.

– Давно ждешь?

Ма обходит скамейку, присаживаясь рядом. На ней белый костюм, больше похожий на пижаму.

– Только пришел.

– Нужно в магазин заехать, потом домой.

– Договорились.

– Результаты уже видел?

– Смотрел, нормально.

– Я бы сказала, даже очень хорошо. Нужно теперь с документами в вуз не затягивать.

– Я хотел на следующей неделе подать.

– Хорошо, с тобой съездить?

– Да я сам справлюсь.

– Ладно, как там Герда? Выпустили ее из заточения?

– А вот в субботу на выпускном и проверим.

Мама вздыхает, одаривая меня улыбкой.

– Даже не верится, так быстро время пролетело, – печально вздыхает.

– Мама Марин, не кисни, – смеюсь, хотя полностью с ней согласен.

– Так, – поднимается, разглаживая ладонями брюки, – поехали уже, а то вечером еще на дачу надо. Папа там со сво-

ими помидорами, – закатывает глаза.

***

Жара.

Тот, кто придумал сажать на даче помидоры, а не валяться в гамаке, сущий мазохист. Походу, дед слывет именно таким. Ему дай волю, так он бы ими гектар засадил. Мы торчим в деревне уже третий день. Все что–то полем, поливаем, прибиваем, удобряем…

– Богдан, подай лейку!

– Дед, жара же, сваришь все нафиг.

– Балбес ты, – шуткует, – носик течет, посмотреть надо.

– Новую купить надо.

– Вот как что-то заработаешь сам, так сразу деду новую лейку и купишь. Что за молодежь пошла, только и могут новое покупать, а старое починить ума не хватает.

– Понял-понял, дед, – улыбаюсь, подавая ему лейку. – Слушай, может, я до речки сгоняю, а? Жара, сдохнуть хочется.

– Сейчас, теплицу только подправим.

Ну, после этих слов можно уже никуда не собираться, где «подправим теплицу», там и прибьем гвоздь, уберем траву, срубим ветки и так далее.

Пока дед возится со своей лейкой, ныкаюсь в тенек неподалеку. Жара стоит адская, а ему, кажется, совсем до этого нет дела. Он, как всегда, в тельняшке и забавной бежевой панаме. Ему почти семьдесят, но он молод душой.

Полжизни промотался по всему земному шарику. Ему и сейчас дай волю, он в кругосвет стартанет. Но сердце уже не то. Ма говорит, что с каждым годом это выражается все ярче. Если лет пять назад, что такое скорая, она даже не имела понятия, то сейчас приезд скорой – обычное явление, врачи заглядывают к деду стабильно. Конечно, дед ругает мать за ее беспокойство. Ругает врачей, да что там, и старушек в очереди тоже ругает.

– Богдан, хватит прохлаждаться, иди окрошку порежь, мать от Людки своей сейчас приедет, обедать будем. Все шорохается и шорохается, – ворчит, упирая руки в боки, по-деловому оглядывая свою плантацию.

– Иду, – поднимаюсь с земли, – дед, слушай, я тут что подумал, может, грушу повесим? Мы бы с Серегой из зала какую-нибудь старую привезли.

– А где?

– Да вон у той яблони полудохлой. Мы б ее спилили, столб помощнее вкопали и грушу повесили.

– Спилили, говоришь… а что, дело хорошее.

– Все, тогда Мелку позвоню, чтоб приехал сегодня.

Мелок, кстати, пустился в свободное плавание. Восемнадцать исполнилось, из детдома отчалил. Работает в каком-то автосервисе, снимает комнату. Катька до сих пор с ним. Что, честно говоря, удивляет.

– Спилим, – накручивает на палец кончик седых усов, – так и сделаем. Спилим и беседку там поставим, – трясет ука-

зательным пальцем.

– Д-е-е-ед, – закатывая глаза, просто поражаясь его фантазии, – ты уже все тропинки перекопал. Зачем еще одна беседка?

– Молчать!

– Молчу-молчу.

– А Мелкова позови, вдвоем вы быстрее управитесь. И старую беседочку заодно разберете.

– Понятно, – ретируюсь, оставляя этого огородника один на один со своими безумными планами.

Дом встречает прохладой.

Он небольшой, всего две комнаты, чистый деревянный сруб. В кухне шумит телевизор, а на печке дрыхнет кот. Здесь, в деревне, все по-другому. И если я бываю здесь редко, то дед возвращается в город лишь на зимовку, да и то потому, что мать настаивает.

Пока режу овощи, к дому подъезжает машина. В окно видно лишь серебристый бампер. Заливаю всю эту стряпню квасом и быстрее шагаю на улицу.

– Богдан, – мать целует в щеку.

– Марина Юрьевна, рассказывай давай, – убираю свободную руку в карман шорт, вжимаясь спиной в стену терраски.

– Папа, ты там где? Иди сюда. У меня новость.

– Иду я, что как заведенные все сегодня, – бубнит дед.

Мама качает головой, растягивая губы в улыбке.

– Ну, – дед усаживается в свое кресло, – говори давай,

Маринка, мне еще к пчелам идти.

– В общем, мне позвонил Доронин, сказал, что хочет с тобой встретиться в течение недели. Богдан, помнишь, мы с тобой говорили?

– Все? – дед вздыхает.

– Папа!

– Ладно, Бог с вами, – махает рукой, – говори давай.

– Помню, конечно.

– Вот и хорошо. Я тогда приглашу его к нам на следующей неделе, – заключает довольно. – Обедать будем?

– Будем, ни за что не угадаешь, что дед решил подать к обеду.

– Окрошку? – мама приподымает бровь.

– Теть Марина, вы очень проницательны.

– Конечно. Он без нас здесь только ей и питается.

Мама накрывает на стол и несколько раз просит деда сделать телевизор потише, но ему ее просьбы не интересны.

– Приятного всем аппетита.

– И тебе, ма.

Не успеваю замахнуться ложкой, как в кармане начинает вибрировать «яблоко». Свайпаю по экрану.

– Танюха, привет. Не. Я в деревне. Послезавтра приеду. Я тебе потом расскажу. Да, давай пока.

– Танюша звонила? – мама молниеносно оборачивается в мою сторону.

– Ага.

– Как у нее дела?

– Нормально. В педагогический колледж документы подала.

– Такая девочка хорошая, жалко ее так. Серега вон про все на свете забыл.

– Не нагнетай, нормально у них все.

– Маринка, – оживает дед, – тебе Доронин-то Сашка, что ли, звонил? – недовольно.

Мама улыбается, опуская глаза, чтобы дед не видел ее насмешки.

– Он пап, он…

– Вот же неугомонный. Столько лет, а все туда же!

– Папа!

Внимательно смотрю то на нее, то на деда. Тут явно зарыта какая-то собака. Узнать бы еще какая.

– Как не было ума-то у матери твоей, так и нет, – продолжает ворчать дед.

– Все, я на речку пошел, – встаю из-за стола.

Подобные разговоры – это пытка для мозга.

Провожу рукой по капоту «Альмеры», перекатывая на пальцах остатки пыли. Стоит помыть машинку. Но это как вернусь с речки, организму уже невмоготу жара.

***

Герда.

Вставляю в уши серьги с бриллиантами, слегка поправляя макияж. Я готова.

У ворот уже ждет машина. Покрутившись перед зеркалом напоследок, приподнимаю подол белого платья и спускаюсь по лестнице. Отца дома нет, у него какие-то проблемы на работе, и он уже неделю живет в Китае. Его Дашуля шарится по салонам, спуская деньги, а я с улыбкой выхожу из дома. Никто не испортил мне настроение, что не может не радовать.

У ресторана, не успеваю выйти из машины, как сразу же появляется Богдан. Я даже вздрагиваю. Обнимаю его, но не целую, не хочу пачкать помадой.

– Все, последний вечер, – оглядываюсь по сторонам, – даже грустно.

– Сантименты…

– Какой ты бесчувственный…

Богдан мягко смеется, целуя меня в щеку.

– Потанцуем?

– Серьезно? – такого я от него точно не ожидала. – Конечно, – сжимаю его ладонь.

В зале играет медленная музыка. Какой-то английский оркестр. Кладу руки Шелесту на плечи, задирая голову.

– Я так рада, что ты пришел именно в нашу школу, – шепчу, не разрывая визуальный контакт.

– Пришел бы не в вашу, встречался бы с какой-нибудь Глашкой, – крепче прижимает меня к себе.

– Шутник, – смеюсь, – я тебя очень люблю, – останавливаюсь, приподнимаясь на носочки, плевать на помаду, целую, утопая в этой неге ощущений.

– И я тебя, – трется носом о мой висок, – аху*нное платье.

– Эй, давайте уже к нам, – орет Федосеев, – хватит там обниматься.

Богдан сжимает мою ладонь, пропуская вперед. Галантно отодвигает стул, пожимая парням руку.

– Ну что, Гера, по текиле?

– Ой, Макс, отвали, я не пью.

– Ага, рассказывай, не пьет она. Сначала не пьет, потом в бассике купается.

– Федосеев, блин!

– А че я-то?

– Ну тебя. А ты чего ржешь? – толкаю Шелеста в бок.

– Короче, чуваки, школу мы прос*али, впереди универ!

Позитивный тост, ничего не скажешь. Прижимаюсь к Богдану и почти весь вечер не отхожу от него ни на шаг. Не хочется мне всей этой веселухи и глупых танцев. Мне просто хорошо находиться рядом с ним.

Часа через три все разбредаются по ресторану, устраивая негласные соревнования, кто больше выпьет.

Богдан допивает свою текилу и поднимается с места.

– Пойдем, – тащит меня в сторону лестницы.

– Куда мы идем?

– Пошли…

Взбегаю за ним наверх, шагая в конец коридора.

Шелест лапает меня за грудь, пытаясь стянуть вниз верх от платья.

– Ты обалдел? Я не буду делать это здесь, – останавливаюсь, но Богдан продолжает меня тянуть за руку.

– Пойдем, – прижимается, пробегая пальцами по оголенным плечам, целует в шею, растягивая дорожку этих поцелуев до уха, закусывая мочку, – я тебя хочу. Очень хочу.

Мы на втором этаже ресторана, в малоосвещенном углу коридора, и это ни капельки его не смущает. Богдан начинает задирать мое платье, совсем не слушая возражений.

– Я не хочу, не могу, – пищу, млея от узоров, которые его язык рисует на моей шее.

– Все ты можешь, – хрипло и немного грубо…

– Ты пьян…

– Нет, – ладонь ложится на мое бедро под задранным платьем.

– Ненормальный? – отталкиваю его, но он как танк, хрен сдвинешь.

– Нормальный, – шепчет на ухо, а пальцы уже скользят в мои трусики.

– Богдан, – обхватываю ладонями его лицо, прижимаясь сильнее, – ну потерпи, пожалуйста, давай не здесь, миленький мой, – целую его губы, щеки, он явно перепил. – Я так не хочу. Слышишь, мой хороший?!

Шелест отстраняется, его пальцы проходят вдоль моего слегка промокшего белья, а потом одергивают платье.

Громко выдыхает. Упираясь кулаком в стену.

– Прости, – прикрывает глаза.

– Все хорошо, – приподнимаюсь на носочки, целуя в нос, – я тоже очень-очень тебя хочу, но не здесь, хорошо?

Кивает.

– Поехали домой? Да?

Мне нужно его отсюда утащить, пока он ходит сам.

– Ага, – моргает, отталкиваясь от стены.

Пока я вызываю такси, Богдан успевает подсесть к Федосееву и выпить еще.

– Идем, – касаюсь его плеча, – такси нас ждет. Всем пока.

Вика махает мне рукой, улыбается.

Выходим на улицу, Макс идет впереди нас. Прикуривает, и Шелест резко тормозит рядом с ним.

– Стрельни?

– Стрельну…

Макс протягивает ему пачку, из которой Богдан вытягивает сигарету. Зажимает в зубах, поднося зажигалку. Я стою и оф*геваю. Чувствую себя весь вечер нянькой.

– Ты же не куришь…

– Гера моя, – подтаскивает к себе, – не ругайся, – выдыхает дым в сторону, – все, Максон, на созвоне…

Федосеев кивает, смотря вперед помутневшим взглядом…

Ужас.

У дома Баженовой расплачиваемся с таксистом и идем к двери. Шелест ищет ключи, но, кажется, это бесполезная затея. Звоню в дверь.

– Гера, – морщится, а мне смешно от этого выражения лица, – Ма же спит!

– Мы тогда так никогда домой не попадем…

– Ща я все найду…

– Ну-ну…

Марина открывает дверь, а я поджимаю губы.

– О, мамуля…

– Он пил? – приподнимает бровь.

– Ага, – киваю, убирая руки за спину.

– Удивительно…

– Не то слово…

– Он домой-то заходить собирается?

– Не знаю. Богдан, идем, – протягиваю ему ладонь, как ребенка, заводя внутрь.

– Мамулечка, ты самая лучшая, – стаскивает ботинки.

Марина усмехается, но заметив, что я смотрю, делает серьезное лицо.

– Спать иди…

– Я водички попью, можно?

– Ну попробуй…

Шелест идет на кухню, а я не знаю, как себя вести. Так и стою у двери…

– Проходи, – Баженова улыбается, – веселый у тебя вечерок выдался, как я вижу…

– Бывает, – пожимаю плечами, – не знаю, как так вышло, он же не пьет, вот и развезло, видимо…

Хотя, если быть честной, то ни*рена его не развезло. Они с Максом столько вылакали…

– Можешь не оправдывать, завтра все равно получит, поросенок…

– Вы и правда лучшая, – вырывается как-то само, поджимаю губы, опуская взгляд.

– Чай будешь?

– Буду.

– Пойдем тогда…

На кухне представление продолжается. Богдан уже успел попить водички и стоит у открытого холодильника со сковородой в руках. Что-то ест.

– За стол сядь.

– Не, – ставит все обратно в холодильник и садится на стул, – мам, я вот не специально…

– Ага, заливали в тебя.

– Ага, Гера вон и заливала.

Хочу его придушить.

– Я, короче, спать. Всем спокойной ночи…

Поднимается из-за стола и, проходя мимо меня, ударяет по заду. Господи, слава богу, Марина этого не видит.

Это не вечер, это просто что-то невозможное…

– Марина Юрьевна, я, наверное, домой поеду…

– Время четыре часа, оставайся уже у нас, если родители не будут против…

– Думаю, им сейчас не до меня.

– Я тебе в гостиной постелю, хорошо?

– Спасибо.

Утром разлепляю глаза от чьих-то шарканий. Задираю голову, наблюдая, как Богдаша топает на кухню.

– Водички? – говорю громко, так, что он вздрагивает, медленно оборачиваясь и держась за голову.

– Отстань…

– Плохо тебе, да?

– Гера…

– Что, мой хороший? – сажусь на диване…

– Язва, – уходит, а я иду следом. На мне ночнушка и халат, которые одолжила Марина. Запахиваю халат на поясе, выходя на кухню.

Богдан пьет воду, а на столе валяются какие-то таблеточки.

– Я тебя прошу…

– Я молчу, – усмехаюсь…

Подходит ближе, касаясь пояса халата, и медленно тянет его на себя.

– Я вчера переборщил, – трет затылок, немного хмурясь…

– Все хорошо, я понимаю, – сжимаю его ладонь, не могу больше строить из себя стерву…

– Вот поэтому и не пью, – усмехается, щелкая меня по носу.

– Голова болит, да? – морщусь, касаясь его лба.

– Чутка, Ма вчера, наверное, о*ренела.

– Да не то слово, – Марина заходит в кухню, с укором смотря на Шелеста.

– Казни, я на все согласен…

– Какое послушание. Завтракать будете?

– Будем, – отвечает за двоих…

– Садитесь тогда, а в качестве наказания на неделю к деду поедешь, он тебе миллион дел найдет.

Пока Богдан тусует в деревне, я успеваю подать документы в МГУ, надеюсь, что смогу поступить туда без отцовских денег, иначе он так и продолжит запрещать мне дышать.

Лето бежит со скоростью света, но апогей наступает в начале августа. Папа просит зайти к нему в кабинет, явно находясь в раздраженном состоянии. У него проблемы с бизнесом и в думе, не получается совмещать все на свете и усидеть на двух стульях. Даша тратит слишком много его кровно заработанных, а мама повторно подала в суд на раздел имущества. Немного пришла в себя после всего…

– Почему ты до сих пор не подготовилась к отъезду? – басит, как только я успеваю ступить на порог.

– Потому что я не полечу в Лондон, я останусь в Москве, и учиться буду здесь, – говорю обыденным, почти не дрожащим голосом.

– Ты опять за старое? – раздраженно вздыхает.

– Я имею право поступать так, как…

– Закрой уже рот, – резко переходит на крик. – У тебя нет ни права слова, ни тем более права выбора. Ты будешь

учиться там, где скажу я!

– Я уже подала документы в МГУ, – сжимаю кулаки.

– Ах это, – он усмехается, как-то странно улыбаясь, – я досрочно скажу ответ: тебя не приняли.

Я стою, забывая вдохнуть, и ненавижу его еще больше. Сколько можно? Сколько он будет управлять моей жизнью? Я не кукла. Не его личная игрушка. Я человек.

– Тогда я уйду из дома! – ору, как ненормальная, а отец начинает смеяться.

– И куда?

– Куда угодно, но там меня хотя бы будут уважать и считать человеком!

– Ну-ну, – жестко заключает отец, – можешь паковать чемоданы в Оксфорд!

В раздрае вылетаю из кабинета. Я в бешенстве. Нет, я больше чем в бешенстве. Залетаю в свою комнату, хватая с тумбочки телефон и всю наличку, что у меня есть. Кидаю в чемодан какие-то вещи, а потом бросаю его у шкафа. Не сейчас.

Мы договорились с Шелестом встретиться на набережной. Вызываю такси, нет желания пользоваться водителем. Уже в машине звоню Богдану, но он не берет трубку. Надеюсь, все хорошо, он как раз должен сегодня узнать результаты вступительных экзаменов.

Он меня выслушает. Он мне поможет. Мой Богдан всегда мне поможет.

Вылезаю из машины и бегом несусь к Шелесту. Он стоит у парапета, смотрит на Москву-реку. Обнимаю его, юркая в объятия, целую в губы. Богдан просто пожирает мой рот, от чего мне становится немного неуютно. Слишком много людей вокруг. Глажу его лицо, немного отстраняясь. Задерживаю взгляд на глазах. И понимаю, что что-то не то.

– Все хорошо? – с опасением.

С минуту между нами висит пауза, а потом он произносит то, что оглушает меня:

– Меня в армейку забирают.

Застываю. Не могу сказать и слова. Меня потряхивает, а из глаз выступают слезы. Это шутка? Внимательно всматриваюсь в его лицо, но нет. Это правда.

Господи, прикрываю глаза, с силой вцепляясь пальцами в его плечи. Что мне теперь делать?!

Конец первой части.